

**ТАДЖИКСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ПРАВА, БИЗНЕСА И ПОЛИТИКИ**

На правах рукописи

УДК 340 (575.3)

ББК 67.99 (5 Тадж)

Д-14



ДАДОБОВЕВА ЗАРИНА АБДУРАСУЛОВНА

**ОБЩАЯ КОНЦЕПЦИЯ ПРАВОНАРУШЕНИЯ: ТЕОРЕТИКО-
ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ**

ДИССЕРТАЦИЯ

**на соискание учёной степени доктора философии (PhD) – доктора по
специальности 6D030100 – Юриспруденция (6D030101 – Теория и история
права и государства; история учений о праве и государстве)**

**Научный руководитель:
доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой теории и
истории государства и права
юридического факультета
Таджикского национального университета
Азиззода Убайдулло Абдулло**

Худжанд – 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕРЕЧЕНЬ СОКРАЩЕНИЙ И (ИЛИ) УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ.....	3
ВВЕДЕНИЕ.....	4-22
ГЛАВА 1. РАЗВИТИЕ КОНЦЕПЦИИ ПРАВОНАРУШЕНИЯ.....	23-68
1.1. Теоретико-методологические основы понятия «правонарушение».....	23-36
1.2. Концепция правонарушения в досоветский период развития исторического Таджикистана.....	36-55
1.3. Развитие концепции правонарушения в советской и Новейшей истории Таджикистана.....	56-68
ГЛАВА 2. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ КЛАССИФИКАЦИИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ.....	69-146
2.1. Основания классификации видов правонарушений.....	69-85
2.2. Правонарушения в публичном праве.....	85-121
2.3. Правонарушения в частном праве.....	121-136
2.4. Правонарушения в международном праве.....	136-146
ГЛАВА 3. ПРАВОНАРУШЕНИЕ И СМЕЖНЫЕ ПРАВОВЫЕ КАТЕГОРИИ.....	147-203
3.1. Правонарушение и злоупотребление правом.....	147-159
3.2. Правонарушение и нарушение субъективных прав.....	159-171
3.3. Правонарушение и объективно-противоправное деяние.....	171-187
3.4. Правонарушение и правовая ошибка.....	187-203
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	204-207
РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ПРАКТИЧЕСКОМУ ИСПОЛЬЗОВАНИЮ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ.....	208-211
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	212-236
ПЕРЕЧЕНЬ НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ СОИСКАТЕЛЯ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ.....	237-239

ПЕРЕЧЕНЬ СОКРАЩЕНИЙ И (ИЛИ) УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ

РТ – Республика Таджикистан

ГК – Гражданский кодекс

КоАП – Кодекс об административных правонарушениях

РФ – Российская Федерация

УК РТ – Уголовный кодекс Республики Таджикистан

УК РФ – Уголовный кодекс Российской Федерации

СНГ – Содружество Независимых Государств

ШОС – Шанхайская организация сотрудничества

СССР – Союз Советских Социалистических Республик

США – Соединенные Штаты Америки

ТК – Трудовой кодекс

УК – Уголовный кодекс

ФРГ - Федеративная Республика Германия

**КМП ООН – Комиссия международного права Организации
Объединенных Наций**

ст. – статья

п. – пункт

ч. – часть

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Правонарушение как социально-правовое явление и фундаментальная юридическая категория занимает одно из центральных мест в теории государства и права, потому что именно через него раскрываются пределы допустимого и недопустимого поведения, содержание правового регулирования, а также основания и пределы юридической ответственности. Категория правонарушения отражает реакцию государства и общества на отклонение поведения субъектов от требований правовых норм и тем самым служит важнейшим инструментом обеспечения правопорядка и законности.

На протяжении длительного времени правонарушение рассматривалось преимущественно в контексте юридической ответственности и охранительных правоотношений. Однако современные процессы социального развития, сопровождающиеся усложнением общественных отношений, цифровизацией, трансформацией форм публичного управления и расширением частноправового регулирования, выявили ограниченность традиционных формально-юридических подходов к пониманию правонарушения. Возникновение новых форм противоправного поведения, а также изменение способов их правовой оценки требуют более глубокого теоретического осмысления сущности правонарушения как сложного и многопланового правового явления.

Особую значимость проблема правонарушения приобретает в условиях становления и развития в Республике Таджикистан правового государства. В связи с этим, важнейшее значение имеет государственная политика, направленная на укрепление законности и предупреждение правонарушений. При этом Основатель мира и национального единства – Лидер нации, Президент Республики Таджикистан уважаемый Эмомали Рахмон в своём Послании к Маджлиси Оли РТ от 16 декабря 2025 года отметил «Обеспечение общественной безопасности,

политической стабильности, мира и единства, верховенство закона являются основным гарантом устойчивого социально-экономического развития и повышения уровня и улучшению качества жизни населения страны.

В связи с этим, все силовые структуры и правоохранительные органы обязаны верно и преданно обеспечивать мир и стабильность в обществе, безопасность государства и народа Таджикистана»[26].

В Концепции правовой политики Республики Таджикистан на 2018-2028 годы отмечается: «Высокий уровень правового просвещения гражданина, который напрямую зависит от качества и доступности правовой информации, может способствовать: повышению уважения к закону и иным нормативным правовым актам в качестве одного из основных и ключевых средств регулирования общественных отношений, снижению правового нигилизма, а также формированию внутри человека убеждения в необходимости правового поведения, выработке чувства ответственности, подчинения положениям нормативных правовых актов. В итоге гражданин почувствует себя в обществе совершенно свободным, защищенным свои основные права и законные интересы на соответствующем уровне и степени» [18].

Эффективность правовой политики, качество правотворческой деятельности и результативность правоприменения во многом зависят от концептуальной определённости базовых категорий теории права. Недостаточная теоретическая разработанность понятия правонарушения и отсутствие единого доктринального подхода к его пониманию отрицательно сказываются на согласованности законодательства, усложняют квалификацию противоправных деяний и снижают эффективность мер юридической ответственности и профилактики правонарушений.

Современная юридическая наука характеризуется многообразием подходов к определению правонарушения, его признаков, структуры и классификации. При этом значительная часть научных исследований

носит отраслевой характер и ориентирована на анализ отдельных видов правонарушений, что не всегда позволяет выявить общие закономерности противоправного поведения. Отсутствие целостной теоретико-правовой концепции правонарушения приводит к фрагментарности научных выводов и затрудняет их использование в правотворческой и правоприменительной практике.

Актуальность темы исследования возрастает и в связи с сохраняющейся в юридической доктрине и практике неопределённостью в разграничении правонарушения и смежных правовых категорий, таких как злоупотребление правом, нарушение субъективных прав, объективно-противоправное деяние, правовая ошибка. Недостаточная разработанность критериев такого разграничения порождает противоречия в правоприменительной деятельности и снижает уровень правовой определённости.

Важным является и то обстоятельство, что в законодательстве Республики Таджикистан отсутствует единый концептуальный подход к понятию «правонарушение». В нормативных правовых актах данная категория трактуется по-разному, что значительно затрудняет правовое регулирование и усложняет формирование последовательной государственной политики в сфере предупреждения правонарушений.

Президент Республики Таджикистан уважаемый Эмомали Рахмон в своём Послании к МО РТ отметил: «Борьба с терроризмом и экстремизмом, радикализмом, незаконным оборотом наркотиков, контрабандой оружия, киберпреступностью и другой организованной транснациональной преступностью является основной задачей силовых структур и правоохранительных органов государства в нестабильных условиях современного мира»[26].

Из этого следует, что разработка теоретико-правовых положений, как доктринальной основы для унификации понятийного аппарата и совершенствования законодательства, - задача весьма актуальная, и ее

решение востребовано самой практикой правоохранительной деятельности.

Указанные обстоятельства в совокупности обуславливают необходимость проведения комплексного теоретико-правового исследования, направленного на разработку общей концепции правонарушения, отражающей его социально-правовую природу, структурные элементы и функциональное значение в механизме правового регулирования, а также ориентированной на потребности правовой системы Республики Таджикистан.

Степень изученности научной темы. Проблема правонарушения занимает значительное место в трудах представителей теории государства и права, философии права и отраслевых юридических наук. В научной литературе были сформулированы различные подходы к определению правонарушения, раскрыты его признаки, исследована структура состава правонарушения, а также предложены классификации противоправных деяний.

В советский период исследования посвященные вопросам правонарушения проводились преимущественно в рамках общей теории права и были тесно связаны с проблематикой юридической ответственности, законности и правопорядка. В постсоветский период научные исследования в этой сфере продолжились, однако в них во многом сохранились традиционные методологические установки, которые не всегда позволяют адекватно учитывать современные процессы правовой трансформации.

В юридической науке Республики Таджикистан проблеме правонарушения тоже уделялось внимание, но преимущественно в контексте отраслевых исследований и решения прикладных вопросов. Комплексных же теоретико-правовых исследований, направленных на формирование целостной концепции правонарушения с учётом современных условий развития правовой системы, до сих пор практически не проводилось.

Таким образом, несмотря на наличие значительного массива научных трудов, в которых рассматривались проблемы правонарушения, в таджикской юридической науке до настоящего времени сохраняется объективная потребность в дальнейшем развитии теории правонарушения, систематизации научных подходов и выработке единой теоретико-правовой концепции, ориентированной на потребности правотворческой и правоприменительной практики Республики Таджикистан.

О степени научной разработанности темы диссертации можно судить по работам отечественных учёных, преимущественно по их монографиям и диссертационным исследованиям. В их трудах рассматриваются вопросы правонарушения, преступления, юридической ответственности, а также историко-правовые особенности становления и развития этих правовых институтов на территории Таджикистана. К числу таких исследователей относятся: Г.С. Азизкулова[34], У.А. Азиззода[157], Э.Б. Буризода[161], А.Г. Халикзода[178], Ф.Т. Тахиров[105], И.Д. Сафаров[176], Б.А. Сафарзода[95], Р.Ш. Шарофзода[96], Д.С. Обидов[81], Ш.Ю. Кенджазода[168], Ф.А. Азимзода[158] в трудах этих учёных-юристов нашли отражение отдельные аспекты эволюции институтов преступления и наказания в историческом и современном Таджикистане, вопросы правонарушений и преступлений в зороастризме, зарождения и развития институтов уголовного права в мусульманском праве на территории исторического Таджикистана, становления советского права в Таджикистане, а также другие теоретико-правовые и историко-правовые проблемы правонарушений и института юридической ответственности.

Исследованию некоторых теоретико-правовых вопросов правонарушений посвятили свои труды и такие отечественные исследователи, как: Р.Ш. Шарофзода[111], С. Хасанов[109], И.И. Ализода[159], Ф.А. Бобохонов[160], А.З. Куканов[137], Г.А. Шокиров[155].

Значительный вклад в разработку проблем правонарушения, юридической ответственности и смежных правовых категорий внесли также учёные стран СНГ, прежде всего Российской Федерации, чьи исследования носят специализированный характер, здесь можно назвать А.А. Гогина[165], Е.В. Бестужеву[162], И.В. Маштакова[170], Д.А. Липинского[65], Н.Н. Вопленко[46], А.Г. Галузина[164], Н.С. Малеина [70] и др.

Вопросы правонарушения и его отдельных видов нашли отражение в трудах отечественных и зарубежных учёных. Р.Ш. Шарофзода и С. Хасанов в своих исследованиях рассматривают основные признаки правонарушения, раскрывая его сущность через противоправность, виновность, общественную вредность и возможность наступления юридической ответственности [111], [109]. И.В. Маштаков уделяет внимание вопросам классификации правонарушений, раскрывая содержание публичного, частного и международного права[170].

Особое внимание заслуживает социальная характеристика правонарушения. А.А. Гогин отмечает: «Правонарушение как конфликтное деяние есть социальное явление, определяемое не столько экономическими условиями и причинами, сколько духовной, нравственной, интеллектуальной, культурной, исторической, религиозной и политической действительностью» [165, с. 13].

Проанализировав научные работы названных выше авторов, мы пришли к выводу, что теоретико-методологические основы понятия “правонарушение”, в этих работах разработаны недостаточно глубоко и полно. Что же касается эволюции указанного понятия на разных этапах правового развития Республики Таджикистан – в досоветский, советский и постсоветский периоды, то они тоже требуют более полного обоснования и решения. В отечественной юридической науке отсутствует комплексный анализ концептуальных подходов к классификации правонарушения в публичном, частном и международном праве, что отрицательно сказывается на согласованности теоретических положений

и правоприменительной практике. Кроме того, остается малоизученным такой вопрос, как разграничение правонарушения со смежными правовыми категориями, такими, как злоупотребление правом, нарушение субъективных прав, объективно-противоправное деяние и правовая ошибка.

Связь исследования с программами (проектами) и научной тематикой.

Данная диссертация подготовлена и реализована в рамках перспективной программы научно-исследовательской работы кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики на 2021-2025 г. по теме «Положение культурно-исторических факторов, доктрин права, правосудия и справедливости в развитии национальной модели правового и демократического государства», а также по теме «Проблемы формирования и развития государственно-правовых явлений в современную эпоху» на 2026-2030 г.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Общая характеристика исследования посвящена ключевым аспектам рассматриваемой проблемы, целью исследования выступает комплексный обзор историко-правовых, теоретико-правовых и системно-правовых концепций правонарушения, определения важного объекта исследования, конкретизации рассматриваемой темы, обобщения научной работы на различных этапах и стадиях исследования, углубленно проанализированы научное обоснование предмета и его связь с концепцией, стратегией и государственными программами, совокупность полученных результатов, выводов и новых научных достижений, достигнутых в ходе ведения научной деятельности. В положениях, выносимых на защиту, представлены основные научные выводы и принципиально новые положения. Основные аспекты теоретической значимости исследования, степень обоснованности результатов диссертации, соответствие диссертации паспорту научной

специальности, личный вклад соискателя учёной степени, апробация и практическое применение основных этапов исследования, публикации по теме диссертации, а также её структура и объём относятся к числу важных вопросов, которые в ходе научного исследования были всесторонне и полно рассмотрены.

Цель исследования. Целью диссертационного исследования является комплексное теоретико-правовое изучение правонарушения как фундаментальной категории юриспруденции, выявление его сущностных характеристик, закономерностей проявления и классификации, а также определение границ его взаимодействия со смежными юридическими категориями, в частности с правовой ошибкой и злоупотреблением правом. Исследование направлено на формирование целостного понимания природы правонарушения, анализ его объективной и субъективной сторон, показ роли в обеспечении правового порядка, а также на разработку научно обоснованных подходов к квалификации, применению норм юридической ответственности и совершенствованию правоприменительной практики в современной правовой системе Республики Таджикистан.

Задачи исследования.

Для достижения поставленной цели в диссертации предполагается решение следующих задач:

- раскрытие теоретико-методологических основ понятия «правонарушение»;
- исследование эволюции научных представлений о правонарушении в досоветской, советской и Новейшей истории развития Таджикистана;
- обоснование базиса для системной классификации видов правонарушений;
- исследование особенностей правонарушений в публичном, частном и международном праве;

- определение основных разграничений правонарушения и злоупотребления правом, уточнение их взаимосвязи и отличий по юридической природе;
- проведение теоретического разграничения правонарушения с нарушением субъективных прав и объективно-противоправным деянием;
- определение отличительных черт правонарушения и правовой ошибки.

Объект исследования: Общественные отношения, возникающие в связи с формированием, развитием и реализацией института правонарушения в системе права, а также закономерности его функционирования в современном правовом государстве.

Предметы исследования - теоретико-правовые концепции правонарушения, эволюция этого понятия в досоветской, советской и Новейшей истории Таджикистана; сущностные признаки, структура, классификации, а также соотношение правонарушения со смежными правовыми категориями.

Этапы, место и период исследования (исторические рамки исследования). Диссертационная работа прошла этапы утверждения, подготовки, согласования и обсуждения на кафедре. Место проведения исследования – кафедра теории и истории государства и права юридического факультета Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Теоретические и правовые аспекты диссертационной работы определялись и обосновывались в ходе исследования, соответственно определенным этапам. Одновременно формулировались теоретические и практические выводы. Срок завершения исследования – 2026 г.

Теоретическую основу исследования составляют фундаментальные положения теории государства и права, философии права, а также научные концепции, посвящённые проблемам правонарушения, юридической ответственности, правового регулирования и правопорядка. Работа основывается на теоретических положениях о

социальной природе права, взаимосвязи права и поведения, роли правосознания и правовой культуры в формировании правомерного и противоправного поведения. Существенное значение имеют концепции, раскрывающие правонарушение как юридический факт, порождающий охранительные правоотношения и являющийся основанием для юридической ответственности.

Теоретической базой исследования послужили также научные труды представителей классической и современной юридической доктрины, в которых разработаны вопросы, касающиеся сущности правонарушения, его признаков, состава и классификации. В диссертации критически осмыслены традиционные подходы к пониманию правонарушения, выявлены их методологические ограничения и показана необходимость формирования целостной теоретико-правовой концепции. Особое внимание уделено теоретическим разработкам, посвящённым разграничению правонарушения и смежных правовых категорий, включая злоупотребление правом, нарушение субъективных прав и объективно противоправное деяние. Эти положения послужили основой для формулирования авторских выводов и концептуальных предложений.

Методологические основы исследования. Методологическую основу диссертационного исследования составляет совокупность общенаучных, частнонаучных и специально-юридических методов познания, применение которых позволило всесторонне и системно исследовать правонарушение как сложное социально-правовое явление и фундаментальную категорию юриспруденции.

В основе исследования лежит диалектический метод, обеспечивший рассмотрение правонарушения в его развитии, взаимосвязи и обусловленности социальными, историческими и правовыми факторами. Использование данного метода позволило выявить внутренние противоречия в существующих теоретических подходах и обосновать необходимость их концептуального переосмысления. Системно-

структурный метод применялся при анализе правонарушения как целостной правовой конструкции, включающей совокупность взаимосвязанных элементов (объект, объективная сторона, субъект, субъективная сторона). Данный метод позволил раскрыть функциональное значение каждого элемента состава правонарушения и их роль в механизме правового регулирования. Формально-юридический метод использовался при исследовании нормативных правовых актов Республики Таджикистан, анализе юридического и терминологического аппарата, а также при выявлении несогласованности и фрагментарности законодательного регулирования в сфере правонарушений. Историко-правовой метод позволил проследить эволюцию научных взглядов на правонарушение, выявить особенности формирования доктринальных подходов в различные исторические периоды и определить их влияние на современное состояние теории права. Сравнительно-правовой метод применялся при анализе различных научных концепций правонарушения, а также при сопоставлении подходов к пониманию противоправного поведения в публичном, частном и международном праве.

Использование указанных методов в их совокупности обеспечило комплексный характер исследования и обоснованность полученных выводов.

Эмпирические предпосылки. В процессе изучения темы диссертации был использован широкий круг теоретико-правовых и историко-правовых источников, а также правовых актов, регулирующих отношения в сфере правонарушений и их предупреждения. Были использованы также правовые акты Советского Таджикистана и независимого Таджикистана, охватывающие изучаемые вопросы, а именно Конституция Республики Таджикистан, отраслевые законы, концепции, стратегии, государственные программы и другие нормативно-правовые акты; материалы судебной и административной практики; официальные разъяснения уполномоченных органов, что

позволило выявить типичные проблемы квалификации правонарушений и подтвердить практическую значимость теоретических выводов.

Анализ эмпирических данных способствовал выявлению несогласованности в использовании понятийного аппарата в нормативных правовых актах и правоприменительной практике, а также подтвердил необходимость унификации теоретических подходов к понятию «правонарушение».

Научная новизна исследования Данная диссертация представляет собой первое в истории юридической науки Республики Таджикистан комплексное теоретико-правовое исследование правонарушения и современных эффективных механизмов его предотвращения. Научная новизна исследования подтверждается следующими научными результатами:

- рассмотрены теоретические основы правонарушения как целостной теоретико-правовой концепции, объединяющей социальные, юридические и функциональные аспекты противоправного поведения;

- разработан системный подход к пониманию сущности правонарушения, позволяющий рассматривать его не только как формальное нарушение правовой нормы, но и как сложное социально-правовое явление;

- обоснована концептуальная классификация правонарушений с учётом особенностей публичного, частного и международного правового регулирования;

- сформулированы теоретические критерии разграничения правонарушения и злоупотребления правом;

- уточнено соотношение правонарушения, нарушения субъективных прав и объективно противоправного деяния;

- обоснована необходимость концептуального нормативного закрепления единого теоретико-правового подхода к понятию правонарушения в законодательстве Республики Таджикистан.

Положения, выносимые на защиту. Научная новизна диссертационного исследования проявляется также в следующих теоретических положениях, выносимых на защиту:

1. В работе доказана теоретико-правовая концепция правонарушения как комплексной юридической категории, отражающей единство социальных, юридических и функциональных характеристик противоправного поведения. Правонарушение следует рассматривать не только как формальное нарушение правовой нормы, но и как сложное социально-правовое явление, обусловленное характером охраняемых общественных отношений, степенью общественной вредности деяния и особенностями механизма юридической ответственности. Такой подход позволяет преодолеть узкоформальное понимание правонарушения, сложившееся в традиционной отраслевой доктрине, и сформировать целостную теоретико-правовую модель правонарушения в системе современного права.

В первые на теоретическом уровне предложено понятие правонарушения: правонарушением следует понимать социально обусловленное и юридически значимое противоправное действие или бездействие субъекта права, выражающееся в нарушении установленных правовых норм, посягающее на охраняемые законом общественные отношения, права и законные интересы личности, общества и государства, причиняющее им вред либо создающее реальную угрозу его причинения и выступающее основанием для применения предусмотренных законом мер юридического воздействия. Вместе с тем следует отметить, что, несмотря на наличие в законодательстве Республики Таджикистан нормативных определений правонарушения (в частности в сфере административного законодательства), целостный теоретико-правовой подход к данному понятию на уровне всего законодательства не сформирован. Действующее законодательство использует различные отраслевые определения правонарушения, что приводит к фрагментарности правового регулирования и затрудняет

единообразное применение правовых норм. В связи с этим, предполагается единая теоретико-правовая модель правонарушения – как методологическая основа для дальнейшего совершенствования национального законодательства и повышения эффективности правовой политики государства.

2. На основе историко-правового анализа, раскрыта эволюция научных представлений о правонарушении в досоветский, советский и новейший периоды развития правовой системы Таджикистана. Установлено, что формирование и развитие концепции правонарушения происходило под влиянием изменений в социально-политическом устройстве общества, трансформации правовой идеологии и развития правовой системы государства. Современное понимание правонарушения формируется на основе синтеза классических теоретико-правовых подходов и современных научных представлений о роли права в регулировании общественных отношений.

3. Обоснована концептуальная модель классификации правонарушений, основанная на характере правового регулирования и особенностях охраняемых общественных отношений. В рамках предложенного подхода правонарушения систематизированы на правонарушения в сфере публичного права, частного права и международного права. Данная классификация позволяет более полно раскрыть юридическую природу различных форм противоправного поведения и способствует более точному определению мер юридической ответственности. Выявлены и теоретически обоснованы особенности правонарушений в публичном, частном и международном праве, обусловленные спецификой регулируемых общественных отношений и характером правового воздействия. Правонарушения в публичном праве связаны преимущественно с посягательством на публичные интересы государства и общества и характеризуются повышенной степенью общественной опасности, тогда как правонарушения в частном праве затрагивают прежде всего субъективные права и законные интересы

участников частноправовых отношений. Международные правонарушения обладают особой юридической природой, потому что связаны с нарушением норм международного права и затрагивают интересы международного сообщества.

4. Сформулированы теоретические критерии разграничения правонарушения и злоупотребления правом. Злоупотребление правом представляет собой самостоятельную юридическую категорию, занимающую промежуточное положение между правомерным поведением и правонарушением. Его особенностью является формальное соответствие поведения субъекта нормам права при одновременном использовании предоставленного ему субъективного права вопреки его социальному назначению, принципам добросовестности и справедливости.

Нарушения субъективных прав и объективно-противоправные деяния (внешне противоправные деяния) имеют определенное соотношение с правонарушением. Не каждое нарушение субъективного права образует правонарушение, так как для признания деяния правонарушением необходимо наличие совокупности его юридических признаков, включая противоправность, виновность и причинение вреда. Также объективно-противоправное (внешне противоправное) деяние может не содержать признака вины и, следовательно, не всегда образует правонарушение в юридическом смысле.

Доказано, что правонарушение и правовая ошибка, как, самостоятельные правовые категории, имеют свои собственные отличительные признаки. Правовая ошибка представляет собой форму неправомерного поведения, связанную с неправильным пониманием или применением правовой нормы субъектом правоотношения. В отличие от правонарушения, правовая ошибка может быть обусловлена объективными факторами правоприменительной деятельности и не всегда сопровождается наличием виновного противоправного намерения.

Теоретическая и практическая значимость исследования.

Представленные в диссертации идеи и выводы могут послужить основой для дальнейшего теоретико-правового исследования и углубления научных представлений о правонарушении как фундаментальном институте юриспруденции. Практическая значимость исследования заключается в том, что разработанные по его итогам рекомендации представляют возможность использования результатов исследования в правотворческой и законодательной деятельности, правоприменительной практике, в учебном процессе при преподавании теории государства и права, истории государства и права Таджикистана, конституционного, административного, уголовного, гражданского и других отраслей права, а также при преподавании специальных курсов.

Степень достоверности результатов диссертации. Достоверность результатов диссертационного исследования обеспечивается использованием апробированных научных методов, анализом нормативных правовых актов, материалов правоприменительной практики, а также логической согласованностью выводов и их соответствием современному уровню развития юридической науки.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности. Диссертация соответствует паспорту научной специальности: 6D030101- Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве, утвержденному Высшей аттестационной комиссией при Президенте Республики Таджикистан от 25 сентября 2025 г., №10.

Личный вклад соискателя учёной степени подтверждается уровнем научной новизны диссертации, представленными к защите научными положениями, научными статьями и докладами автора на конференциях различного научно-практического уровня. Одновременно с этим, личный вклад автора выражается в стиле изложения, постановке проблем и их решении.

Апробация и применение результатов диссертации. Диссертация была подготовлена, обсуждена и рекомендована к защите на кафедре теории и

истории государства и права юридического факультета Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Основные результаты диссертационного исследования были представлены в виде докладов на научно-теоретических республиканских и международных конференциях:

а) международные:

– на Международной научно-практической конференции на тему «Таджики в зеркале истории», посвященной 115-летию академика АН СССР Б. Гафурова, с докладом на тему «Понятие правонарушения» (27 октября 2023 г., г. Душанбе);

- на Международной научно-теоретической конференции на тему «Терроризм и экстремизм - угроза безопасности человечества!», посвященной 35 – й годовщине для государственной независимости Республики Таджикистан; с докладом на тему «Терроризм – как международное преступление» (27 октября 2023 г., г. Худжанд);

- на Международной научно-теоретической конференции на тему «Водные ресурсы в современном мире: проблемы и эффективное использование», посвященной Международному десятилетию «Вода для устойчивого развития 2018-2028» и объявлению 2025 года «Международным годом защиты ледников», с докладом на тему «Правонарушения в области водопользования» (25 мая 2023 г., г. Худжанд);

- на Международной научно-теоретической конференции на тему «Теоретические вопросы формирования культуры прав человека в Таджикистане», посвященной празднованию дня прав человека, с докладом на тему «Правонарушение и злоупотребление правом» (5 декабря 2023 г., г. Душанбе);

- на Международной научно-теоретической конференции на тему «Изменение климата и его влияние на экономическое и социальное развитие стран», посвященной Международному десятилетию «Вода для устойчивого развития 2018-2028», с докладом на тему «Правовое

регулирование проблемы защиты ледников в Республике Таджикистан» (12 марта 2024 г., г. Худжанд);

-на Международной научно-теоретической конференции «Права человека и глобализация», посвящённой дню прав человека, с докладом на тему «Ҳуқуқвайронкунӣ ва кирдори зиддиҳуқуқии объективӣ» (“Правонарушение и объективно-противоправное деяние”) (10 декабря, 2025 г., г. Душанбе).

б) республиканские:

- на республиканской научно-теоретической конференции на тему «Роль Лидера нации в развитии правового просвещения общества» посвященной «Году правового просвещения», на базе кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Таджикского национального университета, с докладом на тему “Прововое просвещение и профилактика правонарушений несовершеннолетних”(14 июня 2024 г., г. Душанбе);

– на республиканской научно-практической конференции на тему “Конституция Республики Таджикистан – основа устойчивого формирования правового просвещения и строительства правового государства”, посвященной 30-летию Дня Конституции Республики Таджикистан и “Году правового просвещения”, с докладом на тему “The role of legal education in the prevention of juvenile delinquency” (“Роль правового просвещения в предупреждении правонарушений со стороны несовершеннолетних”) (23 октября 2024 г., г. Худжанд).

Публикации по теме диссертации. Основные результаты диссертационного исследования изложены в 13 научных статьях автора, из них 5 статей опубликованы в ведущих журналах, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Президенте Республики Таджикистан.

Структура и объем диссертации определяются содержанием изучаемой темы, целями и задачами диссертационного исследования. Диссертация состоит из списка сокращений и условных знаков, введения, трех глав,

включающих одиннадцать параграфов, заключения, рекомендаций по практическому использованию результатов исследования, списка литературы и списка научных публикаций соискателя учёной степени. Общий объем диссертации составляет 239 страниц компьютерного набора.

ГЛАВА 1. РАЗВИТИЕ КОНЦЕПЦИИ ПРАВОНАРУШЕНИЯ

1.1. Теоретико-методологические основы понятия «правонарушение»

В условиях современного интенсивного развития общества и появления новых сфер деятельности, формирование новых социально-правовых отношений, внимание правоведов к вопросам, связанным с правонарушениями, значительно возросло.

Человек – социальное существо, и для удовлетворения своих интересов и потребностей, ему приходится регулярно вступать в самые различные отношения с другими членами социума. При этом участие индивидуума в данных отношениях имеет разную степень социальной значимости. Так, физическое лицо своими действиями может принести обществу определенную пользу или же, наоборот нанести вред другим участникам отношений. В связи с этим, государство, являясь гарантом безопасности всех членов общества и его официальным представителем, устанавливает конкретно дозволенные границы общественно значимого поведения своих граждан, коллективных объединений, а также должностных лиц.

Оценивая действия индивида через призму права, государство устанавливает три основных вариации его поведения – юридически нейтральное (индифферентное), правомерное, и противоправное (правонарушение). Причём в сфере права правомерные действия определяются как доминирующие. Они лежат в основе нормальной деятельности общества. Говорить о правомерном поведении субъектов можно лишь в той мере, в какой их действия совпадают с образцом, установленным в правовой норме, которая служит основанием и в то же время критерием правомерного поведения одного субъекта или группы субъектов.

Следовательно, правомерное поведение - это такое поведение субъектов, которое отвечает предписаниям правовых норм. В

правомерном поведении претворяется свобода человеческого общения, удовлетворяются различные интересы индивидуума, реализуются действия граждан, должностных лиц, государственных, общественных и частных организаций. Все действия субъектов права будут правомерными при соблюдении ими разрешений или при исполнении обязанностей, установленных в правовых нормах (субъективные права и обязанности).

Правомерное поведение выражается не только в положительном действии субъектов, но и в их положительном бездействии, когда лицо избегает совершения действий, опасных для той или иной социальной общности или конкретного лица. Социальную сущность правомерного поведения составляют единство и общность наиболее ценных интересов граждан.

Юридически нейтральное (индифферентное) поведение представляет собой поведение, находящееся в сфере правового регулирования, но не урегулированное нормами права. Последнее можно объяснить либо отсутствием значимого интереса со стороны государства к его нормативной регламентации, либо недостаточной эффективностью нормотворческой деятельности. В результате в правовом регулировании возникают пробелы, вследствие которых отдельные виды общественных отношений не получают прямого нормативного закрепления. В данном случае встает вопрос о понимании правонарушения как такового, о трактовке этого понятия. В целом, правонарушение рассматривается правоведами как разновидность антисоциального, противоправного поведения, и для обоснования этого положения учеными-юристами были разработаны соответствующие теоретические и методологические основы, были выявлены признаки правонарушения и определены элементы состава правонарушения.

В историческом плане о правонарушении, как неразлучном спутнике права, можно говорить в контексте ранних классовых обществах. Весьма интересным является замечание выдающегося теоретика права Г.Ф.

Шершеневича, который подчёркивал, что «возможность нарушений норм права составляет их необходимое предположение, потому что нормы права стремятся угрозой воздействовать на сопротивляющуюся волю отдельных членов...Но, если бы исчезла мысль о возможности правонарушений, не было бы правового общения» [114, с. 545].

В теории права правонарушение рассматривается как социально и юридически противоположное понятию «правомерное поведение».

Социальная природа правонарушений выражается в их общественной опасности, они представляют угрозу сложившейся системе общественных отношений, потому что могут проявляться не только как разовое деяние, но и как совокупность определенных человеческих поступков, способных причинить существенный ущерб нормальному функционированию общественной жизни.

В юридической литературе можно встретить различные мнения о сущности и качественных (объективных) признаках правонарушений.

По определению Р.Ш. Шарофзода, «правонарушение – это противоправное, виновное деяние лица, обладающего деликтоспособностью, наносящее вред обществу и подлежащее юридической ответственности»[111, с. 851].

По мнению С. Хасанова, «правонарушение – это поведение вменяемых людей, противоречащее правовым нормам и наносящее вред обществу»[109, с. 181].

В понимании Е.А. Белых, правонарушением является «виновное, противоправное деяние, совершенное вменяемым человеком, который достиг установленного законом возраста»[124, с. 85].

Согласно Л.А. Морозовой, «правонарушение – это противоправное виновное деяние (действие или бездействие), причиняющее или способное причинить вред обществу, государству, отдельным лицам и совершенное деликтоспособным субъектом»[71, с. 305]. В свою очередь, Н. С. Малеин определяет термин «правонарушение» как «нарушение права, акт, противный праву, его нормам, закону; совершить

правонарушение – значит «преступить» право» [70, с. 28]. В.Я. Любашиц характеризует «правонарушение как общественно вредное виновное деяние дееспособного лица, которое противоречит требованиям норм права»[66, с. 387].

В свою очередь, С.Н. Равина и А.В. Сидорова рассматривают «правонарушение как антиобщественное деяние, причиняющее вред обществу и влекущее юридическую ответственность в соответствии с требованиями закона» [148, с. 123].

Анализ приведенных дефиниций и научных подходов различных исследователей к трактовке понятия правонарушения позволяет сделать вывод о том, что они базируются на неодинаковых концепциях понимания сущности правонарушения как социально-правового явления.

Вместе с тем в практике правоприменения проблема определения правонарушения получила законодательное разрешение. В действующих уголовном и административном законодательствах Республики Таджикистан закреплены соответствующие легальные дефиниции правонарушения и преступления (ст. 17 Уголовного кодекса Республики Таджикистан и ст. 17 Кодекса Республики Таджикистан об административных правонарушениях соответственно), где перечислены признаки данных видов противоправных деяний.

В теории права выделяются следующие основные и квалифицирующие признаки правонарушения:

1) деяние, то есть действие или бездействие, осознанное поведение субъекта, который способен управлять своими действиями. Внутренние переживания, намерения и размышления субъекта не обладают юридической значимостью до тех пор, пока не находят выражения во внешнем поведении, реализуемом в форме конкретных действий. Действие – это активное поведение субъекта, которое приводит к нарушению общественно-правовых норм. Бездействие же проявляется в волевом пассивном поведении человека, когда субъект не выполняет или

ненадлежащим образом выполняет возложенные на него определенные обязанности, в результате чего нарушается или создается угроза нарушения действующих норм права;

2)противоправность деяния - проявляется в его несоответствии установленным нормам права и выходе за их пределы. Пределы противоправности определяются государством с учётом исторических условий, государственно-национальных традиций и обычаев, общественного мнения, степени распространенности противоправных действий и иных социальных факторов;

3)общественная опасность или общественная вредность деяния. Иными словами, любое правонарушение способно причинить ущерб общественным, государственным или личным интересам, что ведёт к негативным последствиям: дестабилизации установленного правопорядка и причинению материального или иного вреда обществу и государству. В юридической науке термин «общественная опасность» применяется и в отношении преступлений, а также применительно к административным правонарушениям, тогда как гражданско-правовые, дисциплинарные, процессуальные и иные виды правонарушений, обладая вредоносным характером, не несут общественной опасности. Вред проявляется в различных формах: он может быть материальным, моральным, возмещаемым и невозмещаемым, значительным и незначительным, физическим или духовным и т.д. Вред общественным отношениям причиняется не только в случаях уничтожения какого-либо имущества или ценной вещи, но и, например, формированием нелегальной группировки, которая не успела совершить преступление, или же изготовлением поддельного документа, который не был даже использован. Как справедливо отмечает профессор Р.Ш. Шарофзода, «...не только фактический вред, но и угрозу (риск) вреда можно признать как признак правонарушения»[111, с. 853]. Таким образом, правонарушение имеет место не только тогда, когда противоправное

деяние вызвало известные вредные последствия, но и тогда, когда оно может привести к таким последствиям;

4)причинная связь между деянием и вредным результатом. Не каждое деяние может нанести вред обществу. Вредное для общества последствие может быть порождено лишь определенной причиной. Причиной вредного результата могут быть деяния субъекта;

5)виновность лица (вина субъекта), совершившего то или иное деяние. Необходимо отметить, что в данном случае субъект действовал на основе свободного волеизъявления, т.е. имел возможность выбрать один из вариантов поведения. Если же такого выбора не было и лицо действовало под влиянием физического или психического давления, то в такой ситуации вина (и как соответственно, один из элементов состава правонарушения) отсутствует;

6)юридическая ответственность, т.е. каждое правонарушение, согласно действующим нормативно-правовым актам, заслуживает наказания, которое обеспечивается государственным принуждением. Государственное принуждение – это мера государственного воздействия, применяемая компетентным государственным органом с целью подчинения поведения субъектов воле органов государственной власти. «В зависимости от поставленных целей, юридическая ответственность осуществляется в различных направлениях и проявляется через такие функции, как принудительная, воспитательная, восстановительная и охранительная, каждая из которых имеет свои особенности реализации [137, с. 47]. Юридическая ответственность наступает только тогда, когда будет иметь место весь состав правонарушения;

7)субъект правонарушения. «Им выступает человек, в определенных случаях - организации, в том числе юридические лица. Не все люди могут быть субъектами правонарушения (например, малолетний ребёнок, невменяемые лица, недееспособные не являются субъектами правонарушения)»[111, 852], - пишет Р. Ш. Шарофзода. Субъектом правонарушения признаётся физическое или юридическое лицо,

совершившее противоправное деяние и обладающее способностью нести установленную законом юридическую ответственность. Таким образом, субъектом правонарушения может быть только правоспособное физическое или юридическое лицо. В уголовном праве в качестве субъекта преступления может выступать только физическое лицо, потому что уголовная ответственность основана на принципе вины, предполагающем наличие сознания и волевого отношения к деянию, что характерно исключительно для человека. При этом в отдельных правовых системах допускается уголовная ответственность юридических лиц (например, в ряде стран Европы), однако в уголовном праве Республики Таджикистан субъектом преступления признаётся исключительно физическое лицо. Т. Ш. Шарипов указывает, что «субъектом преступления признаётся физическое лицо, достигшее совершеннолетия и совершившее правонарушение. Обязательными (общими) признаками субъекта преступления выступают возраст и вменяемость, которые в совокупности образуют уголовную дееспособность лица, совершившего преступление, т. е. его способность нести ответственность за совершенное правонарушение»[112, с. 71]. Критериями этой способности являются: а) возраст физического лица; б) психическое состояние человека. Дополнительными критериями субъекта преступления согласно уголовному законодательству Республики Таджикистан могут быть также: должностное положение, профессиональные обязанности (врач, педагог, военнослужащий), гражданство (гражданин РТ в отдельных составах), семейно-правовой статус (родитель, опекун), пол субъекта (например, убийство матерью своего новорожденного ребёнка), функциональный признак (хранитель имущества и т.д.). Таким образом, способность к правонарушению характеризуется двумя основными критериями – социально-юридическим и медицинско-юридическим, на основании которых решается вопрос о привлечении лица к ответственности.

Таким образом, признаки правонарушения – это совокупность составляющих элементов, которые характеризуют правонарушение как противоправное деяние. При отсутствии одного из элементов правонарушения мы не можем говорить о полном его составе. Соответственно, законного основания для привлечения субъекта к юридической ответственности нет.

Юридический состав правонарушения как абстрактная научная категория используется для выявления совокупности всех его признаков. Наиболее полно и последовательно данное понятие было разработано в уголовном праве применительно к преступлениям, где оно проявляется наиболее отчетливо. Вместе с тем категория «состав правонарушения» имеет общеправовое значение и применяется в гражданском, административном и иных отраслях права. В силу этого, углубленное исследование состава правонарушения осуществляется прежде всего в рамках теории государства и права.

В законодательстве Республики Таджикистан отсутствует нормативно закреплённое понятие «состав правонарушения», в связи с чем данная категория в основном разрабатывается в юридической доктрине.

На сегодняшний день существует множество научно обоснованных суждений по поводу определения понятия «состав правонарушения». Рассмотрим наиболее общие из них.

С.П. Липень и В.В. Лазарев отмечают, что «юридический состав правонарушения – это совокупность его обязательных признаков (или элементов)» [68, с. 446]. Такого же мнения придерживается В.С. Нерсисянц [79, с. 258]. Мы рассматриваем эти определения как неполные, потому что применительно к определению состава правонарушения речь должна идти прежде всего не только о наборе обязательных признаков, но и об их взаимосвязи.

Е.Н. Романенкова тоже определяет: «состав правонарушения как совокупность взаимосвязанных элементов, его образующих» [94, с. 84].

Выдающийся теоретик современного права А.В. Малько в своих трудах даёт комплексное и более глубокое определение анализируемого понятия: «Состав правонарушения – это научная абстракция, отражающая систему наиболее общих, типичных и существенных элементов и признаков отдельных разновидностей правонарушений, необходимых и достаточных для привлечения правонарушителя к юридической ответственности» [73, с. 208].

Здесь следует подчеркнуть, что понятия «правонарушение» и «состав правонарушения», несмотря на их тесную взаимосвязь, всё же не являются идентичными.

Правонарушение представляет собой конкретное осознанно совершенное деяние, тогда как состав правонарушения является логической и нормативной категорией, фиксирующей определенные признаки конкретного правонарушения и отражающей его сущность и проявление.

В юридической науке элементы состава правонарушения принято классифицировать на две основные группы:

- 1) объективные элементы, включающие объект правонарушения и его объективную сторону;
- 2) «субъективные элементы, включающие субъект правонарушения и его субъективную сторону» [142, с. 20].

Объективные признаки характеризуют внешнее вредоносное посягательство на охраняемые законом общественные отношения. В качестве объектов правонарушения выступают материальные и нематериальные блага, а также интересы государства, общества и отдельных лиц, на которые может быть направлено противоправное действие и которым может быть причинен вред или ущерб. Среди непосредственных объектов посягательства выделяют жизнь, здоровье, честь, достоинство, имущество и другие значимые блага.

В юридической науке объекты правонарушений классифицируются на три вида: общий, родовой и непосредственный, что позволяет

детально проанализировать степень и характер общественного вреда, причиняемого каждым конкретным деянием.

Общий объект правонарушения – это набор предусмотренных законом охраняемых отношений.

Родовой объект – это группа связанных (однородных) объектов защиты (например, в конституционном праве, а также экономические, политические, социальные, культурные и т.д.).

Непосредственный объект правонарушения определяется конкретным составом правонарушения. В уголовном праве нередко встречаются случаи, когда одно и то же преступление посягает не на один, а на два непосредственных объекта, при этом один из них выступает в качестве основного, а другой – дополнительного.

В юридической литературе иногда ошибочно отождествляют частный объект правонарушения с материальными или нематериальными благами, на которые направлено противоправное деяние. Однако подобный подход является неверным. Объектом правонарушения следует признавать общественные отношения, охраняемые нормами права, которым в результате совершения правонарушения причиняется вред либо создаётся реальная угроза его причинения.

Предметом правонарушения являются объекты материального мира либо охраняемая нормами права информация, воздействие на которые опосредует противоправное посягательство на общественные отношения, находящиеся под правовой охраной. Указанные объекты выступают материальным либо нематериальным носителем вреда, причиняемого в результате правонарушения.

Объективная сторона правонарушения представляет собой совокупность внешних признаков противоправного поведения, посредством которых проявляется общественно опасное посягательство на охраняемый законом объект. В теории права традиционно выделяются обязательные и факультативные признаки объективной

стороны. К обязательным признакам относятся общественно опасное деяние, выраженное в форме действия либо бездействия, общественно опасные последствия, а также причинно-следственная связь между деянием и наступившими последствиями. Факультативные признаки объективной стороны включают способ, место, время, обстановку совершения правонарушения, а также используемые орудия и средства, которые приобретают юридическое значение в случаях, прямо предусмотренных нормами материального права.

Субъектом правонарушения признается физическое либо юридическое лицо, совершившее противоправное деяние и обладающее предусмотренной законом способностью нести юридическую ответственность. Таким образом, субъект правонарушения должен обладать правоспособностью и дееспособностью, необходимых для признания его участником правоотношений юридической ответственности. В тех случаях, когда лицо наряду с общими признаками субъекта обладает дополнительными специально установленными законом характеристиками, оно рассматривается в качестве специального субъекта правонарушения.

Субъективная сторона состава правонарушения раскрывается через категорию вины, выражающей психическое отношение лица к совершенному противоправному деянию и его последствиям. В юридической науке общепризнанным является деление вины на две основные формы — умысел и неосторожность. Умысел подразделяется на прямой и косвенный, неосторожность — на легкомыслие и небрежность. Данная классификация сформирована в рамках уголовно-правовой доктрины, однако в адаптированном виде применяется и при анализе вины в иных отраслях права.

Форма вины определяется с учетом совокупности интеллектуальных и волевых элементов, включающих осознание лицом противоправности своего поведения, предвидение возможности либо неизбежности наступления общественно опасных последствий, а также с учетом

отношения субъекта к этим последствиям. Прямой умысел характеризуется осознанием противоправного характера деяния, предвидением его последствий и желанием их наступления. Косвенный же умысел имеет место в случаях, когда лицо осознает противоправность деяния и предвидит возможность наступления вредных последствий, не желая их, но сознательно допуская либо относясь к ним безразлично. Неосторожность в форме легкомыслия выражается в предвидении возможности наступления вредных последствий при необоснованном расчете на их предотвращение. Неосторожность в форме небрежности имеет место тогда, когда лицо не предвидело наступления вредных последствий, хотя при необходимой степени внимательности и предусмотрительности могло и должно было их предвидеть. Указанные характеристики относятся преимущественно к вине физического лица.

При анализе состава правонарушения, совершаемого юридическим лицом, следует учитывать, что оно осуществляет свою деятельность через органы управления и работников. В связи с этим, субъектом формально выступает юридическое лицо, однако фактическое поведение выражается через действия его представителей, а субъективная сторона устанавливается через вину должностных лиц либо через недостатки организации и системы внутреннего контроля юридического лица.

Следует подчеркнуть, что элементы состава правонарушения находятся в системной и функциональной взаимосвязи и лишь в своей совокупности образуют достаточное юридическое основание для привлечения лица к юридической ответственности.

В результате проведенного исследования мы пришли к выводу, что правонарушение представляет собой социально обусловленное негативное явление, объективно присущее любому обществу. Его возникновение и воспроизводство детерминированы противоречиями между индивидуальными и общественными интересами, а формы и масштабы проявления зависят от конкретных социально-экономических и исторических условий развития государства на определенном этапе,

характера и менталитета людей, их психологии и идеологической ориентированности.

Состав правонарушения, в свою очередь, выступает в качестве научно-юридической конструкции, логически вытекающей из системы норм юридической ответственности и одновременно выполняющей методологическую функцию в процессе квалификации противоправных деяний. Посредством анализа состава правонарушения обеспечивается правильное установление юридически значимых обстоятельств дела и единообразное применение норм права.

Если правонарушение представляет собой конкретно совершенное деяние, то состав правонарушения является логической конструкцией, нормативной категорией, которая раскрывает характерные признаки определенного деяния и тем самым показывает его сущность. Поэтому правонарушение и его состав нельзя рассматривать в качестве идентичных понятий.

Таким образом, анализ существующей научной литературы по концепции и природе правонарушения позволяет сделать вывод, что оно признается одним из явлений, негативно влияющих на общество и государство. Для снижения числа негативных действий, совершаемых населением, необходимо более активное внедрение в жизнь общества различных образовательно-познавательных, психологических и правовых механизмов. Как справедливо отмечает профессор У.А. Азиззода, «правонарушение следует рассматривать не только как негативное явление, но и как источник информации для совершенствования правовой системы» [121, с. 22].

Что касается самого понятия «правонарушение», то мы предлагаем следующее его определение: «Правонарушение - это социально обусловленное и юридически значимое противоправное действие или бездействие субъекта права, выражающееся в нарушении установленных правовых норм, посягающее на охраняемые законом общественные отношения, права и законные интересы личности, общества и

государства, причиняющее им вред либо создающее реальную угрозу его причинения и выступающее основанием для применения предусмотренных законом мер юридической ответственности».

Правонарушение подлежит правовой оценке и может повлечь применение предусмотренных законом мер юридической ответственности. При этом юридическая ответственность рассматривается не только как реакция государства на уже совершенное правонарушение, но и как средство предупреждения новых противоправных действий. В научной литературе подчёркивается, что «профилактика правонарушений является одной из форм реализации функций юридической ответственности» [159, с. 123].

1.2. Концепция правонарушения в досоветский период развития исторического Таджикистана

Эволюция представлений о правонарушении на территории современного Таджикистана представляет собой многоэтапный и исторически сложный процесс взаимодействия различных правовых систем, последовательно сменявших друг друга в течение нескольких тысячелетий: зороастрийского правосознания, адатно-обычного регулирования, исламской (шариатской) правовой традиции, а позднее – административно-государственных механизмов, сложившихся в условиях эмиратов и бекств. Ранее отечественный учёный И.Д. Сафаров писал: «Изучение и обобщение исторического прошлого таджикского народа в целом и истории развития правовой системы его первой государственности в частности имеют не только познавательное, историко-правовое, но и большое научно-практическое и политическое значение» [176, с. 4], и мы полностью солидарны с этими словами известного правоведа.

В современной юридической науке подчёркивается, что правонарушение – категория, не сводимая лишь к юридическому

формализму; оно является продуктом исторических, мировоззренческих и социально-культурных процессов, глубоко укоренённых в структуре общества. Именно поэтому обращение к досоветскому этапу формирования концепции правонарушения является необходимым методологическим шагом для осмысления дальнейшей трансформации правовой системы Таджикистана. В данном контексте правонарушение выступает не только как юридически значимое деяние, но и как философско-антропологическая категория, отражающая коллективные представления о порядке, справедливости, чистоте и гармонии.

На разных исторических этапах развития человеческой цивилизации и юридической мысли правонарушения и преступления трактовались по-разному. Как социально-правовое явление, они стали рассматриваться на определенной стадии эволюции общества - в период возникновения государства и права. Конечно, и до появления организованной государственной власти существовали формы поведения, которые причиняли вред интересам общины, нарушали её устойчивость и общественное спокойствие. Анализ формирования и исторического развития институтов преступления и наказания свидетельствует о том, что «в различные исторические периоды преступлением считались такие общественно опасные деяния, которые причиняли существенный вред отдельным слоям общества, а также интересам личности и государства» [147, с. 197].

Другими словами, ещё в догосударственный период имели место действия, противоречащие устоявшимся обычаям, традициям и нормам общежития и угрожающие жизнедеятельности социальной группы. Эти формы поведения дезорганизовывали внутренний порядок, угрожали стабильности общины и вызывали негативную реакцию у остальных её членов. В этот период ранней формой социального регулирования выступало табу, закрепляющее систему строгих запретов, направленных на поддержание стабильности и предотвращение дезорганизации общественного порядка. Как справедливо отмечает Ш.Ю. Кенджазода,

«в рассматриваемый период правовое учение ещё не было выделено в самостоятельную сферу научного знания и в связи с этим составляло область исследования философии, истории, поэзии и т.п.»[168, с. 13].

Р.Х. Рахимзода отмечает, что «борьба с преступностью и иными правонарушениями во все века и времена была актуальной задачей любого государства» [145, с. 9]. На ранних этапах развития общества наиболее опасные и повторяющиеся вредоносные формы поведения регулировались преимущественно посредством обычаев, религиозных предписаний и мифологических представлений, которые выступали первичными социальными регуляторами. С возникновением государства данные социальные запреты получили дополнительное формально-юридическое закрепление, приобретя характер общеобязательных норм права.

Таким образом, государство во многом восприняло и институционализировало уже сложившиеся в обществе регулятивные механизмы, придав им системность. При этом оно добивалось обеспечения их принудительного исполнения.

В первобытном обществе меры воздействия на отклоняющееся поведение носили характер коллективной реакции общины, основанной на традициях и религиозных представлениях. С формированием государственной власти функции реагирования на противоправные деяния постепенно перешли к специально уполномоченным органам, действующим от имени государства.

Таким образом, эволюция представлений о правонарушении связана не только с развитием государства, но и с трансформацией обычаев, религиозных норм и мифологических установок в более формализованные правовые предписания.

В своём исследовании, профессор У.А. Азиззода указывает, что «зороастрийская правовая система, функционировавшая на территории исторического Таджикистана примерно с конца II тыс. до н.э. и до VII в. н.э., представляет собой ранний этап становления и развития

древнетаджикской правовой традиции» [157, с. 48]. Правовой комплекс раннеиранских обществ, населявших Бактрию и Согдиану, в значительной степени определялся Авестой — священным текстом зороастризма. Наибольший нормативный материал содержится в книге «Вендидат» (Videvdat — «Закон против дэвов»). Само «слово «Авеста» трактуется как dyn' [den] - «вера», «религия» и «откровение Заратуштры»[50, с. 59]. Она представляет собой свод священных текстов зороастрийской религии, которая была широко распространена (до раннего средневековья) на территории Ирана, Афганистана, Средней Азии и ряда других регионов. «Авеста выступает важнейшим источником формирования и эволюции культурно-правовых традиций и ценностных ориентиров» [157, с. 234].

Согласно источникам, зороастрийская мысль строится на противопоставлении двух фундаментальных начал: «Aša» (истины, космического порядка, правильности) и «druj» (лжи, хаоса, нарушения бытия) [179, с. 3]. Таким образом, концепция правонарушения имеет изначально не социально-юридическую, а космически-онтологическую природу.

Правонарушение в Авесте – это не только нарушение в мире людей, но и вмешательство в космическую гармонию, подрыв основ мироустройства, установленный Ахура-Маздой. Данное положение является принципиально важным, ибо определяет глубинный характер нормативности санкций. Как отмечает отечественный исследователь Ф.А. Азимзода: «Девятнадцатым наском Авесты является “Вендидат”, в котором содержатся положения об институтах наказания, юридической ответственности, правонарушений и иных правовых явлений. Для нас, таджиков, изучение и исследование различных аспектов этого источника является делом чести и нравственным долгом»[158, с. 70]. Представления о преступлении и наказании в авестийской традиции находили отражение в «мифологии и религиозных учениях, а также проявлялись в культовых и обрядных практиках древних таджиков; при этом

соответствующие деяния оценивались как недопустимые с позиции нравственных, религиозных и традиционных основ общества»[146, с. 71] - утверждает Р.Х. Рахимзода.

Санкции включали не только телесные наказания, но и ритуальные очистительные действия, изгнание, общественное порицание, что указывает на синкретический характер правового воздействия. Мэри Бойс справедливо отмечает, что «зороастрийское наказание представляет собой попытку восстановления утраченной чистоты мира»[42, с. 115].

В Авесте отсутствует понятие о правонарушении в его современном юридическом понимании. Это обусловлено тем, что правовые, религиозные и нравственные нормы в рассматриваемый период ещё не были дифференцированы. Вместе с тем в текстах Авесты, в частности в «Вендидате», закреплено представление о запрещённых деяниях, как нарушениях космического порядка, что позволяет рассматривать их как прообраз правонарушения.

Таким образом, правонарушение в авестийской традиции носит сакрально-онтологический характер, а не сугубо социально-правовой.

На основе вышесказанного, мы предлагаем следующую классификацию правонарушений (исходя из фрагментов «Вендидата»):

I. Правонарушения против космического и ритуального порядка.

Общим объектом выступает ритуальная чистота мира как фундамент «Аша» (истины и космического порядка).

В зороастризме мир устроен как система сакральных элементов — огня, воды, земли и воздуха, чистота которых обеспечивает существование «Аша». Любое их осквернение воспринимается не как частное нарушение, а как вмешательство в устройство мироздания. Трупная нечистота (*nasu*) рассматривалась как прямая манифестация сил «*Druj*» (хаоса), поэтому нарушение предписаний по обращению с умершими квалифицировалось как тяжкое преступление. Ритуальная чистота служила гарантом того, что человек не становится проводником сил зла. Эта группа правонарушений отражает главный принцип

зороастризма — сохранение гармонии мира через соблюдение ритуальной чистоты. К данной группе правонарушений относились действия, связанные с нарушением ритуальной чистоты и осквернением сакральных элементов. В частности, серьёзным преступлением считалось обращение с трупной нечистотой (nasu) с нарушением установленных правил, включая неправильное хранение или оставление тела без ритуальной обработки. К числу данных правонарушений также относилось осквернение огня, воды и земли, рассматриваемых как священные элементы мироздания. Кроме того, запрещались любые действия, нарушающие установленный порядок погребального обряда и правила ритуального очищения, поскольку они воспринимались как угроза космической гармонии.

II. Правонарушения против личности. Объектами являлись жизнь, здоровье и физическая неприкосновенность человека.

Зороастрийская система ориентирована на космическую чистоту, тексты «Вендидата» содержат развернутый комплекс норм, направленных на защиту человека. Убийство или причинение вреда телу разрушает «социальную часть порядка Аša», потому что человек рассматривается как активный участник борьбы сил добра и зла. Вред, причиненный человеку, наносит ущерб не только обществу, но и религиозному балансу, так как нарушает божественный замысел Ахура-Мазды. Установленные наказания (количество ударов) показывают, что в зороастрийской традиции телесная неприкосновенность защищалась достаточно строго. Охрана личности была связана с космическим статусом человека как носителя «Аša».

III. Правонарушения против социального и нравственного порядка - устойчивости человеческих отношений, основанных на истине, правдивости и соблюдении моральных предписаний. Зороастрийская этика основана на триаде: благое слово, благая мысль, благое дело. Ложь, обман и нарушение клятвы считались опаснее некоторых физических проступков, поскольку разрушали духовную структуру

общества и вели к усилению «Druj». Семейные нарушения угрожали воспроизводству общины и воспринимались как подрыв социальной стабильности. Социально-нравственные проступки рассматривались не как частные отклонения, а как действия, нарушающие моральный фундамент единства общины. Таким образом, социальная этика в зороастризме имеет статус религиозно значимой и фундаментальной части порядка «Aša».

IV. Правонарушения против религиозного культа - религиозных норм и обрядовых предписаний, обеспечивающих связь человека с Ахура-Маздой и поддерживающих культа огня. Религиозный культ является центральным механизмом поддержания «Aša». Нарушение ритуалов «Ясны», оскорбление храма огня или взаимодействие с дэвами воспринимались как прямое служение силам хаоса. Посягательство на священных животных или предметы культа имело двойную природу: разрушало религиозный порядок и приносило метафизический вред миру. Зороастрийские источники подчёркивают, что религиозные преступления — это наиболее опасные деяния, поскольку они направлены против самого устройства вселенной. Эта категория деяний выражает ядро нормативной системы зороастризма — охрану культа, обеспечивающего поддержание космической гармонии.

Каждая из четырёх групп правонарушений в зороастризме отражает определённый уровень охраны порядка «Aša»: от космического и ритуального устройства мира через физическую и социальную сферу человеческого существования и до религиозно-культовой основы общины. Тем самым зороастрийская классификация объединяет природно-космические, личностные, социально-нравственные и религиозные объекты, формируя целостную модель правовой защиты.

Зороастрийская концепция противоправности имела долговременное воздействие на правовое сознание таджиков. В частности, её элементы обнаруживаются: в адатных нормах, связанных с «нечистыми» действиями; коллективном порицании как форме

моральной санкции; в идеалах справедливости и гармонии; в специфическом отношении к обману и причинению вреда.

Адат (урф, одат) представляет собой сложную систему неписаных норм, возникших в условиях родоплеменной структуры общества и отражающих коллективное правосознание. Его нормы фиксируют повседневный опыт, обеспечивают социальную устойчивость и регулируют поведение внутри общины посредством моральных и традиционных механизмов. Т.е. адат рассматривает проступок, прежде всего как нарушение внутреннего равновесия общины. Это исторически сложившийся комплекс неписаных норм поведения, которые веками регулировали общественную жизнь таджикских общин, особенно в горных регионах. В отличие от писаных религиозных норм шариата и жёстко ритуализированных предписаний зороастризма, адат выступал в качестве гибкой, эмпирически формирующейся системы, отражавшей реальные потребности общины. Как отмечает в своих трудах профессор Р.Ш. Шарофзода, «в период своего развития право проходило такие этапы: на первом этапе право развивается в форме обычаев (адатов); на втором этапе право подвергается анализу правоведами» [96, с. 308].

Главная особенность адата состоит в том, что он возник из практических условий совместной жизни: регулирования землепользования, обеспечения безопасности, сохранения рода, защиты чести и примирения конфликтов. Поэтому в роли первичного источника его норм выступали многовековые традиции, решения старейшин (аксакалов), порядок, сложившийся в результате длительного опыта.

Правонарушение в адате трактуется как деяние, нарушающее родовую или семейную честь, имущественные интересы общины, устоявшиеся нормы поведения, порядок разрешения конфликтов, каноны межличностных отношений. Т.е. адат выражал социально ориентированную модель регулирования, где правонарушение понималось прежде всего как нарушение мира внутри общины, а не как абстрактное преступление перед государством.

Таким образом, объектом посягательства в адате выступала социальная гармония, а тяжесть проступка определялась не юридическим, а социально-оценочным критерием: насколько действие поколебало общественный порядок. Отсюда вытекает формула: правонарушение = то, что разрушает джамоат, честь рода и стабильность сообщества.

Адат характеризуется особой системой ответственности, которая включает коллективную ответственность, компенсационный характер наказаний и приоритет примирения. Он был направлен на предотвращение кровной вражды. Важную роль в разрешении споров играл суд аксакалов как традиционный институт общинного регулирования, ориентированный преимущественно на достижение соглашения и примирения сторон, а не на карательные меры.

Следует отметить, что в таджикском обществе адат не существовал изолированно. Он вступал во взаимодействие с зороастризмом – перенял элементы ритуальной чистоты, коллективной ответственности, регулирование поведения по морально-этическим категориям. Взаимодействие с шариатом подтверждается тем, что в период Бухарского эмирата многие нормы адата применялись параллельно с фикхом¹: казии учитывали адат, если он не противоречил шариату. Взаимодействие адата с государственным правом проявляется и в светское время, когда светская власть часто признавала адат в регулировании отношений в горах и сёлах. Т.е. адат выступал социальным стержнем традиционного таджикского права.

Таким образом, адат представляет собой сложившуюся в течение веков традиционную систему социального регулирования, основанную на авторитете общины, родовых норм и практического опыта. В адате правонарушение воспринималось прежде всего как нарушение общественного мира, чести и внутреннего баланса между семьями и

¹ Фикх (от араб. fiqh – «понимать», «постигать») – исламская юриспруденция, представляющая собой систему религиозно-правовых норм, основанных на Коране и Сунне.

родами, а не как абстрактное противоправное деяние. Компенсационный характер ответственности, коллективная вовлечённость и приоритет примирения отражают глубоко укоренённое стремление таджикского общества к сохранению социального единства и предотвращению межродовых конфликтов. Именно эта ориентация на поддержание согласия и стабильности определила устойчивость адата и его значимое влияние на последующие правовые системы региона (например, шариат²).

Исламизация территорий исторической Согдианы и Мавераннахра, включая земли современного Таджикистана, явилась не столько религиозным, сколько правовым и цивилизационным переломом, сопровождавшимся полной реконфигурацией категориального аппарата правосознания.

«Изучение мусульманского права и правовой культуры имеет для таджикского народа особую значимость, поскольку свыше 90 % населения Республики Таджикистан исповедует ислам» [157, с. 122]. Начиная с раннего этапа формирования, таджикская государственность развивалась в тесной взаимосвязи с мусульманским правом и ислам оказал существенное влияние на становление и эволюцию нравственных, религиозных, этических и правовых отношений в обществе. В его основу заложены такие идеи, как равенство людей, верховенство закона, неотвратимость наказания, а также механизмы гарантии прав и свобод личности. Это свидетельствует, что «мусульманское право создало базу для формирования государственных институтов, в которых права и свободы человека были признаны и защищены» [167, с. 4-5].

«Обращение к проблемам ислама в светской Республике Таджикистан обусловлено необходимостью учёта исторического опыта, выявления общечеловеческих ценностей, присущих этой религии и

² Шариат (от араб. «sharia» - «правильный путь», «предписанный путь») представляет собой систему религиозно-правовых норм ислама, регулирующих поведение мусульман и основанных на Коране и Сунне.

способных оказать позитивное влияние на развитие современной правовой системы» [95, с. 8], - констатирует Б.А. Сафарзода.

Процесс распространения мусульманского права на территории исторического Таджикистана носил постепенный и длительный характер и в целом завершился в IX–X вв. В отдельных регионах он продолжался и после X века. Так, «в некоторые районы Горного Бадахшана ислам проник значительно позднее — на рубеже XI–XII вв.» [161, с. 34].

Исторически абсолютное большинство таджиков относится к суннитскому направлению ислама (ахл ас-сунна ва-л-джама'а) и следует ханафитскому мазхабу, основанному выдающимся правоведом VIII века – Абу Ханифой ан-Ну'маном (699-767 гг.). С IX в. ханафизм становится доминирующей правовой школой в Мавераннахре.

Именно ханафитская доктрина фикха послужила теоретической базой для судебной практики региона, определив структуру преступлений, критерии доказательств, допустимость адата при отсутствии его противоречия шариату, и т.д.

Появление централизованных духовно-судебных институтов – кози, муфтиев, садров – обозначило переход общества от обычного регулирования к нормативно-правовой организации, где критерий противоправности приобрёл сакрально-нормативную природу. Коран прямо подчёркивает нормативный характер религиозных предписаний: «...Кто не судит по ниспосланному Аллахом, – те являются нечестивцами» (Коран, 5:44).

Тем самым формируется принципиально новый уровень правосознания, где правонарушение рассматривается как нарушение установленного Аллахом порядка (al-nizam al-ilahi), что резко отличает исламскую концепцию от зороастрийской (ритуальной) и адатной.

Как отмечает А.Р. Рахманов, «по мусульманскому уголовному праву любое правонарушение является грехом» [91, с. 235]. Особенность уголовно-правовой концепции правонарушения по мусульманскому

праву весьма ясно выразил один из ведущих представителей мусульманской правовой теории правонарушения, аль-Маварди (974-1058), подчеркнув, что «преступление в его формально-юридическом смысле означает совершение запрещенного и наказуемого Аллахом деяния».[40, с. 240]

Таким образом, можно сделать вывод, что понятие правонарушения в мусульманском праве является формальным. Здесь можно рассматривать правонарушение в двух смыслах: широком и узком. Если правонарушение в широком смысле понимается как совершение серьёзного религиозного греха, то в узком смысле это определение правонарушения в формально-юридическом значении.

Эта концепция правонарушения наиболее ясно отражается в классификации уголовно наказуемых деяний, в основе которой лежит характер нарушенных прав и интересов и тяжесть наказания.

В доктрине мусульманского права получила широкое распространение классификация правонарушений, согласно которой они делятся на три основные группы: худуд, кисас и таъзир.

Первая группа преступлений – «худуд - посягает на «права Аллаха», и эти преступления наказываются определенной санкцией – хадд»[97, с. 182]. Т.е. для таких преступлений характерно то, что меры наказания за них имеют божественное происхождение: они либо прямо закреплены в основных источниках – Коране или Сунне, либо получили нормативную определенность в прецедентной практике праведных халифов, авторитет которых признается классической доктриной. На этот критерий указывает большинство современных исследователей мусульманского права, подчёркивая, что сущность «худуд» заключается в их жёсткой и неизменяемой санкции, не подлежащей усмотрению судьи.

Вместе с тем в исламской юридической литературе отсутствует полное согласие относительно того, какие именно правонарушения следует относить к данной категории. Наиболее широко распространенное мнение включает в состав преступлений «худуд» семь

тяжких деяний, представляющих значительную общественную опасность: прелюбодеяние (зина), употребление спиртных напитков, кражу, разбой (хироба), клеветническое обвинение в прелюбодеянии (казф), вероотступничество (ридда) и вооруженный бунт (баги).

По мнению некоторых исламских факихов, «к категории преступлений «худуд» относятся: 1) прелюбодеяние (зина); 2) клеветническое обвинение в прелюбодеянии (казф); 3) воровство (сиркат); 4) разбой (катъитарик); 5) употребление спиртных напитков (хамр)» [38, с. 246], [55, с. 486]. Из современных исследователей А.Р. Рахманов относит к этой категории следующие преступления: прелюбодеяние; клевету (казф); употребление вина – хамр; воровство – сиркат; вероотступничество – ридда; мятеж (араб. «муфсид»- «смутьян»). Но Г.С. Азизкулова исключает из данного перечня бунт и вероотступничество [120, с. 127]. Отсутствие согласованности в вопросе о том, какие именно деяния составляют группу преступлений категории «худуд», как и разночтения по поводу классификации других правонарушений, демонстрирует характерную для мусульманского права дуалистичность³ и отсутствие формально закрепленной, единой для всех правовых школ системы. Несмотря на сохранение единства основных подходов в вопросах преступлений категории «худуд», отдельные положения исламской уголовно-правовой доктрины, имеют свои особенности, что обусловлено как методологическими различиями в интерпретации первоисточников, так и историческими особенностями формирования конкретных правовых традиций. Соответственно, принципиальные нормы и категории, включая состав преступлений «худуд», приобретают различное теоретическое наполнение в зависимости от школы фикха и конкретной юридической методологии, которой придерживается тот или иной автор.

³ Под дуалистичностью мусульманского права понимается сочетание божественных неизменяемых норм (Коран и Сунна) с человеческими интерпретациями (иджтихад), что обуславливает отсутствие единой формально закрепленной системы и различия между правовыми школами.

В этой связи представляется необходимым подробнее охарактеризовать основные признаки наиболее распространенных преступлений, традиционно относимых к категории «хуудуд».

Вероотступничество (ридда) традиционно рассматривается в исламской уголовно-правовой доктрине как посягательство на основы религиозного порядка и коллективную идентичность мусульманской общины. Оно относится к преступлениям категории «хуудуд», поскольку затрагивает сферу «прав Аллаха» (хукук Аллах) и нарушает одну из фундаментальных ценностей — сохранение религии (хифз ад-дин). Хотя Коран содержит общие предписания о греховности отступления от веры, акцентируя его духовные последствия, он также указывает на тяжесть этого деяния для общины: «...А если кто из вас отступит от своей религии и умрет неверующим, то его деяния окажутся тщетными как в этом мире, так и в Последней жизни. ...» (Коран, 2:217).

Конкретная санкция за вероотступничество содержится в Сунне пророка. В авторитетном хадисе, переданном аль-Бухари, говорится: «Кто сменит свою религию — убейте его» (Сахих аль-Бухари, № 3017) [208]. Данный текст является основным нормативным основанием для включения ридда в число преступлений «хуудуд».

Классическая юридическая традиция различает простое отступление от веры (когда человек внутренне отрекается от ислама) и активное, сопровождающееся публичными действиями, направленными на подрыв исламской общины. Ханафитские правоведы, чьи положения имели наибольшее распространение в Таджикистане, уделяли особое внимание публичности деяния. Согласно их мнению, только открытое, свидетельствующее о сознательной враждебности к исламу отступление образует преступление ридда в полном юридическом смысле.

Применение наказания за ридда ограничивается рядом условий, которые подлежат строгой проверке. В частности классическая доктрина требует предоставления возможности для раскаяния — обычно в течение трёх дней. Этот институт основывается на практике пророка и

праведных халифов, подчеркивающих приоритет возвращения человека к вере над карательной функцией нормы. Если отступник раскаивается, наказание отменяется, что служит выражением принципа милосердия в исламском праве.

При наличии сомнений в факте или форме отступления действует общий принцип: отводите наказание худуд при наличии сомнений. Таким образом, как и в других преступлениях категории «худуд», шариат сочетает строгость санкции с высокими доказательными стандартами и акцентом на предотвращение судебной ошибки.

В целом ридда в мусульманском уголовном праве представляет собой не только юридическое правонарушение, но и акт религиозного разрыва с общиной. Его нормативная оценка строится на соединении теологических, этических и социально-правовых компонентов, что отражает целостный характер исламской концепции преступления.

Прелюбодеяние (зина) относится к числу наиболее тяжких преступлений категории «худуд», поскольку представляет собой посягательство на одну из ключевых ценностей исламского права — сохранение нравственной чистоты и института семьи (хифз ан-насаб). Коран и Сунна трактуют такое деяние как нарушение божественно установленного порядка. В Коране говорится: «Не приближайтесь к прелюбодеянию, ведь оно — мерзость и скверный путь» (Коран, 17:32). Этот аят рассматривается правоведами как общая нормативная формула запрета, подчёркивающая социальную и духовную опасность деяния.

В исламском праве ответственность за зина имеет нормативное закрепление, прежде всего в Коране. Так, в суре «ан-Нур» (аят 2) устанавливается наказание за совершение данного деяния лицами, не состоящими в браке, что отражает принцип строгой публичной ответственности за нарушение нравственных норм. Пророк Мухаммад постановил: «Для неженатого — сто ударов плетью и изгнание на год; для женатого — побивание камнями» (Сахих аль-Бухари, № 6814). Такое разграничение отражает степень ответственности лица, обладающего

законным брачным путём удовлетворения половых потребностей. А также самое важное то, что лицо, состоящее в браке, при совершении такого преступления подвергает риску свой брак, семью, здоровье родных и будущее своих детей.

Однако исламская доктрина устанавливает чрезвычайно высокие требования к доказательству прелюбодеяния. В соответствии с Кораном (24:4), обвинение в зина допускается только при наличии четырёх достоверных свидетелей, видевших совершение самого акта: «А тех, кто обвиняет целомудренных женщин и не приводит четырёх свидетелей, подвергните восьмидесяти ударам...». Этот аят служит основой принципа максимальной защиты чести и репутации, поскольку ошибка в обвинении влечёт наказание за казф (ложное обвинение в прелюбодеянии).

В классической ханафитской традиции, которая на протяжении веков преобладала на территории Таджикистана, сложилась строгая интерпретация условий применения худуд по делам о зина. Малейшее сомнение (шубха), несовершенство доказательств или несовпадение показаний свидетелей приводило к отказу от назначения установленного наказания и переводу дела в сферу таъзир. Этот подход соответствует известному принципу: отводите наказание худуд при наличии сомнений.

Таким образом, преступление зина в мусульманском уголовном праве представляет собой сочетание одной из самых строгих санкций и одновременно — одних из самых высоких доказательных стандартов, что отражает стремление шариата к защите института семьи и гарантии справедливости в правоприменении.

Кража (сарика) относится к числу преступлений категории «худуд», поскольку представляет собой посягательство не только на частную собственность, но и на установленный Аллахом порядок её охраны. В Коране наказание за кражу сформулировано однозначно: «Вору и воровке отсекуте руку — в воздаяние за то, что они приобрели, как

наказание от Аллаха» (Коран, 5:38). Этот аят служит основой строгой санкции и подчёркивает божественный характер нормы.

В классической доктрине под сарика понимается тайное, умышленное и неправомерное изъятие чужого имущества из места, обладающего признаками охраны (хифз). Пророк Мухаммад разъяснил условия применения наказания, установив минимальный порог стоимости имущества (нисаб): «Рука не отсекается, кроме как за кражу того, что имеет ценность» (Сахих аль-Бухари). Этот хадис определяет ключевой критерий, предотвращающий применение худуд к малозначительным посягательствам.

В ханафитской школе особое внимание уделялось разграничению сарика от иных имущественных правонарушений, которые не подпадают под категорию «худуд» и регулируются в рамках «таъзир». Это обеспечивало строгость санкции в отношении очевидных посягательств и справедливость судебной практики.

Вторая группа, напротив, отражает межличностную природу вреда – убийство и телесные повреждения, где центральным элементом выступает компенсационный механизм (дият) и право потерпевшей стороны на возмездие (кисас). Категория «кисас» в мусульманском уголовном праве охватывает правонарушения, связанные с причинением вреда жизни и телесной неприкосновенности человека, и отражает принцип эквивалентного воздаяния, закреплённый в Коране. В отличие от преступлений худуд, которые относятся к сфере «прав Аллаха», нарушения, подпадающие под кисас, затрагивают прежде всего права конкретных лиц (хукук аль-ибад). Это придаёт данной категории особый правовой характер: наказание здесь выступает не столько как божественное установление, сколько как право потерпевшей стороны на возмездие или компенсацию. Нормативной основой кисас является Коран, который провозглашает принцип равного воздаяния: «В возмездии (кисас) для вас — жизнь, о обладающие разумом» (Коран, 2:179). Этот аят служит теоретическим обоснованием того, что институт

«кисас» направлен не на месть, а на сохранение общественного порядка и предотвращение необузданных кровных конфликтов.

Классическая доктрина включает в кисас два основных вида деяний, а они в свою очередь разделяются на умышленно совершённые и совершенные по неосторожности. «За умышленное убийство – кровное возмездие, за убийство по неосторожности – имущественное возмездие (100 верблюдов или их стоимость). За нанесение телесных повреждений – имущественное возмездие» [81, с. 233].

При этом ключевым элементом состава преступления является намерение (нийя), поскольку именно умысел выделяет кисас среди иных видов вреда, подлежащих выплате денежной компенсации (дият) или рассмотрению в рамках «таъзир».

Особенностью данной категории является то, что право на применение наказания принадлежит потерпевшему или его родственникам в зависимости от обстоятельств совершения преступления. Они вправе:

- требовать кисас («равное возмездие»);
- принять дият — денежную компенсацию;
- простить преступника без возмездия (что считается наивысшей формой милосердия).

Следует отметить, что реализация данного права осуществляется под контролем судьи (кадия), который рассматривает дело, устанавливает вину и обеспечивает законность выбора между кисасом, диятом или прощением.

Этот тройственный выбор отражает глубокий гуманистический характер исламской правовой традиции.

Категория «таъзир» занимает особое место в системе мусульманского уголовного права, представляя собой группу правонарушений, точное наказание за которые не закреплено в Коране и Сунне в строго определённой форме. В отличие от преступлений худуд и кисас, где санкции носят божественный характер, таъзир относится к

сфере усмотрительного наказания, назначаемого правителем (вали аль-амр) или кадием для обеспечения общественного порядка, защиты нравственности и предупреждения правонарушений. Именно эта гибкость придаёт институту «таъзир» характер адаптивного и динамического механизма регулирования поведения в мусульманском обществе.

Нормативная основа таъзир выводится из общего принципа Корана о необходимости поддержания нравственного и общественного порядка. Наиболее часто цитируется аят: «Повелевайте одобряемое и удерживайте от порицаемого» (Коран, 3:104). Данный текст рассматривается правоведами как разрешение государственным и судебным органам применять меры воздействия в отношении тех деяний, которые не охвачены строго фиксированными наказаниями «худуд». Наказания по таъзиру разработаны в рамках фикха.

Классическая доктрина трактует таъзир как категорию, охватывающую чрезвычайно широкий круг деяний: административные проступки, нарушения общественного порядка, мелкие имущественные посягательства, аморальные действия, не достигшие уровня зина, нарушения рыночной дисциплины, ложные показания, взяточничество, злоупотребления должностных лиц, повторное совершение преступления «хадд» и «кисас» и т.д. Объединяет эти деяния то, что их общественная вредность требует правового реагирования, но отсутствует установленная божественным откровением санкция.

Пределы наказания «таъзир» определяются целями защиты общественного интереса (маслаха). Поэтому ханафитская и другие правовые школы допускают широкий диапазон мер — от устного порицания, штрафов, тюремного заключения или телесных наказаний до временного изгнания. Пророк Мухаммад неоднократно прибегал к подобным мерам усмотрительного характера. Известен хадис: «Посланник Аллаха наказывал за некоторые деяния, но не назначал за них худуд» (хадис передан Абу Даудом). Этот текст служит основанием

для разграничения божественно установленных санкций от наказаний, определяемых судом.

Отличительной чертой «таъзир» является то, что судья обладает правом учитывать индивидуальные обстоятельства, степень общественной опасности деяния и личностные характеристики нарушителя. В этом проявляется стремление шариата к справедливости и гибкости правоприменения. В ханафитской традиции, характерной для мусульман Таджикистана, институт «таъзир» исторически использовался наиболее широко, поскольку позволял адаптировать уголовно-правовую практику к реальным социальным условиям и восполнять пробелы, не охваченные «худуд» и «кисас».

В целом «таъзир» представляет собой важный компенсаторный элемент исламской уголовно-правовой системы. Его функция заключается в поддержании общественного порядка, предотвращении правонарушений и обеспечении справедливого реагирования на разнообразные формы социально вредного поведения, которые не подпадают под жёсткие рамки божественных наказаний. Благодаря этому таъзир является наиболее гибкой прикладной частью исламского уголовного права.

В нашем исследовании мы приходим к выводу, что концепция правонарушения, сложившаяся в исламский период истории Таджикистана, представляет собой интегрированную систему, опирающуюся на нормы шариата, судебную практику ханафитского мазхаба и местные социальные традиции. Эта система обеспечивала как религиозное регулирование поведения индивида, так и практическую защиту общественного порядка. Её влияние оказало долговременное воздействие на развитие правовой культуры таджиков и во многом определило специфику представлений о правонарушениях и наказаниях в регионе вплоть до установления советской государственности.

1.3. Развитие концепции правонарушения в советской и Новейшей истории Таджикистана

История становления государственности Таджикистана является результатом длительных политических и социально-правовых преобразований. Советское социалистическое право явилось одним из закономерных результатов Великой Октябрьской социалистической революции – «главного события XX века, коренным образом изменившего ход развития всего человечества»[25]. Вхождение таджикского народа в состав Советского Союза повлекло за собой радикальную трансформацию политико-правовой системы, включая коренное изменение подходов к пониманию противоправного поведения. Советское право принесло в регион новую юридическую технику, системность законодательства, унификацию институтов публичной власти и, что особенно важно, сформировало современное понимание правонарушения как виновного, общественно опасного или вредного деяния, закреплённого в нормативно-правовых актах.

Однако вместе с институциональными преимуществами советская система также накладывала значительные ограничения: отсутствие реального политического плюрализма, доминирование партийного контроля и идеологизация юридической науки затрудняли подлинное научное развитие концепции правонарушения. Тем не менее, именно советский период стал базовым этапом формирования национальной юридической школы, заложив основы нормотворчества, правоприменения и институтов контроля за правопорядком.

Понятие «правонарушение» в советской правовой науке рассматривалось как обобщённая юридическая категория, объединяющая общественно опасные деяния, устанавливаемые как уголовно-противоправные (преступления), так и административно наказуемые проступки. Для республики – части единой правовой системы СССР – процесс формирования и конкретизации этой категории

прошёл через этапы кодификации, централизации и адаптации к местным условиям. Исследование истории развития понятия в Таджикской ССР важно для понимания трансформации правовой культуры и современного национального права.

После образования Таджикской АССР (и далее – Таджикской ССР) начался процесс инкорпорации республиканских норм в единую советскую систему. В этот период важна была задача по созданию республиканских нормативных актов, первых уголовно-правовых норм и практик применения наказаний, адаптированных к локальным условиям. Исследования показывают, что «формирование уголовного права Таджикистана в этот период шло в рамках общей советской стратегии – кодификация, централизация и усиление партийного контроля»[181]. Теоретические и исторические аспекты борьбы с преступностью также отражены в трудах отечественного учёного И.С. Мухаммадиева[77].

Как отмечает академик Ф.Т. Тахиров, хотя «с первых дней существования советской власти началось бурное правотворчество народных масс и органов Советского государства, тем не менее, сразу создать новое социалистическое право, регламентирующее все жизненно важные общественные отношения, было невозможно. Это обстоятельство обуславливало временное использование не отмененных пока правовых норм досоветского периода до принятия заменяющих и отвечающих подлинным интересам трудящихся масс правовых актов» [105, с. 112]. В свою очередь, Ф.А. Бобохонов отмечает: «Важными чертами советской правовой системы является то, что впервые в истории права важнейшие моральные блага человека, такие как жизнь, здоровье, честь, свобода совести и вероисповедания, репутация и др., получили официальное отражение в законодательстве, были усилены современные средства защиты и восстановления. ...»[160, с. 12].

На первоначальных этапах становления государственности в Таджикской ССР административное право ещё не сформировалось как самостоятельная и развернутая отрасль. Нормы, регулирующие

деятельность государственного аппарата, носили фрагментарный и подзаконный характер, а многие институты административного управления находились в зачаточном состоянии. Административно-правовые механизмы в этот период были направлены преимущественно на обеспечение выполнения общесоюзных политико-экономических задач, а не на построение полноценной правовой системы внутри республики.

В силу централизованной модели государственного управления большинство вопросов решалось союзными органами, что объективно сдерживало развитие национального административного законодательства на уровне Таджикской ССР. Именно поэтому в первые десятилетия советской государственности говорить о сформированной отрасли административного права в республике ещё было невозможно.

К.С. Бельский отмечает, что наука «административного права в 1917–1937 гг. находилась в глубоком методологическом кризисе» [87, с. 151-155].

«Активное развитие теории административной ответственности, в которой определены основания для разграничения уголовного преступления и административного деликта, началось в послевоенный период «хрущевской оттепели», характерной чертой которого является замещение административной ответственности уголовной, сохранение приказного характера управления» [192, с. 13].

Как отмечает И.В. Панова, «принятие Основ законодательства об административных правонарушениях 1980 г. стало переломным моментом. Законодатель отказался от проекта Кодекса уголовных проступков и выбрал путь кодификации норм административного права по отдельным институтам» [144, с. 28].

Реформы конца 1980-х годов, включая демократизацию государственного аппарата, создали условия для дальнейшей эволюции административно-правовых институтов уже в период независимости.

Так, например, ст. 9 Кодекса Таджикской ССР об административных правонарушениях от 5 декабря 1985 г., за №39 устанавливала, что административным правонарушением (проступком) признаётся посягающее на государственный или общественный порядок, социалистическую собственность, права и свободы граждан, на установленный порядок управления, противоправное виновное, умышленное или неосторожное действие либо бездействие, за которое законодательством предусмотрена административная ответственность.

Данная формулировка включает ряд дополнительных элементов, присущих советской правовой доктрине. Во-первых, акцент делается на охране общественного и государственного порядка, а также социалистической собственности, что свидетельствует о защите не только юридических норм, но и существующего политико-социального строя. Во-вторых, в качестве самостоятельного объекта правовой охраны выделяются права и свободы граждан, но в рамках социалистического общества, с соответствующим идеологическим контекстом; в-третьих, чёткое указание на «порядок управления», «социалистическую собственность» и «общественный порядок» как объекты охраны.

Если в советский период понятие об административном правонарушении в Таджикской ССР было не просто юридическим, но и, в значительной степени, - идеологическим и направленным на охрану социалистического порядка, то современный Таджикистан перешёл к нейтральному, юридически формальному подходу. Понятие «правонарушение» стало независимым от идеологии, сосредоточено на защите прав, законности, справедливости и юридической ответственности.

Ст. 159 КоАП Таджикской ССР закрепляла ответственность за мелкую спекуляцию – скупку и перепродажу товаров народного потребления, спиртных напитков, сельхозпродукции, магнитофонов и

видеокассет, чеков и других ценностей с целью наживы, если размер прибыли не превышал 30 рублей.

Данный состав отражал идеологический подход Советского государства, в котором любая частная перепродажа товаров считалась угрозой плановой экономике и нарушением принципа социалистического распределения. Цель наживы рассматривалась как социально вредная, а сама спекуляция – как форма теневой деятельности.

В современном законодательстве Республики Таджикистан аналогичной нормы не существует. Перепродажа товаров с целью получения прибыли является законной предпринимательской деятельностью при соблюдении налоговых и торговых правил. Т.е. современная правовая система отказалась от самого понятия «спекуляция», что отражает переход от плановой экономики к рыночной модели.

«В период формирования советского права, особенно в годы установления советской государственности и правопорядка на территории Таджикистана, уголовное законодательство отличалось высокой степенью политизации. Это было обусловлено как условиями военного времени, так и задачами по упрочнению государственной власти в регионе. В целях подавления так называемых «классовых врагов» советская власть активно прибегала к уголовно-правовым мерам воздействия, которые носили преимущественно репрессивный характер» [157, с. 227].

У.А. Азиззода разделяет «начальный этап становления советского уголовного законодательства на два основных периода: во-первых, этап от революционных событий до принятия первых кодифицированных уголовных актов (до 1922 г.); во-вторых, этап кодификации уголовного законодательства на общесоюзном и республиканском уровнях» [157, с. 228].

Период преобразований, происходивших в Советском государстве и обществе в 1985-1990-е годы, по мнению многих исследователей, стал

поворотным этапом в истории СССР и его правовой системы. Именно в это время страна вступила в фазу масштабных реформ, которые по своей сути носили революционный характер и затронули как политические, так и правовые основания советской государственности [139].

Уголовный кодекс Таджикской ССР, принятый 17 августа 1961 года, основывался на Основах уголовного законодательства СССР и союзных республик 1958 года. В соответствии со ст. 7 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г., на базе которых сформулировано аналогичное положение УК Таджикской ССР, преступлением признавалось предусмотренное уголовным законом общественно опасное деяние (действие или бездействие), посягающее на советский общественный или государственный строй, социалистическую систему хозяйства, социалистическую собственность, личность, политические, трудовые, имущественные и другие права граждан, а равно иное, посягающее на социалистический правопорядок, общественно опасное деяние, предусмотренное уголовным законом.

Данное определение обладает рядом характерных особенностей: 1) приоритет охраны государства и социалистического строя. На первом месте стояли интересы советского общества как политико-экономической модели, а также защита социалистической собственности и государственного строя. Именно эти категории рассматривались как главные объекты уголовно-правовой охраны; 2) идеологизированный характер уголовного права. Преступление трактовалось не только как нарушение правового запрета, но и как посягательство на устои социалистической идеологии. Категории «социалистическая собственность», «социалистический правопорядок», «политическая система» отражали партийно-государственную сущность уголовного права; 3) широкий и неоднородный перечень охраняемых объектов. В одном определении одновременно фигурировали государственный строй, экономика, собственность и права граждан. Однако защита прав личности была подчинена защите политической системы и носила

вторичный характер; 4) связующие «общественная опасность» «и законность» как обязательные признаки.

Деяние признавалось преступлением только при наличии общественной опасности, и если оно прямо было предусмотрено уголовным законом. Однако содержание общественной опасности определялось через призму «интересов социалистического общества», а не универсальных человеческих ценностей.

Советское понятие преступления отражало в большей степени идеологическую функцию уголовного законодательства, где уголовное право выступало инструментом поддержания политической стабильности, экономической модели и идеологии социализма.

Так, например, ст. 166 Уголовного кодекса Таджикской ССР (1961 г.) устанавливала уголовную ответственность за осуществление частнопредпринимательской деятельности и коммерческого посредничества, рассматривая их как противоправные формы извлечения прибыли вне социалистической системы хозяйствования. Данная норма отражала фундаментальные принципы советского экономического строя, основанного на государственной и кооперативной собственности и жестком ограничении частной инициативы.

1. Запрет частнопредпринимательской деятельности.

Частнопредпринимательская деятельность, осуществляемая с использованием государственной, кооперативной или общественной собственности, признавалась уголовно наказуемой. Санкция предусматривала: лишение свободы до пяти лет; конфискацию имущества либо ссылку до пяти лет.

Такой подход демонстрировал жёсткое отрицание частного сектора как экономического явления, поскольку любое предпринимательство вне социалистической модели трактовалось как посягательство на основы хозяйственной системы.

2. Коммерческое посредничество.

Коммерческое посредничество — купля-продажа товаров в целях наживы — также квалифицировалось как преступление. Устанавливалось наказание: лишение свободы до трёх лет; исправительные работы либо штраф.

Особое внимание в статье уделялось крупным и особо крупным размерам, что усиливало санкции до лишения свободы сроком до десяти лет с конфискацией имущества. Это подчёркивало стремление государства предотвратить любые проявления частного оборота товаров.

3. Идеологическое значение нормы.

Статья 166 не только регулировала экономические отношения, но и выполняла идеологическую функцию, утверждая принципиальный запрет рыночных механизмов и частной инициативы. Она обеспечивала защиту социалистической экономики и предотвращала формирование альтернативных экономических структур.

«Декларация о суверенитете Республики Таджикистан была принята 24 августа 1990 года на второй сессии Верховного Совета республики двенадцатого созыва»[12]. В условиях переходного периода и до вступления в силу нового Уголовного кодекса республики продолжала действовать значительная часть законодательных актов бывшего СССР и Таджикской ССР. «Такой подход к регулированию уголовно-правовых отношений был характерен для всех государств постсоветского пространства» [157, с. 314].

Ключевым событием Новейшей истории стало обретение государственной независимости 9 сентября 1991 года, которое ознаменовало начало глубокой модернизации политико-правовой системы. Однако путь к устойчивости оказался чрезвычайно сложным: распад союзной экономики, институциональная слабость государственных органов и внутривнутриполитический кризис поставили страну на грань потери государственности.

После обретения независимости начался процесс глубокой модернизации законодательства. Проблемы правового вакуума, нестабильности государственных органов и отсутствия единой судебной практики потребовали системного реформирования.

Именно в этот период особая историческая роль принадлежит Основателю мира и национального единства – Лидеру нации, Президенту Республики Таджикистан уважаемому Эмомали Рахмону, под руководством которого были сформированы основы современного Таджикского государства, восстановлены институты правосудия, обновлено нормативно-правовое регулирование и создана правовая база для обеспечения стабильности. Благодаря его политической воле и стратегическому видению Таджикистан прошёл путь от глубокого кризиса к этапу устойчивого развития, укрепления государственности и повышения эффективности правового регулирования.

Правовая система страны была модернизирована в соответствии с требованиями международного права и современных стандартов, что стало определяющим фактором формирования современного понимания правонарушения в национальном законодательстве.

С принятием Уголовного кодекса Республики Таджикистан 1998 г. понятие «преступление» приобрело принципиально иное содержание.

Современный УК РТ определяет преступление как общественно опасное деяние (действие или бездействие), запрещённое уголовным законом под угрозой наказания. Это определение основано на международных и общепринятых принципах уголовного права.

Ключевыми изменениями выступают: 1) отказ от идеологии. В определении отсутствуют ссылки на политическую систему, государственный строй или экономическую модель. Уголовное право отделено от политических интересов и не служит инструментом поддержания определённой идеологии; 2) ориентация на защиту прав и свобод человека. Преимущественными объектами охраны являются жизнь, здоровье, свобода, собственность, общественная безопасность,

конституционный порядок, экологические и экономические интересы. Приоритет сместился — с государства на личность и общество; 3) принципы уголовной ответственности. Современный УК РФ содержит чёткие принципы: законность, равенство перед законом, вина как обязательное условие ответственности, справедливость, гуманизм, демократичность. Указанные принципы были закреплены в советском уголовном праве, однако их содержание и направленность определялись социалистической идеологией и задачами защиты государственного и общественного строя; 4) нейтральность и универсальность определения. Исчезли такие категории, как “социалистическая собственность”, “социалистический правопорядок”, “советский строй”, что отражает переход к нейтральной по идеологическому содержанию правовой системе.

Основные направления эволюции понятия преступления:

1. От идеологического к правовому подходу. В СССР преступление рассматривалось прежде всего как угроза государственному строю. В современном праве — как деяние, опасное для личности, общества и государства независимо от их политической природы.

2. В советском уголовном праве приоритет отдавался охране государства, которое в господствующей идеологии рассматривалось как общенародное, вследствие чего защита личности осуществлялась через призму интересов государства.

3. Снижение роли экономической и политической модели. В СССР уголовное право обслуживало плановую экономику и социалистическую собственность. В современном праве защита собственности и экономики осуществляется без идеологических категорий и в рамках рыночных отношений.

4. Прозрачность и системность правовых принципов. Нормы УК РФ соответствуют международным стандартам, обеспечивая предсказуемость, гуманизм и защиту от произвольного применения уголовного закона.

Такой переход отражает не только изменение законодательства, но и глубокие социокультурные процессы, сопровождавшие становление независимого Таджикистана.

В советский период правонарушение рассматривалось через призму марксистско-ленинской доктрины, согласно которой противоправные деяния объяснялись классовыми противоречиями и пережитками прежних общественно-экономических формаций. При этом понятие «правонарушение» не выступало как полностью самостоятельная теоретическая категория, а раскрывалось преимущественно через категорию общественно опасного деяния, направленного против социалистического строя и общественного порядка. «Правонарушения рассматривались как преступления, как действия, направленные против нового коммунистического общества, а также как проявления борьбы классов в переходный период»[83, с. 204].

Данная концепция нашла отражение в нормативных актах, прежде всего в Основах уголовного законодательства СССР (1958 г.), УК Таджикской ССР (1961 г.), Кодексе об административных правонарушениях Таджикской ССР (1985 г.).

Основные особенности советской концепции правонарушения:

1. Идеологизация и политизация. Преступления против государства, социалистической собственности и политического режима имели наивысшую общественную опасность.

2. Широкое применение репрессивных мер. Государство стремилось жёстко контролировать общественные отношения, что отражалось в карательной направленности законодательства.

3. Отсутствие индивидуализированного подхода. Советская модель ориентировалась на унификацию ответственности, не учитывая культурных и региональных особенностей.

4. Подчинённость права политике. Законодательство не являлось автономной системой, а зависело от решений партийных органов.

Советский период стал фундаментальной основой формирования новой таджикской государственности и национальной правовой системы. В этот период были заложены ключевые институты государственной власти и правосудия, сформированы профессиональные юридические кадры, создана нормативно-правовая база и упорядочена система прав и обязанностей граждан.

Таким образом, советская концепция правонарушения была фундаментом, на основе которого в дальнейшем сформировалась национальная правовая система

Принятие Конституции Республики Таджикистан 1994 года стало ключевым этапом, закрепившим основы правового государства, приоритет прав и свобод человека, независимость судебной власти и верховенство закона.

В дальнейшем была принята целостная система нормативных правовых актов: Уголовный кодекс Республики Таджикистан (1998 г.); Кодекс об административных правонарушениях Республики Таджикистан (2008 г.); Уголовно-процессуальный кодекс (2010 г.); Гражданский кодекс (1999 г.), а также ряд других законов и кодексов.

Современная концепция правонарушения в Таджикистане основана на следующих принципах:

1. Правовое государство и верховенство закона. Любое нарушение регулируется нормами Конституции и отраслевого законодательства.
2. Приоритет прав и свобод человека. Ответственность должна быть соразмерной, справедливой и индивидуализированной.
3. Гуманизация и профилактика. Государство стремится снижать репрессивность, усиливая меры предупреждения.
4. Интеграция международных стандартов, в частности норм ООН, СНГ, ШОС.
5. Совершенствование правоприменительной практики через реформу судов и правоохранительных органов.

Особо следует подчеркнуть ключевую роль Президента РТ уважаемого Эмомали Рахмона, под руководством которого реализованы: судебная-правовая реформа, направленная на укрепление независимости судов; реформирование правоохранительной системы; модернизация уголовного и административного законодательства; развитие института правового просвещения населения; укрепление стабильности, безопасности и общественного порядка.

Именно политическая стабильность и стратегическое руководство Лидера нации стали фундаментом для формирования современного понимания правонарушения, отвечающего международным стандартам и национальным интересам.

Развитие концепции правонарушения в Таджикистане прошло длительный путь: от подходов, сформированных в советский период развития правовой науки, к современному научно обоснованному подходу, соответствующему международным правовым стандартам.

Современный этап развития, основанный на политической стабильности, укреплении правовой системы, стратегическом руководстве Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона, характеризуется:

- системной модернизацией законодательства,
- постепенной гуманизацией правовой политики,
- совершенствованием правоприменения,
- развитием национальной юридической науки.

Таким образом, национальная правовая система в годы независимости постепенно приобретает тот уровень, который позволяет эффективно регулировать общественные отношения, предупреждать правонарушения и обеспечивать защиту прав граждан.

ГЛАВА 2. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ КЛАССИФИКАЦИИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ

2.1. Основание классификации видов правонарушений

В связи с активным развитием научных исследований, посвящённых различным аспектам правонарушений, в последние годы в юридической науке значительно возрос интерес к проблеме их классификации. Такая тенденция обусловлена необходимостью систематизации правовых явлений, что имеет большое значение как для теоретического осмысления правовой действительности, так и для практики правоприменения.

Классификация правонарушений выполняет теоретическую и прикладную функцию. С теоретической позиции она способствует научному упорядочению знаний о разновидностях неправомерного поведения, выявлению их общих закономерностей и особенностей. С практической точки зрения классификация служит основой для разработки наиболее эффективных форм и методов противодействия правонарушениям, а также для повышения регулятивного потенциала мер юридической ответственности, при этом особое значение имеет систематизация правонарушений.

«Классификация правонарушений представляет собой их структурирование по определенным признакам с целью выделения групп или категорий» [170, с. 34].

Одной из наиболее распространенных в юридической теории является классификация правонарушений на преступления и проступки (иные виды правонарушений):

1) преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное Уголовным кодексом под угрозой наказания;

2) «иные правонарушения (проступки, деликты) представляют собой деяния, которые по степени общественной опасности могут существенно различаться, однако при этом не квалифицируются как преступления» [170, с. 35].

«Деление правонарушений по степени общественной опасности или по признаку социальной значимости анализируется с двух позиций. Согласно одной из них, преступления характеризуются более высокой общественной опасностью, поскольку они посягают на наиболее значимые общественные отношения, интересы и блага. В то же время иные правонарушения, обладая меньшей общественной опасностью, затрагивают менее значимые общественные отношения и интересы»[54, с. 6]. С другой стороны, некоторые исследователи полагают, что общественную опасность имеют исключительно деяния, подлежащие уголовной ответственности, тогда как проступки представляют собой правонарушения, менее опасные по своей природе и последствиям. Они совершаются не в уголовно-правовой сфере и не квалифицируются как преступления, а совершаются обычными гражданами в различных сферах деятельности, включая хозяйственную, экономическую, трудовую, культурную, административную, производственную и семейную. В качестве ответственности – влекут за собой взыскания, а не наказания[216, с. 3].

Н.И. Матузов, подразделяя правонарушения в зависимости от общественной опасности на преступления и проступки, справедливо отмечает: «Границы, разделяющие уголовно наказуемые деяния и проступки, условны, подвижны, они могут меняться вместе с изменениями условий» [72, с. 444].

Интересен взгляд Н.Н. Вопленко, который, «разделяя правонарушения на две основные группы: преступления и проступки, основным критерием их разграничения называет социальную вредность, при этом общественную опасность он называет «мифической» и расплывчатой» [186, с. 6-8].

Позиция И.В. Маштакова также является обоснованной: он отмечает, что «различия между преступлениями и остальными правонарушениями следует проводить по одному критерию: закреплено данное правонарушение в Уголовном кодексе или нет. Что касается общественной опасности, то эта категория воспринята законодателем и закреплена в Уголовном кодексе, она сохраняет свое значение как оценка особой, высшей степени общественной вредности» [170, с. 37]. В то же время подчеркивается, что любое непроступное правонарушение наносит, как правило, меньший общественный вред, чем преступление. Однако на практике встречаются случаи, когда ущерб, причинённый гражданским или административным правонарушением, значительно превышает вред от, например, мелкой кражи.

На наш взгляд, разделение правонарушений на преступления и проступки, безусловно, сохраняет своё методологическое и практическое значение, однако требует современного теоретического переосмысления. Данная классификация исторически оправдана и логически выверена, поскольку отражает иерархию общественной опасности деяний и обеспечивает дифференциацию юридической ответственности. Вместе с тем, в условиях динамичного развития общественных отношений и усложнения правовой материи, она уже не в полной мере отвечает требованиям современной юридической реальности.

В последнее время в юридической науке наиболее остро обсуждается вопрос о введении межуровневой категории «уголовный проступок».

Сторонники данного нововведения считают, что понятия «уголовный проступок», «криминальное деяние малой общественной опасности» или «квази – преступление» отражают закономерную тенденцию к смягчению границ между уголовным и административным правом. Это позволяет правовой системе гуманизировать ответственность, избегая чрезмерной криминализации, но при этом обеспечивая защиту правопорядка.

Уголовный проступок – это новая межкатегориальная форма правонарушения, которая занимает промежуточное положение между преступлением и административным правонарушением.

Он представляет собой деяние, формально включенное в систему уголовного права, но не обладающее высокой степенью общественной опасности, свойственной преступлению. Среди отечественных исследователей вопросам уголовного проступка уделял внимание Р.Р. Рахматджонзода (Р.Р. Юлдошев) [89].

Д.Ю. Корсун, определяя уголовный проступок, считает, что за его совершение необходимо определение особого вида ответственности, такой как снижение срока давности привлечения лица к ответственности «за совершение проступка по сравнению с преступлением, применения более мягких видов наказания, отсутствие судимости и др.»[193, с. 72].

С.И. Самыгин подчеркивает «множество положительных последствий введения понятия уголовного проступка в уголовное законодательство. Например, у правоохранительных органов появится возможность осуществлять более быстрое и эффективное реагирование на те деяния, которые не представляют существенной общественной опасности, а также большое значение будет иметь отсутствие у лица вследствие совершенного уголовного проступка такого негативного уголовно-правового последствия, как судимость, которая на практике оборачивается для человека так называемым «клеймом преступника» [209, с. 145].

А.Г. Кибальник, также являясь сторонником данного нововведения, считает, что именно такой признак уголовного проступка, как отсутствие судимости, позволит лицу продолжить «нормальную» жизнь после отбытия наказания. И эта возможность станет для человека реальным подтверждением принципа гуманизма, заложенного в уголовном законе.[135]

Однако имеются также противники введения уголовного проступка. А.Г. Блинов и А.М. Герасимов считают, что «рассуждения об уголовном

проступке формируют весьма расплывчатое представление о сущностных признаках исследуемого явления и ничего конкретного в содержательном плане в понятие «проступок» не вносят» [123, с. 24].

Справедливо в свою очередь отмечает И.Х. Бободжонзода, по мнению которого, «введение категории «уголовный проступок» в уголовный закон будет означать движение назад, оно также противоречит сущности межотраслевой дифференциации ответственности и принципам криминализации и не востребовано современными социально-политическими, экономическими, правовыми и иными процессами жизнедеятельности государства. Уголовный кодекс должен оставаться единым и наиболее строгим нормативным актом противодействия наиболее опасным проявлениям деструктивного поведения, среди которых не должно быть проступков» [122, с. 144].

В.В. Хилюта отмечает, что «механическое переименование отдельных правонарушений и преступлений, не представляющих большой общественной опасности (небольшой тяжести), в проступок автоматически не повлечет за собой гуманизацию и либерализацию уголовного законодательства, сокращения числа преступлений и т.д. Вся эта картина может быть иллюзорной, если не решать накопившихся проблем и противоречий в области уголовного и административного законодательства» [217, с. 149].

Если взглянуть на опыт зарубежных стран по введению уголовного проступка, то он существует в большинстве европейских государств: Германии, Австрии, Швейцарии, Франции, Италии и др.

Рассмотрим опыт введения уголовного проступка в отдельных государствах постсоветского пространства (Казахстане и России).

Так, Уголовный кодекс Республики Казахстан с 1 января 2015 года ввел новую категорию уголовного правонарушения – «уголовный проступок». Введение данной категории оказало значительное влияние на общую статистику уголовных правонарушений и назначаемых судами наказаний. В рамках этой категории были переквалифицированы более

100 составов преступлений небольшой тяжести, а также свыше 50 составов административных правонарушений.[17]

Н. Мусали для более четкого разграничения уголовного проступка предлагает следующее определение данного термина: «Уголовным проступком признается совершенное виновно общественно опасное деяние (действие или бездействие), запрещенное настоящим Кодексом под угрозой наказания в виде штрафа, исправительных работ, привлечения к общественным работам, ареста» [199, с. 95].

31 октября 2017 г. пленум Верховного суда Российской Федерации одобрил законопроект о введении в Уголовный кодекс и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации понятия «уголовный проступок»[24]. В соответствии с проектной статьёй 15¹ УК РФ, уголовным проступком признаётся впервые совершенное преступление небольшой тяжести, за которое не предусмотрено наказание в виде лишения свободы. Законопроект дополнил Уголовный кодекс Российской Федерации новыми положениями, предусматривающими возможность освобождения лица от уголовной ответственности с применением мер уголовно-правового характера, таких как судебный штраф, общественные работы или ограниченно оплачиваемые работы. Важным элементом проекта является внесение изменений в статью 76¹ УК РФ,[30] где предусмотрено, что лицо, впервые совершившее ряд преступлений небольшой или средней тяжести, может быть освобождено от уголовной ответственности при условии возмещения ущерба и внесения в федеральный бюджет денежного возмещения в двукратном размере причинённого вреда или полученного дохода.

Такой подход сочетает принципы справедливости, соразмерности и восстановительного правосудия, обеспечивая компенсацию потерь пострадавшей стороне и бюджету государства.

Таким образом, законодателем была предпринята попытка формирования новой модели уголовной ответственности, при которой уголовный проступок рассматривается как самостоятельный правовой

институт – своего рода «смягченное» преступление, не требующее назначения традиционного наказания, но сохраняющее уголовно-правовую сущность.

С теоретико-правовой точки зрения, уголовный проступок занимает промежуточное положение между административным деликтом и преступлением. Он обладает признаками общественной опасности, присущими преступлению, но в то же время характеризуется минимальной степенью этой опасности и отсутствием необходимости изоляции лица от общества.

Таким образом, в системе правонарушений он выполняет связующую функцию, формируя переходную ступень от уголовного наказания к мерам предупреждения. Введение данной категории позволило бы устранить дисбаланс, существующий между институтом административной преюдиции и уголовной ответственностью, и обеспечило бы правовую гибкость при квалификации малозначительных деяний.

В научной среде введение уголовного проступка встречает множество противников, которые отмечают следующие проблемные и дискуссионные аспекты:

1. Размытость границ между преступлением и проступком. Несмотря на формальные критерии (отсутствие лишения свободы и совершение впервые), остаются сложности в определении степени общественной опасности, что может вызвать неоднородность судебной практики.

2. Отсутствие единого подхода к квалификации и правовым последствиям. Поскольку проступок не выделен как самостоятельный вид правонарушения, а лишь как «особый вид преступления», возникают вопросы о соотношении мер уголовно-правового характера с понятием наказания и о влиянии их на рецидив.

3. Недостаточная правовая определённость последствий освобождения. На практике могут возникать сложности в вопросах

погашения статуса лица, совершившего проступок, и возможности последующего учёта этого факта при назначении наказания за иные деяния.

4. Проблема общественного восприятия. Существуют риски, что общество воспримет нововведение как «смягчение» уголовной политики, хотя по сути речь идёт не об оправдании, а о восстановительной справедливости.

Сторонники отмечают положительные стороны введения института уголовного проступка:

1. Гуманизация уголовного законодательства.

Законопроект ориентирован на снижение репрессивности уголовной политики и укрепление принципов справедливости и целесообразности. По данным судебной статистики, значительная часть осуждённых ранее — лица, впервые совершившие преступления небольшой тяжести. Введение института проступка позволяет таким лицам избежать клейма судимости и сохранить социальную адаптацию.

2. Дифференциация уголовной ответственности.

Институт уголовного проступка вводит гибкий механизм реагирования на малозначительные деяния, что соответствует принципу индивидуализации наказания. Суд получает возможность заменить уголовное наказание мерами воспитательного и восстановительного характера.

3. Содействие восстановлению социальной справедливости.

Введение возможности возмещения ущерба и применения альтернативных мер стимулирует правонарушителя к добровольному исправлению и возмещению вреда, что усиливает восстановительный потенциал уголовного права.

4. Экономическая и социальная эффективность.

Новые меры не требуют дополнительных бюджетных расходов и позволяют разгрузить судебную систему и уголовно-исполнительные

органы, уменьшая количество осуждённых, содержащихся в местах лишения свободы.

5. Закрепление восстановительного механизма через возмещение ущерба.

Таким образом, уголовный проступок выражает второй уровень уголовной ответственности, предназначенный для деяний, не требующих традиционной криминализации, но всё же нуждающихся в уголовно-правовой реакции. Он способствует разгрузке судебной системы, гуманизации уголовного права и восстановлению социальной справедливости без стигматизации личности.

Введение института уголовного проступка является логичным этапом эволюции отечественного уголовного законодательства, ориентированного на гуманизацию, восстановление социальной справедливости и снижение уровня криминализации общества.

Несмотря на отдельные проблемы и дискуссионные вопросы, концепция уголовного проступка должна рассматриваться как позитивный и необходимый шаг, укрепляющий системность правонарушений и обеспечивающий баланс интересов личности, общества и государства.

Авторская позиция заключается в поддержке данного нововведения как важного инструмента совершенствования системы правовой ответственности, позволяющего сместить акцент с преимущественно репрессивного подхода на восстановительные предупредительные меры при сохранении надлежащего уровня защиты общественных интересов.

Категория квази-преступления (от лат. *quassi* – «как бы», «похоже на», *quasi-crime* или *quasi criminal offense*) возникло в англо-американской правовой традиции как попытка обозначить деяния, не являющиеся уголовными преступлениями в строгом смысле, но обладающие схожими признаками и последствиями.

Так, по определению Cornell Law School (Wex), «*quasi-criminal proceeding* – это гражданское производство, в рамках которого к лицу

могут быть применены меры, аналогичные уголовным санкциям, включая штраф и лишение свободы»[224]. А по Justia Legal Dictionary, *quasi-criminal* – это «ситуация, при которой суд наказывает за деяние или бездействие так, как если бы это было преступлением» [225].

В США термин *quasi-criminal* используется в трёх основных контекстах: «регуляторные правонарушения (нарушения в области экологии, санитарных норм, безопасности труда); гражданское неповиновение суду (*civil contempt*), наказуемое штрафом или арестом, хотя формально это не преступление; иммиграционные и административные дела, где последствия близки к уголовным»[226].

В *Cambridge Law Journal* термин *quasi-crime* встречается при анализе *mens rea* — субъективной стороны деяния. Указывается, что такие деяния обладают *partially criminal nature*, то есть частично носят уголовный характер, но не требуют доказывания вины в традиционном смысле [227].

В праве Европейского союза (*Juridica International*, 2024) понятие *quasi-criminal law* применяется для обозначения санкций против юридических лиц — особенно там, где отсутствует необходимость доказывать вину, а санкция направлена на степень ответственности или риск нарушения [228].

Следует отметить, что категория *quasi-crime* по своей правовой природе и содержанию близка к понятию уголовного проступка, хотя эти явления не тождественны. В зарубежной, прежде всего англо-американской, доктрине *quasi-crime* (квази-преступление) рассматривается как деяние, находящееся на грани между уголовным и гражданско-правовым нарушением. Оно обладает рядом признаков преступления — противоправностью, наказуемостью, общественной опасностью, — однако эта опасность минимальна и не достигает степени, присущей преступлению в строгом смысле. По этой причине квази-преступления не влекут судимости и часто рассматриваются судами в особом, «переходном» порядке, как *quasi-criminal proceedings*[224].

В континентальной системе права (в том числе и стран СНГ) наиболее близким аналогом квази-преступления можно считать уголовный проступок — категорию, отражающую деяния, не обладающие значительной степенью общественной опасности, но всё же требующие уголовно-правовой реакции. Однако между ними существует принципиальная разница. Если *quasi-crime* является преимущественно доктринальным и судебным понятием, используемым в правоприменительной практике для разграничения преступных и административных деяний, то уголовный проступок представляет собой законодательно закреплённый институт, системно встроенный в уголовное законодательство (например, Казахстана).

Таким образом, квази-преступление может рассматриваться как доктринальная модель переходного типа уголовной ответственности, сформировавшаяся в англо-американской правовой системе, тогда как уголовный проступок представляет собой законодательно закреплённую форму этой модели, адаптированную к континентальной правовой традиции. По сути, уголовный проступок является «позитивной реализацией» концепции квази-преступления, отражённой в теории зарубежного уголовного права.

При раскрытии данных категорий может возникнуть вопрос об их отличии от малозначительного деяния, которое закреплено в ч. 2. ст. 17 Уголовного кодекса Республики Таджикистан (далее - УК РТ), которое гласит: «Не является преступлением деяние (действие или бездействие), хотя формально содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного Особенной частью настоящего Кодекса, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности»[29].

Комментируя данное положение, В.Н. Кудрявцев пишет «деяние, поэтому и называется малозначительным, что вред охраняемому объекту оно все же причиняет, но этот вред крайне невелик»[59, с. 147].

Н.Ф. Кузнецова, однако, полагает, что «причиненный малозначительным деянием мизерный вред не является общественно

опасным. Он может именоваться асоциальным, антисоциальным. Общественно опасный вред присущ исключительно преступлениям». Автор отмечает, что большинство уголовных кодексов стран СНГ квалифицирует малозначительное деяние как такое, которое «не причинило вреда и не создало угрозы»[60, с. 198].

В теории права наибольшее распространение получило деление правонарушений (проступков) на административные, гражданско-правовые и дисциплинарные. Помимо этих трёх наиболее часто встречающихся видов, отдельные исследователи выделяют также процессуальные, международные и иные правонарушения[98, с. 488].

С. Хасанов разделяет правонарушения на проступки и преступления, при этом выделяет следующие «виды проступков: гражданские, административные и дисциплинарные правонарушения» [109, с. 183].

Н.И. Матузов и А.В. Малько предлагают классификацию, включающую пять видов проступков: «1) гражданские; 2) административные; 3) дисциплинарные; 4) материальные; 5) процессуальные» [72, с. 444].

По мнению В.М. Сырых, «традиционное деление юридической ответственности на четыре вида - уголовную, административную, дисциплинарную и гражданско-правовую является неполным, т.к. не учитывает современных политико-правовых реалий, связанных с повышением ответственности государства, его органов и должностных лиц за обеспечение в обществе надежного правопорядка, развитие экономической и социально-культурной сфер общества, надлежащее исполнение иных своих функций» [150, с. 24].

Разными авторами предлагаются различные виды правонарушений (проступков), например: конституционные правонарушения[216], налоговые правонарушения[196], экологические правонарушения[203], финансовые правонарушения [210] и т.д.

По мнению И.С. Самощенко, классификация правонарушений по отраслям законодательства представляет собой, по сути, перечень

реально существующих в «обществе видов виновного противоправного поведения, к которым право применяет различные юридические последствия» [99, с. 161].

Иными словами, правонарушения, не являющиеся преступлениями, классифицируются в зависимости от регулируемых отношений или отрасли права.

При этом следует учитывать, что между различными видами правонарушений существует определённая взаимосвязь. Одно и то же противоправное деяние может нарушать нормы нескольких отраслей права и, соответственно, порождать разнообразные юридические последствия. Например, хищение имущества руководителем предприятия может одновременно повлечь гражданско-правовую ответственность (возмещение ущерба), дисциплинарную ответственность (увольнение) и уголовную ответственность.

Классификация правонарушений по особенностям их объекта также имеет ограничения. Одни и те же общественные отношения могут быть объектом различных видов правонарушений. Так, имущественные отношения могут нарушаться как преступлениями, так и гражданско-правовыми либо административными проступками.

В теории права существуют также классификации правонарушений по характеру причинённого вреда и по форме вины, однако особого внимания у ученых они не вызывают.

Правонарушения, которые классифицируются по характеру причиненного вреда (материальные, нематериальные, комплексные), базируются на объективной стороне правонарушения, то есть на внешнем проявлении деяния и его последствиях. Классификация правонарушений по форме вины базируется на субъективной стороне правонарушения, то есть на психическом отношении лица к своему деянию и его последствиям.

Классификация по форме вины выделяет умышленные и неосторожные правонарушения. Так, К.А. Мочалова подчёркивает: «По

формам вины правонарушения подразделяются на совершённые умышленно и совершённые по неосторожности» [200, с. 69].

Таким образом, обе классификации – по характеру причиненного вреда и по форме вины – основаны на элементах состава правонарушения. Их совместное применение позволяет глубже понять социально-правовую природу правонарушений, установить степень их общественной опасности и определить индивидуальные меры юридической ответственности.

Однако вышеуказанные классификации имеют вспомогательное, аналитическое значение.

Главными (базовыми) классификациями, по нашему мнению, следует считать деление по предмету правового регулирования и характеру охраняемых интересов. Оно базируется на различии публичного и частного права.

По мнению С.С. Алексеева, «предмет правового регулирования является решающим системообразующим основанием, поскольку определённая группа общественных отношений и назревшие потребности общества объективно требуют юридически специфической регламентации посредством особого режима регулирования» [35, с. 171].

С.Г. Соловьёва отмечает, что «предмет правового регулирования служит критерием деления права на отрасли, и на основе его анализа можно характеризовать сферы жизнедеятельности, получившие развитие в рамках общества на определенном историческом этапе его развития» [211, с. 50].

А.А. Гогин и И.В. Маштаков «придерживаются классификации, основанной на предмете правового регулирования. Согласно этой позиции, публичное право регулирует отношения государства с гражданами и иными субъектами права, тогда как частное право защищает интересы отдельных лиц в их взаимодействии с другими лицами. В частноправовых отношениях участвуют равные субъекты, тогда как в публичных отношениях одна из сторон всегда представляет

государство как властный субъект» [170, с. 38] [165, с. 224]., В связи с этим целесообразно более подробно рассмотреть классификацию отраслей права.

Предложенная нами классификация правонарушений по предмету правового регулирования и характеру охраняемых интересов отражает фундаментальную структуру права, что позволяет установить уровень и характер нарушаемых интересов, а также определить вид юридической ответственности.

Исторической основой данной классификации является классическое деление права на публичное и частное, которое восходит к римскому праву. Деление отраслей права на публичные и частные имеет корни в истории Древнего Рима⁴.

В вопросе деления права на частное и публичное в научной доктрине до сих пор нет единства мнений. Противники данного деления считают, что оно является идеологическим, так как в частной сфере присутствует государственная власть. Так, Л.С. Явич отмечает, что «государство не может оставаться безразличным к любым видам правонарушений, поскольку даже частноправовое правонарушение, посягая на интересы отдельного лица, наносит вред правопорядку в целом» [117, с. 279].

К.Д. Кавелин в свою очередь считает, что «принципиально невозможно противопоставлять общее благо и частный интерес, поскольку они тесно взаимосвязаны. Он считает, что общее благо разлагается на сумму частных интересов, и это дает основания полагать, что общественные интересы охраняются правом настолько, насколько они в состоянии обеспечить благоденствие частных лиц, и наоборот, частный интерес, не отвечающий видам общества, никогда не удостоится общественной (юридической) охраны» [218, с. 41].

Так, например, Э.А. Халафов пишет, что «основная задача правового деления на частное и публичное заключается в определении

⁴ Считается, что впервые деление отраслей права на публичные и частные было предложено древнеримским юристом Д. Ульпианом (170-228 гг.), который считал, что частное право следует относить только к пользе отдельных лиц, а публичное право – это то, что относится к положению Римской империи.

тех пределов, которыми государство должно быть ограничено «во вторжении» в сферу интересов индивидов и их объединений. В частноправовом аспекте государство должно выполнять задачу арбитра, а регулирование самих частноправовых отношений должно быть сведено к рекомендуемой модели поведения и установления надлежащих эффективных механизмов защиты прав и законных интересов его участников» [218, с. 41].

Н.С. Скакун предлагает взаимопроникновение данных отраслей права: по его мнению, «деление права на частное и публичное условно, в правовой системе они взаимосвязаны, частное право зависит от публичного, которое обеспечивает функционирование частного права. Результатом взаимодействия частного и публичного права является формирование комплексных отраслей законодательства. Сегодня формируются комплексные отрасли, включающие нормы как частного, так и публичного права» [212, с. 84].

Р.Л. Хачатуров признаёт «деление системы права на публичное и частное, одновременно отмечая теоретическое несовершенство классификации правонарушений на публично-правовые и частноправовые. В данном смысле следует только утверждать существование правонарушений, которые предусмотрены нормами частного и нормами публичного права, но не «частноправовых» и «публично-правовых» правонарушений» [219, с. 37].

Таким образом, на основе вышесказанного мы предлагаем сохранить и развить теорию деления права на частное и публичное, поскольку данная концепция отражает объективную дифференциацию интересов – общественных и индивидуальных – и способствует поддержанию равновесия между властью государства и свободой личности. Отказ от этого деления приводит к утрате методологической чёткости и размыванию границ ответственности субъектов. В современных условиях глобализации и цифровизации правовая система нуждается не в отмене этого различия, а в его модернизации – через

признание смешанных институтов и развитие межотраслевых механизмов регулирования.

То есть, деление права на частное и публичное имеет не только историческое, но и конструктивное значение для современной правовой науки. Оно обеспечивает целостность правовой системы, гарантирует баланс интересов личности и государства и остается важнейшим принципом юридической доктрины.

Следовательно, деление правонарушений на частные и публичные сохраняет научное и практическое значение.

2.2. Правонарушения в публичном праве

Современное развитие правовых систем государств постсоветского пространства характеризуется укреплением роли публичного права в обеспечении законности, безопасности и стабильности общества. Особое место в этой системе занимают правонарушения в публичном праве, отражающие нарушение норм, регулирующих отношения между государством и индивидом. Эти правонарушения охватывают сферу деятельности органов государственной власти, административное управление, финансовый контроль, обеспечение общественной безопасности и охрану конституционного строя.

В.В. Комлык определяет, что «публичное правонарушение - это совершённое участником (субъектом) публичных правоотношений деяние, которое нарушает публичный порядок, в частности, среди прочего, установленный порядок публичного управления» [194, с. 83]. Такой подход позволяет раскрыть состав публичного правонарушения как совокупность взаимосвязанных признаков — объекта, объективной стороны, субъекта и субъективной стороны, посредством которых противоправность поведения участника публичных правоотношений получает юридическую характеристику

К публичным правонарушениям относятся: конституционные, уголовные, административные, финансово-правовые, экологические,

информационные и международно-публичные деяния, посягающие на интересы государства и общества и влекущие публично-правовую ответственность.

Конституционные правонарушения. В юридической литературе существует множество определений конституционного правонарушения, но единое традиционное определение отсутствует.

Отечественный учёный Р.Р. Рахматджонзода отмечает, что «конституционно-правовая ответственность в механизме конституционно-правового регулирования выступает необходимой мерой публичного принуждения. Она является одним из видов юридической ответственности, под которой в доктрине понимается государственное принуждение к исполнению требований права за правонарушение, каждая из сторон которого обязана отвечать за свои поступки перед другой стороной, государством и обществом»[156, с. 153].

Ф.А. Скифский понимает «конституционное правонарушение как существенные нарушения Конституции, совершенные виновно деликтоспособным лицом, являющиеся общественно опасными и причиняющие существенный вред» [177, с. 12]. «Конституционный деликт – это противоправное виновное деяние (действие или бездействие) органа публичной власти или должностного лица такого органа, которое причиняет либо создает опасность причинения вреда общественным отношениям в сфере осуществления публичной власти и за которое нормами конституционного права предусмотрена конституционно-правовая ответственность» [143, с. 70].

В.О. Лучин в своих научных работах формулирует теоретическое определение конституционного деликта, рассматривая его в качестве самостоятельной разновидности правонарушения. По его мнению, конституционный деликт представляет собой нарушение обязательных предписаний правовых норм, выражающееся в «отклонении поведения субъекта от установленных Конституцией требований и принципов. Путём сопоставления фактического поведения с императивными

нормами права определяется наличие либо отсутствие признаков конституционного правонарушения». Наиболее распространенным и цитируемым является определение, сформулированное В.О. Лучиным: «Конституционный деликт определяется как действие либо бездействие субъекта конституционно-правовых отношений, не отвечающее требованиям надлежащего поведения и обуславливающее применение мер конституционно-правовой ответственности». При этом В.О. Лучин указывает, что «отклонение от должного поведения подразумевает любые формы поведения, не соответствующие «конституционной модели», выражающиеся в нарушении установленных запретов, выходе за пределы дозволенного либо в противоречии основополагающим принципам и смыслу Конституции» [140, с. 17].

Г. А. Трофимова выдвигает два варианта определения конституционного правонарушения: «Конституционное правонарушение – это противоправное, вредоносное, виновное деяние, нарушающее нормы конституционного права»; и с учетом меры ответственности: «Конституционное правонарушение – это нарушающее нормы конституционного права виновное, выраженное в виде неисполнения (ненадлежащего исполнения) обязанности либо злоупотребления правом деяние, которым причиняется материальный либо нематериальный вред, совершенное деликтоспособным субъектом конституционного права и влекущее применение мер конституционно-правовой ответственности» [151, с. 8].

Верна также позиция И.В. Маштакова, который утверждает, что «конституционным правонарушением будет являться только то деяние, за которое законодательством РФ предусмотрена конституционно-правовая ответственность. Деяние может быть общественно вредным, посягать на общественные отношения, противоречить предписаниям правовых норм, однако если в законодательстве РФ не предусмотрена конкретная форма конституционно-правовой ответственности за такое

деяние, то оно не может считаться конституционно-правовым деликтом» [170, с. 52].

По мнению М.С. Гафурова: «Конституция Республики Таджикистан является нормативной основой конституционной ответственности государства, поскольку регламентирует правовой статус участников конституционных правоотношений, т.е. потенциальных субъектов конституционной ответственности, предусматривает признаки конституционных правонарушений и конституционно-правовые санкции» [187, с. 86].

В соответствии со статьёй 10 Конституции Республики Таджикистан (далее - Конституция РТ), Конституция имеет высшую юридическую силу и все законы и другие правовые акты должны соответствовать её нормам. Следовательно, любое действие или бездействие, противоречащее конституционным предписаниям, может рассматриваться как правонарушение в сфере конституционного права.

Здесь следует отметить справедливость позиции В.О. Лучина, согласно которой, как отмечалось выше, «конституционный деликт представляет собой действие либо бездействие субъекта конституционно-правовых отношений, не отвечающее требованиям надлежащего поведения и влекущее применение мер конституционно-правовой ответственности» [140, с. 12].

На основе анализа всего вышесказанного можно сделать вывод, что конституционное правонарушение представляет собой противоправное и виновное действие либо бездействие деликтоспособного субъекта конституционно-правовых отношений, посягающее на положения и принципы Конституции Республики Таджикистан и влекущее применение предусмотренных законом мер конституционно-правовой ответственности.

Приведённое определение позволяет отграничить конституционные правонарушения от иных видов юридических деликтов, акцентируя их особое значение в механизме обеспечения верховенства Конституции,

устойчивости конституционного строя, а также в защите фундаментальных прав и свобод человека и гражданина.

Как и любой вид юридического деликта, конституционное правонарушение имеет объективные и субъективные признаки, субъект и объект правонарушения. Для наличия состава правонарушения необходимо наличие всех его четырёх элементов, при отсутствии хотя бы одного из них нет правонарушения, а следовательно, нет конституционно-правовой ответственности. В научной литературе состав конституционного правонарушения подробно не исследуется, поскольку, как отмечает Г.А. Василевич, его формулирование нередко представляет значительную трудность[47, с. 432-438].

Объектом конституционного правонарушения являются общественные отношения, регулируемые и охраняемые нормами Конституции Республики Таджикистан, обеспечивающие функционирование основ государственного и общественного строя, прав и свобод человека и гражданина, а также механизмов государственной власти. Нарушение этих отношений подрывает стабильность конституционного порядка, препятствует реализации принципов правового государства и верховенства Конституции как Основного закона страны.

В юридической литературе объект правонарушения традиционно рассматривается как то, на что направлено противоправное посягательство. Применительно к конституционным правонарушениям объект имеет особый характер, поскольку отражает наиболее значимые, фундаментальные интересы государства и общества. Он определяет специфику и высокую степень общественной опасности данного вида деяний.

Конституция Республики Таджикистан закрепляет широкий круг общественных отношений, составляющих предмет её охраны. В их числе — основы государственного суверенитета, территориальной целостности, народовластия, принцип разделения властей, а также

гарантии прав и свобод человека и гражданина. Соответственно, нарушение любого из этих конституционно значимых элементов образует объект конституционного правонарушения.

Исходя из этого, объект конституционного правонарушения можно классифицировать на общий, родовой, видовой и непосредственный, при этом видовой объект конкретизирует общественные отношения в рамках соответствующего правового института:

1. Общий объект включает всю совокупность общественных отношений, урегулированных конституционно-правовыми нормами, то есть конституционный строй Республики Таджикистан в целом.

2. Родовой объект охватывает определённую группу отношений, например, сферу функционирования органов государственной власти, избирательную систему или конституционные основы местного самоуправления.

3. Видовой объект конкретизирует отношения внутри отдельного института, например, порядок формирования парламента (Маджлиси Оли) или осуществления судебной власти.

4. Непосредственный объект представляет собой конкретное конституционно охраняемое благо, на которое направлено противоправное деяние, — например, право граждан на участие в выборах, свободу слова, право на объединение или принцип разделения властей.

Особенностью объекта конституционного правонарушения является его непосредственная связь с политико-правовыми основами государства. В отличие от административных или гражданских правонарушений, посягательство на конституционные отношения затрагивает устойчивость и легитимность государственной власти, что придаёт данному виду деяний особую правовую значимость.

Р.Ш. Шарофзода выделяет, «виды конституционных правонарушений: 1) правонарушения в области основ конституционного строя; 2) в сфере прав и свобод человека и гражданина; 3) в сфере

государственного устройства; 4) в сфере организации и деятельности государственных органов; 5) в сфере местного самоуправления; 6) связанные с изменением и дополнением в Конституцию». Дополнительно к ним Р.Ш. Шарофзода выделяет конкретные «виды конституционных правонарушений: вмешательство в народный суверенитет, захват власти и овладение властными полномочиями, вмешательство в верховенство Конституции, препятствие территориальной целостности страны и т.д.» [111, с. 856].

Таким образом, объект конституционного правонарушения в Республике Таджикистан представляет собой совокупность основополагающих общественных отношений, обеспечивающих функционирование конституционного строя, реализацию прав и свобод личности и стабильность государственной власти. Защита этих отношений выступает одной из важнейших функций конституционно-правовой ответственности, направленной на поддержание верховенства и авторитета Конституции.

Объективная сторона конституционного правонарушения выражает его внешнюю характеристику, то есть фактическое проявление противоправного деяния. Она включает описание самого действия или бездействия, а также наступившие последствия, непосредственно затрагивающие охраняемые Конституцией Республики Таджикистан общественные отношения. Именно благодаря анализу объективной стороны становится возможно установить факт совершения конституционного правонарушения и определить его специфику среди иных видов правонарушений.

Следует отметить, что в конституционном законодательстве Таджикистана элементы объективной стороны не всегда закреплены в виде чётко выраженных диспозиций, однако из содержания конституционно-правовых норм можно вывести предписания, нарушение которых образует противоправное поведение. Так, например, Конституция Республики Таджикистан запрещает действия,

направленные на насильственное изменение конституционного строя, нарушение территориальной целостности, подрыв безопасности государства или посягательство на основы конституционного строя (ст. 8, 9, 10, 100).

К числу объективных признаков конституционного правонарушения относятся:

1. Само противоправное деяние — действие либо бездействие, нарушающее предписания конституционно-правовых норм.

2. Общественно опасные последствия, заключающиеся в подрыве или ограничении конституционных прав и свобод граждан, нарушении принципов государственного устройства, препятствовании реализации властных полномочий.

3. Причинно-следственная связь между действием субъекта и наступившими последствиями.

Как отмечают исследователи, объективная сторона может выражаться как в активной форме (действии), так и в пассивной (бездействии). Активное деяние включает совершение действий, прямо противоречащих Конституции, например, неправомерное вмешательство в процесс выборов, препятствование реализации избирательных прав граждан или несоблюдение установленного порядка осуществления государственной власти.

Бездействие как форма объективной стороны выражается в неисполнении субъектом конституционных обязанностей, возложенных на него законом. Такого рода деяние может проявляться, например, в несвоевременном принятии нормативных актов, предусмотренных Конституцией, или в уклонении должностных лиц от реализации конституционно установленных полномочий.

Объективная сторона конституционного правонарушения отражает реальное несоблюдение предписаний Основного закона, а потому её анализ позволяет разграничить собственно конституционные деликты от дисциплинарных или административных нарушений. В этой связи

определение объективных признаков деяния служит важным критерием при квалификации правонарушений в сфере конституционно-правовых отношений.

Таким образом, объективная сторона конституционного правонарушения в правовой системе Республики Таджикистан представляет собой совокупность внешне выраженных признаков деяния, характеризующих его как нарушение норм Основного закона, и включает в себя противоправное поведение, наступившие последствия и причинную связь между ними.

Субъект конституционного правонарушения — это лицо или орган, обладающий конституционной правосубъектностью, способный нести ответственность за нарушение норм Основного закона. В отличие от субъектов других видов правонарушений, субъект конституционного деликта имеет особый юридический статус, вытекающий из его участия в реализации конституционно-правовых отношений.

К субъектам конституционно-правовой ответственности относятся все участники конституционных правоотношений, обладающие деликтоспособностью. При этом народ, нация и государство не могут рассматриваться в качестве таких субъектов, поскольку не обладают деликтоспособностью в юридическом смысле. Народ и нация представляют собой социально-политические общности, не наделённые возможностью выступать в качестве самостоятельных субъектов правонарушения и нести юридическую ответственность. Государство же, являясь носителем публичной власти, реализует ответственность посредством своих органов и должностных лиц, в связи с чем не выступает самостоятельным субъектом конституционно-правовой ответственности. Кроме того, признание лица субъектом конкретного конституционного правонарушения предполагает наличие прямого нормативного закрепления его ответственности в соответствующей правовой норме.

Субъекты конституционно-правовой ответственности могут носить как индивидуальный, так и коллективный характер. В зависимости от правового статуса их целесообразно классифицировать на следующие группы: государственные органы; должностные лица; негосударственные объединения; физические лица.

Особенностью данного вида ответственности является возможность возложения неблагоприятных правовых последствий на субъект не только за собственные действия, но и за действия лиц, находящихся в его организационной или правовой зависимости. Так, например, ответственность может быть возложена на руководителя государственного органа за незаконные действия подчинённого, если они стали следствием ненадлежащего исполнения им обязанностей по контролю и обеспечению законности. В таких случаях действия непосредственного правонарушителя юридически вменяются ответственному субъекту как результат его собственного противоправного поведения (бездействия).

В соответствии с Конституцией Республики Таджикистан, субъектами конституционного права выступают:

- государственные органы (Президент, Маджлиси Оли, Правительство, местные органы государственной власти и самоуправления);
- должностные лица, наделённые властными полномочиями;
- граждане Республики Таджикистан, обладающие конституционными правами и обязанностями;
- а также иные участники общественных отношений, чья деятельность регулируется конституционно-правовыми нормами.

Субъективная сторона конституционного правонарушения характеризует внутреннее психическое отношение субъекта к совершённому противоправному деянию и включает такие элементы, как вина, мотив и цель. В отношении коллективных субъектов – субъективная сторона носит опосредованный характер и выражается

через волю и поведение их должностных лиц, уполномоченных действовать от их имени.

Ключевым элементом субъективной стороны является вина, которая может проявляться в форме умысла либо неосторожности.

Умысел предполагает осознание субъектом противоправного характера своих действий и желание наступления последствий, противоречащих Конституции (например, намеренное искажение результатов выборов, умышленное превышение властных полномочий, несоблюдение процедуры принятия законов).

Неосторожность проявляется в небрежном или халатном отношении к исполнению конституционных обязанностей, когда субъект не предвидел последствий, хотя должен был и мог их предвидеть (например, несвоевременное исполнение конституционных предписаний, приведшее к нарушению прав граждан).

Мотив и цель также имеют важное значение при квалификации конституционного правонарушения. Мотив отражает внутренние побуждения субъекта (например, стремление сохранить власть, личная выгода, политическая предвзятость), а цель — желаемый результат, которого субъект стремился достичь, нарушая конституционно-правовые предписания.

Некоторые исследователи подчёркивают, что в сфере конституционно-правовой ответственности вина может носить сложный многоуровневый характер, поскольку действия субъектов, обладающих публичной властью, нередко связаны с оценочными решениями и политическими факторами.

Уголовное правонарушение (преступление). Несмотря на то, что понятие «уголовное правонарушение» достаточно подробно освещено в специальной литературе, единый подход к его содержанию до сих пор не выработан. Следует подчеркнуть, что категория «уголовное правонарушение» не является характерной для национального уголовного законодательства, в котором традиционно используется

термин «преступление», охватывающий все общественно опасные деяния, запрещённые уголовным законом.

Согласно статье 17 УК РТ, преступлением признается совершенное виновное общественно опасное деяние (действие или бездействие), запрещенное уголовным законом под угрозой применения наказания. Не является преступлением деяние (действие или бездействие), хотя формально содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного Особенной частью Уголовного кодекса, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности.

В течение длительного времени такая концепция полностью соответствовала духу уголовного законодательства и основополагающим принципам уголовно-правовой доктрины. Однако современные тенденции к либерализации и гуманизации уголовного права диктуют необходимость более гибкого подхода к юридической характеристике деяний, которая выражается, как отмечалось выше, в введении такой категории, как «уголовный проступок».

Административные правонарушения. Согласно ст. 17 КоАП Республики Таджикистан, административное правонарушение представляет собой противоправное виновное деяние (действие или бездействие) физического или юридического лица, совершение которого влечёт административную ответственность. Важно отметить, что в таджикском законодательстве административное правонарушение может быть совершено умышленно или по неосторожности, что свидетельствует о гибкости правового подхода законодателя к определению форм вины.

Законодатель также выделяет особую форму административного правонарушения – бездействие, которое признаётся правонарушением лишь в том случае, если лицу была известна обязанность предотвратить наступление вредных последствий, но оно её не исполнило. Таким образом, понятие административного правонарушения в национальном

праве охватывает как активные, так и пассивные формы противоправного поведения.

Кроме того, часть третья ст. 17 КоАП РТ закрепляет презумпцию невиновности лица, заблуждающегося о характере своих действий, если такое заблуждение было непреодолимым и лицо не имело возможности предотвратить нарушение. Этот элемент придаёт КоАП РТ гуманистическую направленность, усиливая защиту прав лица, привлекаемого к ответственности.

С теоретико-правовой точки зрения, административное правонарушение представляет собой общественно вредное противоправное деяние, нарушающее установленный порядок государственного управления, общественной безопасности или иные публичные интересы. В отличие от уголовных правонарушений, административные деяния обладают меньшей степенью общественной опасности, что определяет специфический характер применяемых к ним санкций — административно-карательный, а не уголовно-наказательный.

В юридической литературе существует большое разнообразие определений административного правонарушения. Так, по мнению О.М. Якубы, «административное правонарушение — это нарушение или неисполнение административно-правовых норм, устанавливающих определенные правила в различных отраслях управления и снабженных административной санкцией» [116, с. 38]. С.С. Студеникин считает, что «административное правонарушение – это нарушение административно-правовой нормы, наказание за которое налагается властью органа государственного управления, а не в судебном порядке» [100, с. 133]. А.В. Серегин трактует «административное правонарушение как виновное антиобщественное деяние (действие или бездействие), нарушающее общественные правила поведения, охраняемые мерами административного воздействия» [101, с. 54]. Данные определения являются недостаточно завершёнными и развитыми.

По мнению И.А. Галагана, «административное правонарушение - это общественно вредные действия или бездействия, нарушающие предписания административно-правовых норм, обеспеченных санкциями в виде конкретных наказаний, и регулируемые ими общественные отношения в сфере государственного управления, которые отличаются от преступлений меньшей степенью общественной опасности, а потому и влекут за собой административную ответственность»[51, с. 148]. Данное определение лучше передает все правовые особенности этой категории.

Г.А. Шокиров при этом рассуждает, что «административная ответственность имеет непосредственное отношение к административным правонарушениям, однако, с другой стороны, административная ответственность является одним из видов правовой ответственности» [155, с. 56].

Одним из ключевых элементов административного правонарушения является виновность, которая выражается в психическом отношении лица к совершенному деянию и его последствиям. Таким образом, административная ответственность строится не только на факте нарушения, но и на субъективной оценке поведения нарушителя.

Юридические лица, как указано в части четвёртой статьи 17, также могут быть субъектами административных правонарушений. Это отражает современную тенденцию к институционализации административной ответственности, что способствует усилению контроля над хозяйственной и корпоративной деятельностью.

В контексте настоящего исследования целесообразно осуществить сравнительно-правовой анализ института административных правонарушений в законодательстве зарубежных государств. Особое внимание будет уделено странам ближнего зарубежья, большинство из которых представляют собой республики, образованные на территории бывшего Союза ССР.

Так, в статье 25 Кодекса Республики Казахстан об административных правонарушениях, административным

правонарушением признается противоправное виновное (умышленное или неосторожное) действие либо бездействие физического или юридического лица, за которое настоящим Кодексом предусмотрена административная ответственность.[22] Особое значение имеет часть 2 статьи 25, которая устанавливает, что административная ответственность наступает лишь в случае, если деяние не влечёт уголовной ответственности по своему характеру. Тем самым законодатель Республики Казахстан вводит материальный критерий разграничения между административным и уголовным деликтом – степень общественной опасности.

Статья 10 Кодекса Республики Узбекистан об административной ответственности формулирует понятие административного правонарушения через объект посягательства – личность, права и свободы граждан, собственность, государственный и общественный порядок, природную среду.[23] Законодатель Республики Узбекистан, в отличие от нашего, акцентирует внимание прежде всего на социальной направленности деяния, то есть на перечне общественных отношений, которым причиняется вред. Кроме того, в примечании к статье содержится отсылка к статье 14 Уголовного кодекса Республики Узбекистан, устанавливающей критерии разграничения административного и уголовного деяния, что придаёт определению системный характер и способствует более чёткому определению границ административной ответственности.

Таким образом, можно утверждать, что в таджикском праве преобладает формально-юридический подход, ориентированный на характеристику самого действия (или бездействия) и его виновности, тогда как узбекская модель базируется на материально-социальной концепции, связывающей административное правонарушение с характером объекта посягательства.

Статья 2.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях развивает концепцию ответственности юридических

лиц. В ней наряду с традиционными признаками (противоправность, виновность, деяние) впервые системно раскрыт субъективный аспект, включающий критерии вины юридического лица. Это свидетельствует о развитии института вины юридического лица как самостоятельной категории административного права и приближении российского административного законодательства к европейским стандартам корпоративной ответственности. Кроме того, закон чётко разграничивает ответственность юридического и физического лица, что соответствует принципу индивидуализации наказания и повышает уровень правовой определенности.

Так, российская модель демонстрирует современный уровень правовой техники, особенно в сфере регулирования деятельности юридических лиц.

В статье 14 Кодекса о правонарушениях Кыргызской Республики содержится определение, близкое по структуре к таджикскому и узбекскому законодательству: правонарушением признаётся совершенное физическим или юридическим лицом противоправное виновное деяние (действие или бездействие), за которое предусмотрена ответственность.[21]

Однако законодатель Кыргызской Республики дополнительно раскрывает вопрос о субъектах правонарушения, включая в их число должностных лиц, что имеет важное значение для практики привлечения представителей органов власти к административной ответственности. Этот подход отражает тенденцию к усилению принципа равенства всех перед законом и предотвращению злоупотреблений должностным положением.

Кроме того, как и в Узбекистане, законодатель устанавливает, что административная ответственность наступает лишь в случае отсутствия оснований для уголовной. Тем самым создаётся чёткое функциональное разграничение между различными видами правонарушений, что способствует системности правового регулирования.

Приведённый анализ показывает, что в законодательстве всех четырёх государств присутствует общая основа для понятия «административное правонарушение» – противоправность, виновность, деяние и санкция. Однако различия проявляются в подходах законодателей соответствующих государств к определению административного правонарушения, его признаков и меры ответственности.

В законодательствах Таджикистана и Кыргызстана прослеживается формально-юридический подход, ориентированный на лаконичность и чёткость конструкции. В Узбекистане преобладает социально-объектный подход, придающий административному праву гуманистическую направленность. Российская Федерация демонстрирует субъектно-организационный подход, где ключевое внимание уделено юридическим лицам и механизмам корпоративной ответственности.

С научной точки зрения в нашем законодательстве целесообразно расширить определение правонарушения, включив в него положение о субъектах – юридических и должностных лицах, а также уточнить признаки вины юридического лица по аналогии с российской моделью. В результате будет достигнуто сбалансированное сочетание юридической точности, социальной направленности и современной правовой техники, что повысит качество административного законодательства и его соответствие международным стандартам публичного права.

Финансово-правовые правонарушения. Финансово-правовые правонарушения представляют собой противоправные виновные деяния субъектов финансовых правоотношений, посягающие на установленный государством правопорядок в сфере формирования, распределения и использования публичных финансов. Их сущность заключается в нарушении правовых норм, регулирующих бюджетную, налоговую, валютную, публично-банковскую, финансово-правовую, таможенную, страховую и иные подсистемы финансовой деятельности государства, что неизбежно подрывает стабильность финансовой системы,

препятствует реализации фискальной политики и снижает эффективность управления государственными ресурсами.

Несмотря на то, что в юридической литературе существует большое количество научных работ, посвященных финансовым правонарушениям, единая позиция относительно понятия «финансовое правонарушение» отсутствует.

И.Ш. Килясханов и Н.Д. Эриашвили под финансовым правонарушением понимают «виновное противоправное деяние (действие или бездействие) коллективного либо индивидуального субъекта финансового права в сфере финансовой деятельности государства и муниципальных образований, за которое законом установлены меры финансово-правовой ответственности» [108, с. 452]. По мнению Н. Г. Сукиасян, «финансовое правонарушение – это противоправное виновное действие (бездействие), нарушающее закрепленные финансовым законодательством предписания, которое наносит вред финансовой системе государства и к лицам, виновным в совершении которого, применяются финансовые санкции» [27]. М. В. Карасева рассматривает «финансовые правонарушения в расширенном смысле, относя к ним широкий круг нарушений, возникающих в процессе реализации публичных финансовых отношений. По её мнению, к числу финансовых правонарушений следует относить «нарушения налоговых обязательств; несоблюдение порядка и сроков возврата возвратных бюджетных ссуд; нарушения, связанные с нецелевым использованием бюджетных средств, предоставленных на безвозмездной основе; нарушение правил ведения кассовых операций» [58, с. 255], а также иные аналогичные противоправные деяния, посягающие на установленный порядок финансовой деятельности государства. А.А. Гогин со своей стороны отмечает, что «финансовое правонарушение - это широкое понятие, охватывающее весь спектр противоправных деяний в финансовой сфере, и выделяет в качестве его видов: бюджетное правонарушение, налоговое правонарушение, правонарушение в сфере

публичной банковской деятельности, валютное и правонарушение в сфере страховой деятельности» [165, с. 279].

Таким образом, на основе анализа научных позиций мы приходим к выводу, что в своих трудах учёные разделились на две группы: одни дают общее определение финансовому правонарушению, определяя его как противоправное виновное деяние субъектов финансовых правоотношений, которое посягает на установленный законом правопорядок в сфере финансов; другие же считают, что понятие «финансовое правонарушение» категория собирательная, которая включает налоговые, бюджетные, валютные, банковские и другие виды правонарушений.

Соглашаясь с указанной точкой зрения, полагаем, что в структуру финансового права входят две основные подотрасли — бюджетное и налоговое право, а также ряд специализированных институтов, включая публичную банковскую деятельность, валютное регулирование и валютный контроль, страховую деятельность и финансово-правовую таможенную деятельность.

Каждое из этих структурных образований обладает определенной самостоятельностью, поскольку имеет собственный предмет правового регулирования и охватывает специфический круг общественных отношений. Некоторые учёные, например Е.В. Бестужева[162] и И.В. Маштаков[170], считают целесообразным разграничивать от финансовых правонарушений налоговые правонарушения, выдвинув их как отдельную категорию.

Представляется обоснованным рассматривать финансовое правонарушение как комплексную правовую категорию, объединяющую всю совокупность противоправных деяний в сфере публичных финансов, включая налоговые, бюджетные, валютные, публично-банковские, страховые и иные правонарушения, посягающие на финансовую безопасность государства. Такой подход соответствует как внутренней структуре финансового права Республики Таджикистан, так и

современной научной доктрине, согласно которой финансовая система представляет собой многокомпонентный, но функционально единый механизм.

Во-первых, финансовое правонарушение носит комплексный характер, поскольку публичные финансы образуют единую взаимосвязанную систему, включающую налоговые поступления, бюджетные отношения, банковское обслуживание государственных операций, валютное регулирование и страховое обеспечение. Нарушение в одной подсистеме неизбежно вызывает последствия в других: например, неуплата налогов влияет на исполнение бюджета, нарушения в банковской системе препятствуют движению бюджетных средств, валютные нарушения влияют на фискальную и макроэкономическую стабильность. Следовательно, разграничение «финансового» и «налогового» правонарушения представляется искусственным и не отражающим реальной структуры публичных финансов.

Во-вторых, в научной литературе прослеживается тенденция к расширительному пониманию финансового правонарушения. Например, это позиция М.В. Карасевой[58, с. 255], о которой говорилось выше. Или же А.А. Мусаткина указывает, что «налоговые, бюджетные, банковские и валютные отношения представляют собой разновидности единого финансового правоотношения, что позволяет рассматривать соответствующие правонарушения как элементы одного комплексного института финансовой ответственности» [198, с. 73]. Эти позиции подтверждают, что налоговое правонарушение не существует автономно, а является структурным компонентом финансового правонарушения.

В-третьих, анализ законодательства Республики Таджикистан также указывает на отсутствие строгой границы между налоговыми и иными финансовыми правонарушениями. Налоговый кодекс РТ, Кодекс об административных правонарушениях РТ, Закон РТ «О государственных финансах РТ», Закон РТ «О финансовом управлении и внутреннем контроле в государственном секторе», ежегодный закон о

государственном бюджете на конкретный год и ряд других нормативно-правовых актов, регулирующих финансовую деятельность, основаны на единых принципах финансовой дисциплины, законности, прозрачности и ответственности. Многие нормы КоАП РТ формулируются через общее понятие «нарушение финансового законодательства» и не дифференцируют налоговые нарушения от иных финансовых нарушений. Это подтверждает, что законодатель использует единый подход к оценке противоправных деяний во всех подсистемах публичных финансов.

В-четвёртых, комплексное понимание финансового правонарушения обеспечивает более эффективный механизм финансового контроля. Государственный финансовый контроль в Республике Таджикистан осуществляется в соответствии с Законом «О государственных финансах РТ» от 28 июня 2011 года, №723, который определяет правовые основы организационных принципов управления государственными финансами, систематизации бюджета и его классификации и регулирует финансовые межбюджетные отношения.[13]

Превентивные, текущие и последующие контрольные мероприятия применяются не к отдельным видам нарушений, а ко всей совокупности финансовых нарушений, что позволяет выявлять системные нарушения финансовой дисциплины. Разделение финансовых правонарушений по подотраслям уменьшило бы эффективность контроля, породило бы пробелы ответственности и дало бы возможность для злоупотреблений.

Наконец, в условиях цифровизации финансовой деятельности, внедрения электронных платёжных систем, перехода к централизованной казначейской системе, введения автоматизированного налогового администрирования, жёсткого валютного контроля и развития обязательного страхования, любые правонарушения в этих сферах всё чаще носят комплексный характер. Они затрагивают одновременно несколько подсистем финансовой системы государства, что подтверждает актуальность интегрированного подхода и делает

невозможным жёсткое отграничение налогового правонарушения от финансового в целом.

Таким образом, автор считает оправданным утверждение, что финансовое правонарушение — это единая комплексная и многоуровневая правовая категория, охватывающая весь спектр нарушений финансовой дисциплины. Налоговое правонарушение в этой системе выступает не самостоятельным феноменом, а структурным элементом финансового правонарушения, подчинённым общим принципам финансовой ответственности и находящимся в рамках единого механизма охраны публичных финансовых интересов государства.

Состав финансово-правового правонарушения представляет собой совокупность установленных финансовым законодательством признаков, наличие которых позволяет квалифицировать деяние как противоправное и обеспечивает возможность применения мер финансово-правовой ответственности. Согласно научным подходам, отражённым в работах Н. Г. Сукиасян и других учёных, «состав финансового правонарушения включает четыре взаимосвязанных элемента: объект, объективную сторону, субъект и субъективную сторону» [210, с. 280]. При этом особенности финансовой деятельности государства, жёсткая регламентация бюджетных, налоговых и валютных процессов, а также публичный характер финансовых обязательств предопределяют специфику каждого элемента состава.

Объект финансово-правового правонарушения составляют общественные отношения, возникающие в процессе формирования, распределения, использования и учёта публичных денежных фондов государства, включая налоговые, бюджетные, валютные, публично-банковские и иные финансовые правоотношения. Поскольку финансовая система Республики Таджикистан базируется на принципах публичности, прозрачности и целевого характера использования средств, любое нарушение финансового законодательства посягает на устойчивость

финансовой безопасности государства. Следовательно, объектом правонарушения является установленный порядок финансовой деятельности, закреплённый в финансовом законодательстве РТ.

Объективная сторона финансового правонарушения проявляется в конкретном противоправном действии или бездействии, нарушающем финансовые нормы. К таким деяниям относятся: нецелевое использование бюджетных средств; нарушение порядка их перечисления; несоблюдение правил ведения финансовой отчётности и бухгалтерского учёта; уклонение от исполнения налоговых обязательств; сокрытие или искажение налогооблагаемой базы; нарушение валютных правил, установленных Национальным банком РТ; нарушение порядка государственных закупок; несоблюдение сроков и правил возврата бюджетных кредитов. Законодательство Таджикистана предусматривает, что объективная сторона должна выражаться не только в факте нарушения, но и в наличии потенциального или реального ущерба финансовым интересам государства, что прямо отражено в КоАП РТ и Законе «О государственных финансах РТ».

Субъект финансово-правового правонарушения — это деликтоспособное лицо, обязанное соблюдать финансовые нормы. В соответствии с законодательством Республики Таджикистан, субъектами финансовых правонарушений могут быть: физические лица; индивидуальные предприниматели; юридические лица; должностные лица государственных органов и бюджетных организаций; государственные учреждения, выступающие в качестве получателей и распорядителей бюджетных средств; налоговые агенты; участники валютных, банковских и кассовых операций. В отличие от гражданско-правовых отношений, где субъект определён главным образом через правоспособность и дееспособность, в финансовом праве субъект определяется через наличие публичных финансовых обязанностей, установленных законом. При этом для отдельных категорий субъектов (например, руководителей бюджетных учреждений, бухгалтеров,

налоговых агентов) законодательством установлены специальные требования и расширенные основания ответственности.

Субъективная сторона финансово-правового правонарушения характеризует отношение субъекта к совершённомu противоправномu деянию и его последствиям. В отношении физических лиц она выражается в психическом отношении к содеянномu деянию. Финансовое законодательство Республики Таджикистан, следуя общим принципам административного и налогового права, допускает как умышленную, так и неосторожную форму вины. Умысел проявляется в сознательном уклонении от финансовых обязанностей (например, утаивание доходов, намеренное искажение отчётности), тогда как неосторожность выражается в ненадлежащем исполнении обязанностей вследствие недобросовестности или халатности. Для юридических лиц вина определяется через действия работников и органов управления, что соответствует принципу «вина юридического лица формируется через вину его органов или представителей». Такая конструкция закреплена в практике применения КоАП РТ и следует из публично-правовой природы финансовых правоотношений.

Таким образом, состав финансово-правового правонарушения представляет собой целостную систему признаков, позволяющих отграничить финансовые деликты от иных видов правонарушений, установить основания юридической ответственности и обеспечить защиту публичных финансовых интересов государства. Комплексное понимание состава финансового правонарушения имеет существенное значение для совершенствования финансового контроля, повышения эффективности исполнения публичных финансовых обязательств и обеспечения финансовой безопасности.

Из всего вышеизложенного вытекает необходимость классификации финансово-правовых правонарушений, отражающих структуру публичных финансов и механизм их правовой защиты.

А.А. Яковлев классифицирует финансовые правонарушения «по признаку видового объекта: 1) бюджетные правонарушения; 2) правонарушения, установленные в сфере банковской деятельности, денежного обращения и расчетов, валютного регулирования; 3) налоговые правонарушения» [222, с. 77]. С.А. Полякова, «классифицируя финансовые правонарушения, разделяет их по отраслевой принадлежности» (финансовые правонарушения, административные правонарушения, финансовые преступления); по сфере совершения (правонарушения в сфере налогов, правонарушения в бюджетной сфере, правонарушениями в банковской сфере); исходя из конструкции правовой нормы - на простые и сложные[204, с. 121].

Мы в свою очередь предлагаем следующую классификацию финансовых правонарушений:

1. По сфере финансовой деятельности (отраслевой критерий) законодательство Республики Таджикистан позволяет выделить следующие ключевые виды финансово-правовых правонарушений:

1) налоговые правонарушения (глава 157 Налогового кодекса РТ) — налоговым правонарушением признается противоправное деяние (действие или бездействие) налогоплательщиков, налоговых агентов и их должностных лиц, а также должностных лиц уполномоченных органов, которые привели к неисполнению или ненадлежащему исполнению требований настоящего Кодекса и иных нормативных правовых актов Республики Таджикистан, контроль которых возложен на налоговые органы;

2) бюджетные правонарушения — нецелевое использование бюджетных средств, нарушение бюджетной дисциплины, искажение бюджетной отчетности, несоблюдение порядка кассового исполнения бюджета;

3) валютные правонарушения (Закон «О валютном регулировании и валютном контроле») — проведение незаконных валютных операций,

нарушение порядка репатриации валютной выручки, скрытый обмен валюты;

4) публично-банковские правонарушения (нормативные акты НБТ) — нарушение требований банковского регулирования, правил расчётно-кассовых операций, платежной дисциплины, несоблюдение стандартов финансовой отчётности;

5) страховые правонарушения (Закон «О страховой деятельности») — нарушение порядка уплаты страховых взносов в государственные фонды, нецелевое использование средств обязательного страхования, искажение отчётности страховщиками;

6) таможенные правонарушения финансового характера (Таможенный кодекс РТ) — неуплата таможенных платежей, занижение таможенной стоимости, неправомерное получение таможенных льгот. Данная классификация отражает комплексный характер финансовой системы и её нормативное закрепление.

2. По форме противоправного деяния финансовое законодательство Таджикистана предусматривает:

1) правонарушения-действия — незаконные валютные операции, фальсификация финансовой отчётности, сокрытие доходов, занижение налогооблагаемой базы, использование бюджетных средств не по целевому назначению;

2) правонарушения-бездействия — непредставление отчётности, несвоевременная уплата налогов, непринятие мер по возврату бюджетных кредитов, нарушение сроков перечисления обязательных платежей.

3. По характеру конструкции (структуре) состава правонарушения в законодательстве можно выделить:

1) формальные составы, где достаточно самого факта нарушения (например, нарушение сроков предоставления таможенной декларации: ст. 588 КоАП РТ);

2) материальные составы, требующие установления реального ущерба финансовым интересам государства (например, нецелевое использование бюджетных средств).

4. По степени общественной опасности и виду ответственности выделяются:

1) административные финансовые правонарушения (КоАП РТ: нарушение валютного законодательства, требований финансовой отчётности, кассового учёта, правил налогового администрирования);

2) налоговые правонарушения с административными санкциями (Налоговый кодекс РТ);

3) финансовые нарушения, влекущие гражданско-правовую ответственность (возмещение ущерба бюджету, взыскание пени);

4) правонарушения, содержащие признаки преступления (УК РТ: крупные уклонения от налогов, мошенничество с бюджетными средствами, отмывание доходов).

5. По субъектному составу.

Финансово-правовые правонарушения могут быть совершены:

1) физическими лицами — нарушение валютных правил, непредоставление налоговых данных;

2) индивидуальными предпринимателями — нарушение расчётной дисциплины, неполная уплата налогов;

3) юридическими лицами — нарушение правил бухгалтерского учёта, банковских нормативов, законодательства о закупках;

4) должностными лицами бюджетных и налоговых органов — нецелевое использование средств, злоупотребление финансовыми полномочиями;

5) специальными субъектами (налоговые агенты: бухгалтеры, распорядители бюджетных средств, резиденты, уполномоченные банковские сотрудники).

6. По сфере финансового контроля выделяют правонарушения:

1) предупредительного контроля — нарушение правил составления бюджетных заявок, смет, финансовых планов;

2) текущего контроля — нарушения в процессе кассового исполнения бюджета, платежных операций, валютных переводов;

3) последующего контроля — искажение отчётности, выявление ущерба, выявление нецелевого использования средств.

Таким образом, финансово-правовые правонарушения в законодательстве Республики Таджикистан представляют собой сложную многокомпонентную систему публичных деликтов, классификация которых строится на отраслевом, функциональном и юридическом критериях. Применение многоуровневой классификации позволяет обеспечить системность финансового контроля, единообразие правоприменительной практики и действенность механизмов защиты финансовой безопасности государства.

Экологические правонарушения. Экологическое правонарушение представляет собой противоправное и виновное деяние — действие или бездействие, посягающее на установленные экологическим законодательством нормы охраны окружающей среды, рационального использования природных ресурсов и обеспечения экологической безопасности, влекущее наступление юридической ответственности. Данное определение опирается на положения:

- Конституции Республики Таджикистан (принята 6 ноября 1994 года), ст. 38.

- Закона РТ «Об охране окружающей среды» (21 июля 2011 г., №208).

- Кодекса об административных правонарушениях РТ (31 декабря 2008 г., №455).

- Уголовного кодекса РТ (21 мая 1998 г., №574).

Экологическое правонарушение является самостоятельным видом правонарушений в системе национального права, обладая предметной и функциональной спецификой.

По определению М.А. Кодирзода, «экологическое правонарушение представляет собой негативное общественное явление, выражающееся в нарушении норм законодательства об охране окружающей среды»[62, с. 81]. По мнению Л. Ермакова, «экологическое правонарушение – это виновное противоправное действие или бездействие, посягающее на установленный в государстве экологический правопорядок и причиняющее вред окружающей природной среде либо реально создающее угрозу такого причинения» [133, с. 8]. По мнению В.Г. Абрамова, экологические правонарушения следует рассматривать, используя интегрированный и дифференцированный подходы к изучению его сущности. При этом интегрированность означает исследование экологического правонарушения в диалектическом единстве различных форм его внешнего выражения. А дифференцированность предполагает освещение отдельных его частей [180, с. 119].

Так, экологическое правонарушение может рассматриваться как виновное деяние — действие или бездействие, нарушающее нормы экологического права и причиняющее или создающее угрозу причинения вреда окружающей среде. В правовой теории такой состав правонарушения анализируется с опорой на традиционные элементы: объект, субъект, объективную и субъективную стороны. Вместе с тем экологические правонарушения обладают специфическими особенностями: объектом охраны выступает природа как общественное благо, а причиняемый вред может быть как реальным, так и потенциальным, что обуславливает необходимость превентивных мер (экологическая экспертиза, аудит) и применения специальных механизмов юридической ответственности.

Объектом экологического правонарушения в законодательстве Республики Таджикистан является окружающая природная среда: земельные ресурсы, водные объекты, атмосферный воздух, флора и фауна и др., то есть те компоненты природы, которые охраняются

законом. Это следует из Закона РТ «Об охране окружающей среды», где определены принципы рационального использования природных ресурсов и сохранения экологической безопасности.[14] Особое значение имеют особо охраняемые природные территории (ООПТ), регулируемые отдельным законом, что подчёркивает необходимость защиты определённых природных благ.

Субъектами экологических правонарушений являются физические и юридические лица, чья деятельность воздействует на окружающую среду. Это могут быть промышленные компании, хозяйственные субъекты, органы власти или должностные лица. Согласно Кодексу РТ об административных правонарушениях, и физические лица и организации несут ответственность за экологические нарушения. Кроме того, законодательство предусматривает контроль от государственных органов над деятельностью субъектов, что важно для выявления и пресечения экологически опасных действий.

Объективная сторона экологического правонарушения - это внешнее поведение субъекта, нарушающее экологические нормы, и возникающие вследствие этого последствия:

- противоправное деяние: нарушение экологических требований, предусмотренных законодательно: например, начало строительства без заключения государственной экологической экспертизы. Закон РТ «Об охране окружающей среды» (ст. 38) строго требует заключения экологической экспертизы перед проектированием и строительством;

- последствия: вред природе, загрязнение земель, вод, воздуха, уничтожение растительного или животного мира. Примерами являются загрязнение отходами или несанкционированное размещение токсичных веществ. Административный кодекс прямо предусматривает санкции за загрязнение окружающей среды и причинение вреда здоровью, животному миру и народному хозяйству;

- причинно-следственная связь: должна быть установлена связь между деянием субъекта и экологическим вредом. В законодательстве

предусмотрены механизмы экологической экспертизы и учёта природных ресурсов, что помогает оценить эту связь.

Субъективная сторона — это внутренняя установка субъекта правонарушения: вина, мотивы, цель. В законодательстве нет жёсткого разграничения каждой экологической статьи по форме вины (умысел/неосторожность), однако предполагается, что субъекты, особенно при проектной деятельности, должны осознавать экологические риски (через экспертизу, аудит). Закон РТ «Об экологическом аудите» от 26 декабря 2011 года, №785, прямо направлен на предупреждение вредного воздействия управленческой или хозяйственной деятельности на природу.[15] Мотивы (например, экономическая выгода) могут быть скрыты, но они не всегда являются объектом квалификации экологического правонарушения, особенно на административном уровне.

Экологические правонарушения могут быть классифицированы по различным признакам. Проведём разграничение на основе законодательства Республики Таджикистан.

1. По характеру вреда:

- загрязнение окружающей среды (атмосферы, воды, почвы) — статья 241 КоАП РТ предусматривает ответственность за загрязнение и причинение вреда здоровью, животному миру и экономике;

- нарушение обращения с отходами: например, транспортировка, размещение, обезвреживание токсичных отходов ведут к штрафам;

- нарушение при обращении с радиоактивными материалами — статья 240 КоАП РТ.

- уничтожение или повреждение лесов, зеленых насаждений: статьи 192, 193 и др. КоАП РТ.

2. По юридической природе ответственности:

- административные правонарушения, регулируемые Кодексом об административных правонарушениях РТ, менее суровые меры юридической ответственности;

- превентивные правонарушения, связанные с несоблюдением процедур (экологическая экспертиза, аудит), даже если вред ещё не наступил. Закон РТ «Об экологическом аудите» обязывает субъекты проводить аудит, что позволяет предупреждать нарушения;

- уголовно-правовая ответственность применяется в случаях совершения экологических преступлений, обладающих повышенной общественной опасностью, в частности при загрязнении водных объектов, порче земли, незаконной вырубке леса в значительных размерах, а также при совершении иных деяний, повлёкших тяжёлые последствия для окружающей среды. В отдельных случаях уголовная ответственность может наступать при наличии повторности административно-наказуемого экологического правонарушения, если это прямо предусмотрено соответствующими нормами уголовного законодательства.

3. По субъекту нарушения:

- нарушения физическими лицами: например, выброс отходов, сжигание мусора;

- нарушения со стороны юридических лиц: промышленных предприятий, строительных компаний;

- нарушения должностных лиц: игнорирование предписаний экологического контроля, непроведение или фальсификация экспертизы.

Состав экологического правонарушения в законодательстве Республики Таджикистан включает классические элементы: объект (окружающая среда), субъект (физические и юридические лица), объективную сторону (деяние + вред или угроза + причинно-следственная связь) и субъективную сторону (вина). При этом специфика экологических правонарушений выражается в превентивных нормах (экспертиза, аудит), общественном характере охраняемых благ и необходимости оценки ущерба природе. Виды экологических правонарушений систематизированы по характеру вреда, юридической природе и субъектам. Несмотря на развитое законодательство,

практические трудности (контроль, аудит, компенсация вреда) остаются значительными, что требует дальнейшего совершенствования правоприменительных институтов в Таджикистане.

В свою очередь, анализ правоприменительной практики свидетельствует о высокой распространённости экологических правонарушений в Республике Таджикистан. Согласно данным Комитета по охране окружающей среды при Правительстве РТ, только за первые шесть месяцев 2025 года выявлено 9279 нарушений экологического законодательства, из которых 3796 относятся к области охраны земель, недр и обращения с отходами; 2168 — к сфере использования и охраны животного и растительного мира и рыбных запасов; 1521 — к охране водных ресурсов; 1164 — к охране атмосферного воздуха; 240 — к сфере экологической экспертизы; 390 — к нарушениям на особо охраняемых природных территориях[205].

В связи с ростом вреда, причиняемого природе, государственная политика Таджикистана направлена на ужесточение ответственности за экологические правонарушения. Изменения и дополнения в Кодекс об административных правонарушениях Республики Таджикистан существенно увеличили штрафы за загрязнение водных объектов, выброс и сжигание отходов, нарушение правил транспортировки и порчу зелёных насаждений.

Введена новая статья 249¹ в КоАП РТ, устанавливающая ответственность за порчу тутовых насаждений,[19] что соответствует государственным программам озеленения и реализации инициативы «Зелёная страна», предусматривающей посадку 65 млн деревьев до 2025 года.

Таким образом, экологические правонарушения имеют комплексную природу и оказывают существенное влияние на состояние природной среды и экологическую безопасность государства. Их предупреждение требует совершенствования правового регулирования, развития системы государственного экологического контроля,

расширения международного сотрудничества и повышения экологической культуры населения. Комплексная борьба с экологическими правонарушениями является ключевым элементом экологической стратегии Республики Таджикистан и необходимым условием обеспечения устойчивого развития и сохранения природного наследия для будущих поколений.

Основатель мира и национального единства, Лидер нации, Президент Республики Таджикистан уважаемый Эмомали Рахмон играет ключевую роль в национальной и международной экологической политике, особенно в вопросах сохранения ледников и борьбы с климатическими изменениями. Его инициативы направлены как на усиление внутреннего правового регулирования, так и на мобилизацию глобального сотрудничества. Последними инициативами Президента РТ в экологической политике являются: 1) международная инициатива по защите ледников; 2) оглашение 2025 года как Международного года сохранения ледников; 3) долгосрочная инициатива — «Десятилетие для криосферы» (2025–2034) и др.

Эти шаги также гармонично сочетаются с внутренней экологической политикой страны: ужесточением ответственности за природоохранные нарушения, усилением государственного контроля и стимулированием устойчивого природопользования.

Таким образом, государственная политика направлена на: 1) экологическое просвещение населения; 2) усиление контроля и мониторинга; 3) развитие экологической экспертизы; 4) внедрение принципов рационального природопользования; 5) стимулирование «зелёных» технологий.

Профилактика правонарушений играет ключевую роль, поскольку устранение последствий экологического вреда требует значительных финансовых и временных ресурсов.

Экологические правонарушения представляют собой сложный и социально опасный феномен, требующий усиленного внимания со

стороны государства. Учитывая природно-географические особенности Республики Таджикистан и её уязвимость к экологическим угрозам, совершенствование законодательства и механизмов его применения является стратегически важной задачей.

Правильная квалификация экологических правонарушений и их эффективное предупреждение служат основой для устойчивого развития и обеспечения экологической безопасности страны.

Информационные правонарушения. «Современный этап развития законодательства Республики Таджикистан характеризуется стремительным ростом новых форм общественных отношений, обусловленных цифровизацией, глобализацией и трансформацией коммуникационной среды. Это, в свою очередь, порождает новые виды правонарушений, не укладывающихся в рамки традиционных классификационных схем, сложившихся в уголовном, административном и гражданском праве» [130, с. 91].

Одним из наиболее значимых направлений современной юридической мысли является выделение информационных (цифровых) правонарушений как самостоятельной группы противоправных деяний. Под информационными правонарушениями понимаются виновные действия или бездействия, нарушающие установленный правовой режим информации, информационных систем, баз данных, компьютерных сетей, персональных данных и иных цифровых объектов.

А.В. Полушкин в своём исследовании отмечает, что «информационное правонарушение – это общественно опасное, противоправное, виновное деяние (действие или бездействие) деликтоспособного лица, совершенное в информационной сфере и (или) с использованием информационных средств и технологий работы с информацией, независимо от ее формы, либо в иной области человеческой деятельности в условиях информационной среды» [175, с. 11-12].

В результате в современной доктрине формируется понимание информационного правонарушения как обобщающего понятия, охватывающего как уголовно наказуемые деяния (например, хищение данных, взлом систем, кибермошенничество), так и административные проступки (распространение недостоверной информации, нарушение правил защиты персональных данных, незаконное копирование контента и т. п.).

«Информационные правонарушения можно определить как противоправные виновные деяния, посягающие на безопасность, доступность, достоверность и конфиденциальность информации, а также на общественные отношения, возникающие в сфере её сбора, хранения, обработки и распространения» [130, с. 92].

Отечественный учёный Ш. К. Гаюров «основанием юридической ответственности в информационной сфере рассматривает следующие виды правонарушений: правонарушения, связанные с посягательством на самую актуальную информацию; распространение вредоносной информации; посягательство на личное право граждан на доступ к открытой информации» [163, с. 16].

«Основными проблемами правового регулирования информационных правонарушений в Республике Таджикистан являются: 1) отсутствие системного определения понятия и признаков информационных правонарушений; 2) недостаточная правовая грамотность населения в вопросах кибербезопасности; 3) слабая межведомственная координация в сфере информационной безопасности; 4) ограниченная судебная практика по делам данной категории» [130, с. 93].

Представляется целесообразным разработать и принять Концепцию правового регулирования информационных правонарушений, которая бы установила их классификацию, признаки и меры юридической ответственности. Также необходимо усовершенствовать законодательство с учётом международных стандартов, в частности,

Конвенции Совета Европы о киберпреступности (Будапештская конвенция, 2001 г)[1], к которой мы можем присоединиться.

Важную роль играет подготовка квалифицированных кадров в области информационного права, внедрение программ правового просвещения и формирование цифровой культуры населения.

Таким образом, информационные правонарушения представляют собой новый и быстро развивающийся вид правонарушений, обусловленный цифровой трансформацией общества. Для Республики Таджикистан формирование эффективного механизма противодействия таким деяниям является стратегической задачей обеспечения национальной безопасности. «Необходимы дальнейшая кодификация, гармонизация правовых норм с международными актами. Только системный междисциплинарный подход позволит создать устойчивую правовую основу для защиты прав граждан и интересов государства в информационной сфере» [130, с. 91].

Таким образом, правонарушение в публичном праве представляет собой виновное и противоправное посягательство на нормы публичного права, за совершение которого нормативно-правовыми актами установлены меры административно-правовой, финансово-правовой либо уголовно-правовой ответственности. Все ранее выделенные признаки правонарушения в равной мере присущи и указанным видам деликтов, выступая их обязательными характеристиками.

2.3. Правонарушения в частном праве

Частное право является частью правовой системы, которая регулирует отношения между равными субъектами права, где отсутствует элемент публичной составляющей внутри складывающегося правоотношения.

Частное право (от лат. *Jus privatum*) представляет собой совокупность отраслей и институтов права, регулирующих общественные отношения, предметом которых является реализация

частных интересов при равенстве сторон данных отношений. Диспозитивность большинства норм является отличительным признаком частного права. При диспозитивности норм можно сделать заключение, что правовые последствия зависимы от самого субъекта правоотношения.

Правонарушения в сфере частного права представляют собой одну из наиболее значимых и сложных проблем современной юридической науки. Их специфика заключается в том, что они посягают на субъективные права и законные интересы частных лиц, а не на публичные интересы государства.

Цель данного исследования заключается в раскрытии сущности правонарушений в различных отраслях частного права Республики Таджикистан и международного частного права.

Правонарушение в частном праве представляет собой противоправное деяние — действие или бездействие, нарушающее субъективные гражданские права участников как имущественных, так и личных неимущественных отношений.

Оно влечёт возникновение у правонарушителя обязанности возместить причинённый вред или иным образом восстановить нарушенные права потерпевшего. Как отмечал С.С. Алексеев, «правонарушение в частном праве характеризуется не столько нарушением общеобязательных норм, сколько нарушением субъективных прав конкретного лица» [36, с. 64].

По мнению Л.С. Явича: «частноправовое правонарушение, посягая на интересы отдельного индивида, в свою очередь, причиняет вред правопорядку в целом, т.е. государство не безразлично к правонарушениям, и, соответственно, частноправовые правонарушения обретают смысл публично-правовых правонарушений» [117, с. 285]. Р. Л. Хачатуров также является ярким противником деления правонарушений на частноправовые и публично-правовые, он считает, что «любое правонарушение публично по своей сущности, т.к. его последствия носят

публичный и общесоциальный характер, а не замыкаются на интересах одной личности» [219, с. 37].

Частично мы согласны с высказанными мнениями, но следует также отметить, что в частноправовых правонарушениях имеется возможность проявления инициативы самого субъекта: привлечь другую сторону к ответственности, т.е. субъект сам решает, обратиться ли ему за защитой своих интересов или нет. Таким образом, частноправовые правонарушения – это правонарушения, которые предусматриваются нормами частного права и последствия которых могут носить не только частный, но и публичный характер.

Система частного права включает гражданское право, семейное право, трудовое право, международное частное право и банковское право. Часть исследователей также выделяет торговое право как самостоятельный элемент структуры частного права [213, с. 5]. Однако в настоящее время другая группа учёных выделяет предпринимательское право, коммерческое право или торговое право как часть публичного права. Но мы предполагаем, что предпринимательское или торговое право входит и в систему частного права и в систему публичного права, так как оно состоит из двух составляющих частей, таких как предпринимательское частное право и предпринимательское публичное право.

Однако в данном исследовании речь пойдёт о правонарушениях в частном праве. В первую очередь приступим к характеристике правонарушений в гражданском праве.

Гражданские правонарушения. В Гражданском кодексе Республики Таджикистан отсутствует законодательное определение понятия «гражданское правонарушение», что, по нашему мнению, представляет собой существенный пробел. Так, Н.Н. Вопленко отмечает, что «отсутствие нормативного закрепления понятия «гражданское правонарушение» разрывает и недооценивает внутренние межотраслевые связи правовой системы, связи координации и согласования» [126, с. 7].

Как отмечает А.Ф. Галузин, «отсутствие в законодательстве чёткого определения гражданского правонарушения создаёт определенные трудности для его теоретической характеристики и формирования его признаков» [164, с. 16].

Отсутствие законодательного закрепления вышеназванного правонарушения вынуждает нас искать ответ в теории права.

Таким образом, гражданское правонарушение – это противоправное деяние (действие или бездействие), которое нарушает нормы гражданского законодательства.

Отличительными признаками гражданских правонарушений являются: 1) противоправность совершённого деяния; 2) наличие причинённого вреда или убытка; 3) причинная связь между противоправным деянием и причинённым вредом; 4) вина.

Предоставленная участникам гражданского оборота возможность регулировать свои отношения способами, отличными от предусмотренных гражданским законодательством (например, включать в договор условия, прямо не предусмотренные законом), обуславливает специфику противоправного характера гражданского правонарушения. И наличие обычаев делового оборота, применяемого в определенной сфере, не предусмотренное законом, которое указано в ст. 5 ГК РТ. То есть, под противоправностью в гражданском правонарушении понимается поведение лица, нарушающее нормы законодательства и умаляющее права и законные интересы другого лица, независимо от того, имеет ли данное лицо представление о противоправности или непротивоправности своего деяния.

Вторым отличительным признаком гражданского правонарушения является причиненный вред. Вред может быть как имущественным (материальные блага), так и неимущественным (физический или моральный). При этом между противоправным деянием и возникшим убытком (вредом) должна существовать причинная связь, которая может быть прямой или косвенной. И последний признак: одним из

обязательных признаков гражданского правонарушения является виновность. С.С. Алексеев[182], Р.Л. Хачатуров[220, с. 17], В.П. Грибанов[52], Е.В. Бестужева [162, с. 153-155] придерживаются позиции, что виновность совершенного противоправного деяния является обязательным элементом при характеристике гражданского правонарушения. Однако интересную точку зрения высказывает М.С. Строгович, он считает, что существует также безвиновное правонарушение: «действие, противоречащее закону, оно есть незаконное противоправное действие или бездействие, т.е. правонарушение, таким образом, должно быть пресечено (устранено), чтобы оно не повторялось или не совершалось, хотя умысла или неосторожности в совершении его не было»[102, с. 101].

По нашему мнению, хотя вопрос ответственности за невиновно причинённый вред также требует правового урегулирования, признак вины является обязательным для определения гражданского правонарушения.

Таким образом, учитывая отсутствие законодательного закрепления понятия «гражданское правонарушение», мы предлагаем рассматривать его как виновное и противоправное деяние — действие или бездействие, нарушающее имущественные или личные нематериальные права граждан и организаций, причиняющее материальный или нематериальный вред и влекущее гражданско-правовую ответственность.

Гражданские правонарушения представляют собой фундаментальную категорию частного права. Их классификация, анализ и меры ответственности позволяют защитить права субъектов гражданских отношений и обеспечивают экономическую и социальную стабильность. Современные реалии требуют более детального исследования деликтов, особенно в сфере интеллектуальной собственности и инновационных отношений, что делает изучение гражданских правонарушений крайне актуальным.

Правонарушения в семейном праве. Понятие семейного правонарушения также отсутствует в Семейном кодексе Республики Таджикистан. Однако в теории права существуют достаточно определений данного термина.

Д.А. Липинский считает, что отсутствует такое понятие, как «семейное правонарушение», а за нарушение семейного законодательства следует административная или же уголовная ответственность [197, с. 22-24]. По мнению С.П. Гришаева семейно-правовой ответственности в чистом виде не существует, а за семейное нарушение наступает мера гражданского, уголовного или семейного права[53, с.72]. Е.В. Бестужева даёт ясное определение: «Семейное правонарушение – это виновное противоправное деяние, которое нарушает нормы семейное законодательства, в отдельных случаях которого наступает и уголовная ответственность»[162, с. 158]. В этих определениях не учитывается множество немаловажных факторов: во – первых, обладание самостоятельным видом юридической ответственности, так как семейное право является самостоятельной отраслью права; во – вторых, Семейным кодексом предусматриваются меры ответственности в семейных правоотношениях; в - третьих, хотя семейное правонарушение во многих случаях влечёт за собой применение норм гражданского, административного или уголовного права, но это условие не отменяет применения мер семейно-правовой ответственности; в - четвёртых, на что нам следует обратить особое внимание: недостаточность научных исследований по проблемам семейных правонарушений даёт почву для осложнения при применении семейно-правовых норм, что в свою очередь непременно влечет за собой различные подходы в правоприменении, но всё это не может быть причиной отрицания семейно-правовой ответственности.

Семейное правонарушение является основанием для семейно-правовой ответственности. Так, например, в соответствии со ст. 69 СК РТ, основаниями для лишения родительских прав являются

противоправные действия (бездействие) родителей по отношению к своему ребёнку.

Таким образом, можно сделать вывод, что семейное правонарушение – это противоправное виновное деяние (действие или бездействие) нарушающее нормы семейного законодательства либо нарушающее интересы отдельных участников семейных правоотношений (в частности и ребёнка).

Л.М. Пчелинцева подчёркивает, что семейные правонарушения тесно связаны с личностными правами участников, что делает их правовую защиту сложной [88, с. 142]. Савиных отмечал, что семейное право является фундаментом защиты личности в частном праве. [103, с. 67]. В современных исследованиях выделяется важность сочетания гражданско-правовых, административных и уголовных мер при защите семейных прав [90, с. 110].

На основании анализа теории и практики предлагается следующее определение: семейное правонарушение – это виновное противоправное деяние в сфере брачно-семейных отношений, нарушающее субъективные права и обязанности членов семьи и влекущее применение гражданско-правовых, административных или уголовных мер ответственности.

В Республике Таджикистан, согласно данным Комитета по делам женщин и семьи Республики Таджикистан, в 2024 году поступило 3200 жалоб и обращений, связанных с домашним насилием, при этом проблема большого количества разводов в республике также остаётся актуальной. Также увеличивается количество уголовных преступлений в отношении несовершеннолетних детей, совершенных родителями. Ещё одной тревожной тенденцией является увеличение числа суицидов и попыток самоубийства. [223]. В Республике Таджикистан правонарушения, связанные с семейными обстоятельствами, являются весьма актуальными, что требует тщательной работы по предотвращению данных правонарушений.

Семейные правонарушения являются ключевым элементом частного права, влияющим на социальную стабильность и благополучие граждан. Их классификация, исследование и правовое регулирование позволяют эффективно защищать права членов семьи, обеспечивать восстановление нарушенных прав и предотвращать социальные конфликты. Современная практика требует комплексного подхода к ответственности за семейные правонарушения, включающего гражданско-правовые, административные и уголовные меры.

Правонарушения в трудовом праве. Трудовой кодекс Республики Таджикистан не содержит понятия «трудовое правонарушение», однако нарушение трудовой дисциплины в нём рассматривается как несоблюдение работником требований трудового законодательства, других нормативно-правовых актов РТ о труде и правил внутреннего распорядка организации. [28].

Г. М. Хаутов определяет трудовое правонарушение как виновное невыполнение или «ненадлежащее выполнение обязанным субъектом своих трудовых обязанностей в сфере труда и распределения, а следовательно, нарушение прав другого субъекта данного правоотношения»[110, с. 85]. По мнению Т.Н. Радько, «трудовое правонарушение – это виновное противоправное деяние субъекта трудового правоотношения, которое состоит в неисполнении или нарушении трудовых обязанностей, которые запрещены санкциями трудового законодательства» [93, с. 10].

Согласно постановлению Пленума Верховного Суда Республики Таджикистан под №1 от 12 ноября 2021 года «О применении судами норм законодательства Республики Таджикистан о труде при рассмотрении индивидуальных трудовых споров», непосредственно в суде рассматриваются и разрешаются такие споры: 1) отказ работодателя в приёме на работу (часть 2 статьи 23 ТК РТ); 2) незаконное увольнение и перевод работника на другую работу (ст. 54 ТК РТ); 3) оплата времени вынужденного прогула, дополнительных

расходов, связанных с обжалованием незаконного перевода на другую работу или увольнения, компенсация морального ущерба (ст. 55 ТК РФ); 4) возмещение ущерба причиненного работодателю (ст. 194-195 ТК РФ); 5) о недействительности трудового договора (ст. 56 ТК РФ) и т.д.

Наличие в трудовом законодательстве только понятия «нарушение трудовой дисциплины» является недостаточным. Ведь трудовое правонарушение влечёт за собой не только дисциплинарную ответственность, но и гражданскую, административную или уголовную ответственность. Дисциплинарный проступок и трудовое правонарушение не являются тождественными понятиями. Нарушение военной дисциплины или нарушение учебной дисциплины тоже являются дисциплинарными проступками, но при этом они не имеют отношения к трудовой дисциплине (конечно, здесь главную роль играет субъект правонарушения).

Таким образом, трудовое правонарушение представляет собой противоправное и виновное деяние — действие или бездействие, нарушающее нормы трудового законодательства и влекущее наступление дисциплинарной, гражданской, административной либо уголовной ответственности.

Банковское правонарушение. В отечественной и зарубежной правовой доктрине неоднократно подчёркивалось, что банковская деятельность обладает смешанной природой, совмещающей в себе частноправовые и публично-правовые начала. Одним из наиболее авторитетных исследователей, обосновавших комплексный характер банковского права, является В. Ф. Попондопуло, который классифицирует банковское право как «институт, включающий нормы частного и публичного права, находящиеся в постоянном взаимодействии»[207, с. 230]. На основании этой позиции представляется логичным утверждение, что и банковские правонарушения по своей природе являются двойственными, то есть возникают как в сфере частноправовых отношений, так и в сфере публичного правопорядка.

Частноправовой характер банковских правонарушений.

Частноправовая составляющая банковских правонарушений проявляется прежде всего в их договорной основе. Взаимоотношения банка и клиента в Республике Таджикистан регулируются нормами Гражданского кодекса Республики Таджикистан (ГК РТ) и строятся на принципах юридического равенства сторон, имущественной самостоятельности и автономии воли, при этом указанные принципы реализуются с учётом специального публично-правового регулирования банковской деятельности.

Так, согласно ст. 916 и ст. 929 ГК РТ, договор банковского вклада и договор банковского счёта определяют конкретные обязанности финансового учреждения по хранению, перечислению и выдаче денежных средств. Нарушение этих обязанностей (необоснованные задержки платежей, незаконное списание средств, нарушение срока выдачи вклада и т. д.) образует частноправовое банковское правонарушение, поскольку:

1. затрагивает имущественные интересы частного лица;
2. возникает в условиях юридического равенства сторон;
3. приводит к применению мер гражданско-правовой ответственности — взысканию убытков, неустойки, процентов.

Подобный подход полностью согласуется с выводами В. Ф. Попондопуло, который подчёркивает, что частноправовая составляющая банковского регулирования является фундаментом кредитных отношений и «проявляется в обязательственно-правовой природе деятельности банков»[207, с. 230].

Публично-правовой характер банковских правонарушений.

Вместе с тем банковская деятельность в Таджикистане относится к числу сфер, находящихся под особым государственным надзором. Закон Республики Таджикистан «О банках и банковской деятельности» от 19 мая 2009 г. за №524 устанавливает обязательные экономические

нормативы, правила отчётности, требования к ликвидности и платёжеспособности.

Нарушение данных требований образует публичные банковские правонарушения, поскольку:

1. посягает на финансовую стабильность государства;
2. затрагивает интересы неопределённого круга лиц – вкладчиков, заёмщиков, общества в целом;
3. влечёт административную и санкционную ответственность, выражаемую в форме штрафов, предписаний, ограничений операций, отзывов лицензий (Закон РТ «О Национальном банке Таджикистана» от 28 июня 2011 года, №722).[16]

Попондопуло В.Ф. отмечает, что «публично-правовые нормы банковского права обусловлены необходимостью обеспечения устойчивости денежной системы и защиты интересов государства и общества»[207, с. 218]. Следовательно, нарушение таких норм неизбежно приобретает публичный характер.

Обоснование комплексной природы банковских правонарушений.

Исходя из анализа законодательства и научных источников, банковские правонарушения нельзя отнести исключительно к частному или исключительно к публичному праву. Их двойственная сущность обусловлена: 1) пересечением частных интересов клиентов и публичных интересов государства; 2) спецификой банков как коммерческих организаций, выполняющих социально значимые функции; 3) тем, что один и тот же факт нарушения может быть одновременно частноправовым и публичным — например, нарушение правил расчётных операций является и нарушением договора с клиентом, и нарушением инструкций Национального банка.

Такой комплексный подход также определённо поддерживается В. Ф. Попондопуло, который указывает, что система банковского права «органически соединяет частноправовые и публично-правовые начала,

что отражает сложность и многоуровневость банковской деятельности»[207, с. 230].

В этой связи представляется обоснованным утверждение, что банковские правонарушения представляют собой комплексные деликты, преимущественно затрагивающие частноправовые интересы участников банковских отношений при одновременном вовлечении публично-правовых интересов государства, связанных с обеспечением стабильности банковской системы и финансового надзора, что требует системного применения норм гражданского, административного и финансового права. Преимущественный характер частноправовых интересов обусловлен тем, что банковские правонарушения возникают, прежде всего, из гражданско-правовых договорных отношений между банком и клиентом, основанных на принципах юридического равенства и автономии воли.

Международное частное право содержит в составе регулирования имущественные и неимущественные отношения гражданско-правового характера, семейно-правовые отношения, трудовые правоотношения, а также гражданско-процессуальные отношения, содержащие в себе иностранный элемент (т.е. отношения, осложненные иностранным элементом). В условиях глобализации, когда стали нормой трансграничные сделки, миграция населения, международные браки и трудовые отношения, актуальность проблемы правонарушений в МЧП возрастает.

Правонарушения в данной сфере носят особый характер, так как всегда связаны с коллизионными вопросами, выбором применимого права и возможным конфликтом юрисдикций. Как отмечает Л.А. Лунц, «правонарушения в международном праве проявляются там, где возникает необходимость согласовать два или более правопорядка в одном конкретном правоотношении»[67, 54]. Несмотря на наличие обширной литературы, посвященной коллизионным нормам, теоретическая разработка именно правонарушений в МЧП остаётся

недостаточной. Так, Ш. М. Менглиев указывает, что предмет МЧП охватывает имущественные и личные неимущественные отношения с иностранным элементом, включая процессуальные аспекты, а отсутствие унифицированного подхода к правонарушениям делает эту сферу уязвимой. [69, с. 64-66]

Основными проблемами правонарушения в международном частном праве являются: 1) коллизионные трудности – главная проблема заключается в выборе применимого права. Жёсткие коллизионные нормы создают ситуацию формализма, когда игнорируется реальная связь дела с определенным правовым порядком. В то же время диспозитивные коллизионные нормы создают риск правовой неопределенности; 2) семейные и трудовые деликты – сложности возникают в делах о международных браках, алиментах, усыновлении и трудовых спорах мигрантов. Например, вопрос о месте рассмотрения дела и о признании решения судов по делам о незаконном перемещении детей до сих пор остается спорным; 3) банковские и финансовые правонарушения – в условиях трансграничных переводов, криптовалют и цифровых активов классические коллизионные нормы оказываются недостаточными. Отсутствие международной унификации создаёт почву для правонарушений.

По мнению немецкого юриста Ф.К. фон Савиньи, «международное частное право является системой норм, которые позволяют определить компетенцию суда и применимое право в случае наличия иностранного элемента» [103, с. 45].

Признаками правонарушения в международном частном праве являются: 1) иностранный элемент (участник, объект или юридический факт); 2) коллизионный характер (вопрос о том, право какого государства применимо); 3) имущественные и неимущественные последствия (ущерб, моральный вред, нарушение интеллектуальных прав).

Французский правовед Рене Давид писал: «Международное частное право представляет собой мост между различными правовыми системами, и именно здесь наиболее остро встаёт вопрос о правонарушении»[90, с. 132].

Основными правовыми последствиями в международном частном праве являются: возмещение ущерба в трансграничных отношениях, признание и исполнение иностранных судебных и арбитражных решений (Нью-Йоркская конвенция 1958 г.),[6] применение норм международных договоров и коллизионных норм национального законодательства.

Для решения вышеизложенных проблем в МЧП, Л.А. Лунц подчеркивает необходимость гармонизации национальных коллизионных норм с международными конвенциями [67, с. 59]. М.М. Богуславский указывает, что признание и исполнение иностранных судебных решений должно быть упрощено для эффективной борьбы с трансграничными правонарушениями.[41, с. 280] Ш. М. Менглиев обращает внимание на то, что международное частное право в Таджикистане должно учитывать процессуальные права иностранцев и юридических лиц наравне с гражданами страны, что требует правовых гарантий.[69, с. 74]

Таким образом, правонарушение в международном частном праве характеризуется двойной природой: регулируется как национальными законами, так и международными соглашениями.

Учитывая выявленные проблемы, можно сделать вывод, что правонарушение в международном частном праве представляет собой противоправное деяние, совершенное физическим или юридическим лицом, осложненное иностранным элементом, нарушающее нормы национального и международного права, вызывающее коллизию правопорядков и требующее трансграничных механизмов ответственности и защиты прав. К числу наиболее показательных примеров международных частноправовых правонарушений можно отнести:

1. Семейно-правовые конфликты. Так, в случае расторжения брака между супругами-гражданами разных государств возникает проблема юрисдикции и выбора применимого права при определении судьбы детей. По мнению Ш. М. Менглиева, проблема защиты прав ребенка в трансграничных браках в условиях отсутствия унифицированных международных норм является одной из наиболее острых.[69, с. 674]

2. Нарушение международных контрактов. При неисполнении договорных обязательств сторонами из разных стран встаёт вопрос о применимом праве. Например, спор между таджикской и турецкой компаниями может рассматриваться как по нормам национального законодательства, так и в соответствии с Венской конвенцией о договорах международной купли-продажи товаров.[2]. Таким образом, договорные правонарушения в МЧП подчиняются как национальному, так и международному регулированию.

3. Трудовые правонарушения с иностранным элементом. Нарушение прав трудящихся-мигрантов (например, задержка заработной платы) создаёт коллизию между национальными нормами государства пребывания и международными договорами о защите трудовых прав. Как справедливо отмечает М.М. Богуславский, «международное частное право в сфере трудовых отношений становится гарантом минимальных стандартов защиты».[41, с. 267]

4. Банковские правонарушения. Примером служат незаконные списания средств со счётов в зарубежных банках или отказ в переводе средств. Такие правонарушения обостряют проблему признания и исполнения решений национальных судов за рубежом. Это требует создания специальных трансграничных механизмов защиты прав клиентов, включая международный арбитраж и соглашения о правовой помощи.

На основе вышесказанного можно сделать вывод, что правонарушения в международном частном праве отличаются особой сложностью и многоуровневостью. Их регулирование сталкивается с

проблемами выбора применимого права, трудностями применения иностранного законодательства, признания и исполнения иностранных судебных решений.

Для решения этих проблем необходимо:

- развитие унификации и гармонизации права;
- укрепление международных договоров;
- внедрение механизмов правовой помощи между государствами;
- совершенствование национального законодательства

Таджикистана с учётом международных стандартов.

Особое значение в данном процессе приобретает деятельность международных институциональных механизмов (международных организаций), направленная на разработку единообразных правовых подходов к регулированию трансграничных частноправовых отношений, включая формирование модельных правил, рекомендаций и международных правовых стандартов, способствующих снижению коллизионных проблем и повышению эффективности правового сотрудничества.

2.4. Правонарушения в международном праве

Как отмечает В.А. Василенко, «существование внутригосударственных и межгосударственных общественных отношений было бы невозможно, если бы субъекты этих отношений не несли ответственность за свое поведение. Обеспечение упорядоченности отношений, которые складываются в процессе совместной деятельности, достигается за счет ответственности, которая присуща субъектам любой социальной общности».[48, с. 20]. «Гарантией соблюдения международного правопорядка выступают непосредственно нормы и принципы международного права, ключевым из которых является принцип *pacta sunt servanda* — „договоры должны соблюдаться“»[64, с. 5], — отмечает Ю.М. Колосов. «Поскольку в международной системе нет

власти, стоящей над суверенными государствами, нормы международного права создаются самими субъектами этой системы права, прежде всего государствами, путем соглашения, сущностью которого является согласование воли государств или других субъектов международного права», - писал Г.И. Тункин [106, с. 27].

Согласно мнению, сложившемуся у учёных-юристов, в теории права «под международным правонарушением понимают всякий вред, причиненный другому государству главой какого-либо государства путем нарушения международной юридической обязанности»[74, с. 167]. По мнению П. М. Куриса, «международные правонарушения — это противоправные действия, наносящие ущерб отдельному государству или ограниченному кругу субъектов международного права»[61, с. 19].

Международное правонарушение традиционно определяется как противоправное деяние субъекта международного права, нарушающее международно-правовые обязательства. Ведущие авторы в доктрине международного права (И. Браунли, Б. Тузмухамедов, А. Бекяшев, Ю. Шуршалова и др.) отмечают, что ключевыми чертами такого деяния являются: общественно-правовой характер (нарушается общественный порядок международных отношений), виновность субъекта (или его ответственность за допущенное деяние) и наличие юридических последствий. С формальной точки зрения, Комиссия ООН по международному праву (проект «Статей о международно-правовой ответственности государств») определяет «международно-противоправное деяние» как действие или бездействие, приписываемое государству и нарушающее его международно-правовые обязательства.

Важно подчеркнуть, что международное правонарушение отграничивается от внутренних преступлений тем, что его объектом являются общественные отношения, охраняемые международными нормами, а субъектом — главное — государство. Устав ООН и статуты международных трибуналов закрепляют ряд таких обязательств (например, ст. 2(4) Устава ООН запрещает применение силы, а

Конвенция о предупреждении и наказании геноцида констатирует, что геноцид «является преступлением, нарушающим нормы международного права»).[5]

Практика квалификации международных правонарушений находит отражение не только в решениях Международного Суда ООН, но и в устойчивой международной практике, связанной с обеспечением соблюдения обязательств государств в сфере международного права. Так, например, в контексте обеспечения свободы судоходства в районе Ормузского пролива в международно-правовой доктрине анализируются случаи ограничения морского сообщения и вмешательства в деятельность торговых судов, что рассматривается как потенциальное нарушение принципа свободы открытого моря и норм международного морского права. В свою очередь, в деле «Никарагуа против США» (1989 г.) Международный Суд ООН установил нарушение принципа невмешательства и запрета применения силы, включая косвенные формы вмешательства во внутренние дела другого государства, что имеет принципиальное значение для квалификации международного правонарушения как основания международной ответственности.

Элементный состав международного правонарушения. По современным представлениям, для квалификации международного правонарушения необходимо установить следующий состав: во-первых, противоправность – то есть наличие факта нарушения международно-правовой нормы (например, нарушение норм Устава ООН, договорного или обычного права); во-вторых, приписываемость деяния субъекту международного права (обычно государству) – то есть установление того, что совершенное деяние находится в сфере его ответственности (на основе норм международного права о государственном деянии и органах власти); в-третьих, наличие ущерба или иного вредного следствия (в иске о возмещении ущерба требуется доказательство причинной связи с противоправным деянием); наконец, вина субъекта, хотя в современной доктрине международного права ответственность государства за

большинство международных правонарушений считается объективной (то есть не зависящей от умысла или неосторожности), некоторые авторы подчёркивают, что форма вины может учитываться при определении вида ответственности (например, различают умышленное и неосторожное нарушение международного обязательства). В повестке проекта КМП ООН «Статьи о международно-правовой ответственности государств» сформулированы лишь два основных условия – противоправность и приписываемость деяния, тогда как вопрос о вине (или иной форме вины) фактически остаётся вне рамок международной ответственности государства как таковой. Тем не менее, для целостности понимания состава международного правонарушения часто приводят аналогию с уголовным составом: причём современные исследования указывают на развитие концепции «нулевой вины» для государств, а также на то, что вина или бездействие могут рассматриваться как смягчающий или отягчающий фактор в применении санкций, но не являются обязательным элементом состава.

Объект международного правонарушения. Особое значение в классификации международных правонарушений имеет объект посягательства, т.е. те общественные интересы (блага), которым нанесён ущерб. В юридической доктрине выделяется двойственная природа объекта: с одной стороны, это общие блага мирового сообщества (мир, международная безопасность, окружающая среда, права человека), с другой – специальные блага отдельных государств и их граждан (территориальная целостность, государственный суверенитет, права и свободы граждан) [202, с. 40].

По мнению Г.А. Ожеговой «международные правонарушения по объекту, при этом разделяет их на: а) правонарушения, затрагивающие национальный правопорядок; б) правонарушения, посягающие на интересы всего мирового сообщества или интересы нескольких государств, т.е. международные отношения и международный правопорядок» [202, с. 41].

Объекты могут классифицироваться по характеристике на материальные (территория государства, природные ресурсы, инфраструктура и др.), нематериальные (правовой статус человека, государственный суверенитет, конституционные ценности), а также поведенческие (правильное функционирование международных отношений, например, свобода судоходства, соблюдение дипломатических режимов). Именно специфика объекта определяет квалификацию деяния: например, агрессия посягает на особое «благо» – мир и безопасность, а нарушение торгового или морского договора затрагивает в основном имущественные и статусные интересы участников. Кроме того, объект играет роль при выборе формы ответственности: посягательство на особо охраняемые общие блага (геноцид, военные преступления) требует квалификации как международного преступления с возможностью уголовной ответственности (и даже международного преследования), тогда как ущерб материально-правовым интересам других государств обычно влечёт дипломатические, политические или материальные последствия (ответственность-деликт).

Согласно позиции Л.Х. Мингазова, «в международном праве отсутствует конкретный перечень правонарушений, так же как «не существует общепризнанных, чётко установленных мер ответственности в зависимости от характера конкретных нарушений международно-правовых норм»[171, с. 267].

В частности, П.Н. Бирюков «выделяет три категории международных правонарушений: международные преступления, преступления международного характера и международные деликты».[45, с. 94-95]

По мнению В.А. Василенко, «международные правонарушения разделяются на: ординарные международные правонарушения, опасные международные правонарушения, международные преступления».[48, с. 178]

В теории международного права традиционно проводится различие между особо тяжкими нарушениями — международными преступлениями — и иными нарушениями международных обязательств — международными деликтами.

К международным преступлениям относят деяния, нарушающие императивные нормы (*ius cogens*) и принципы, признанные сущностью международного сообщества: прежде всего агрессия, геноцид, преступления против человечности и военные преступления (тяжкие правонарушения против мира и безопасности). Их характерными признаками являются чрезвычайная тяжесть посягательства, системный характер и часто — уголовно-правовая фиксация на национальном уровне. Так, например, в УК РТ, в разделе 15, сформулированы преступления против мира и безопасности человечества: статьи 395–405 — агрессивная война, геноцид, биоцид, экоцид, военные преступления и др. (главы 34 и 35 УК РТ). Эти деяния в соответствии с национальным законодательством отнесены к категории особо тяжких и предусматривают высшие меры наказания.

Как международные деликты, в свою очередь, выделяют нарушения международно-правовых обязательств, не обладающие столь массовыми или системными последствиями: например, нарушение норм международного морского или таможенного права, договорные нарушения в экономической сфере, дипломатические проступки и др. Критерии различия обычно соотносят характер обязательства (первоочередные императивные нормы против обычных договорных норм) и степень опасности акта. В практике Республики Таджикистан конкретных международных судебных прецедентов мало, однако уже на национальном уровне можно видеть это разграничение: значительные нарушения (геноцид, агрессия) квалифицированы законом как международные преступления и наказуемы по УК РТ, в то время как споры по менее тяжким деликтам обычно решаются дипломатическими

средствами или через международные арбитражи и суды, а не через уголовный процесс.

Однако, как отмечает И.В. Маштаков, «международные правонарушения необходимо разграничивать с так называемыми «преступлениями против международного права», под которыми в национальных правовых порядках понимаются уголовно наказуемые деяния физических лиц, совершенные в отношении иностранных государств или их интересов»[170, с. 105]. Такие деяния не образуют международных преступлений в собственно международно-правовом смысле и регулируются внутренними уголовными кодексами государств.

Мы, в свою очередь, предлагаем следующую классификацию международных правонарушений.

1. Международные преступления представляют собой особо тяжкие международно-правовые деяния, посягающие на основы международного правового порядка и жизненно важные интересы всего мирового сообщества. К их ключевым признакам относятся чрезвычайно высокая общественная опасность и нарушение императивных норм международного права. Ответственность за такие деяния возлагается не только на государство как субъект международного права, но и на конкретных лиц в рамках международной уголовной юрисдикции.

2. Преступления международного характера (трансграничные правонарушения) — это общественно опасные деяния, предусмотренные международными договорами, которые выходят за пределы национальной юрисдикции, но формально не квалифицируются как международные преступления. Такие правонарушения посягают на нормальные отношения между двумя или более государствами и международными организациями, при этом ответственность за них несут физические лица, а не государства. Исполнители подлежат уголовной ответственности преимущественно по национальному праву. К такой категории относятся, например, международный терроризм, пиратство, захват заложников, незаконный оборот наркотиков, похищение людей и

др. (они нарушают интересы нескольких государств и мирное сотрудничество, но не отождествляются с агрессией или иными международными преступлениями).

3. Международно-правовые деликты: противоправные действия или бездействие государства (или международной организации) в отношении другого государства, международной организации или её членов, нарушающие международные обязательства. Такие нарушения охватывают широкий спектр: от невыполнения договорных условий и решений международных судов до невоенных нарушений суверенитета и прав других государств. Международные деликты не имеют квалификации уголовных преступлений; ответственность за них носит, как правило, политический или материальный характер (например, дипломатические репрессалии, требование репараций, прекращение договора и др.). Примеры международно-правовых деликтов: односторонняя денонсация или невыполнение договора, нарушение морских или воздушных границ, несоблюдение обязательств по международной торговле или защите окружающей среды.

Формы международной ответственности РТ.

Международный режим ответственности предусматривает ряд способов, которыми виновное государство должно возместить причинённый ущерб. В соответствии с Проектом Статей Комиссии по международному праву ООН (ст. 31–37) и практикой международных судов, существует принцип полного возмещения (full reparation), включающий: реституцию, компенсацию и сатисфакцию.

Реституция – восстановление статуса-кво ante (например, возврат незаконно захваченной территории) – приоритетная форма возмещения. Если реституция невозможна, применяется компенсация – денежное возмещение ущерба, причинённого правонарушением. Статья 38 Статей КМП прямо предписывает: «Государство-нарушитель обязано компенсировать ущерб, причинённый международно-противоправным актом, в той мере, в какой ущерб не возмещён реституцией»[8]. Помимо

материального возмещения, важна сатисфакция – возмещение нематериального вреда. Статья 40 Статей КМП обязывает государство «дать сатисфакцию за причинённый актом вред», если ущерб не покрыт другими формами возмещения. Формы сатисфакции включают официальное признание факта нарушения, извинения, воздание почестей пострадавшему государству или другие символические акты.

Вместе с тем в международно-правовой доктрине отмечается, что эффективность реализации института международной ответственности государства зависит от наличия и функционирования механизмов международного принуждения. Несмотря на нормативную закреплённость принципа полного возмещения, его практическое исполнение в отдельных случаях может сталкиваться с трудностями, обусловленными отсутствием наднационального органа принудительного исполнения решений международных судебных инстанций.

Данное обстоятельство не означает отрицания института международной ответственности, однако свидетельствует о его зависимом характере от системы международных политико-правовых отношений и механизмов межгосударственного воздействия.

Наконец, распространено требование гарантий неповторения, т.е. заверений в том, что аналогичное деяние не повторится (аналогично ст. 33 Статей КМП ООН); такая мера по природе близка к сатисфакции. Кроме того, международный ответ может принять форму санкций или контрмер (реторсии, временное приостановление договорных обязательств), однако прямые санкции, наложенные международными организациями, применимы к Таджикистану лишь через коллективные решения (например, по резолюции СБ ООН). В целом международно-правовая ответственность РТ выражается в стремлении восстановить справедливость (возмещение ущерба) и обеспечить, чтобы нарушение не повторилось, что усиливает правопорядок.

С точки зрения теории и практики государства, четкое разграничение «объектов» и «видов» международных правонарушений важно для правильного применения правовых норм и обеспечения международно-правовой стабильности. В национальной системе Республики Таджикистан это находит отражение в конституционном признании приоритета международного права: Конституция РТ закрепляет: «Признанные Таджикистаном международно-правовые акты являются составной частью правовой системы республики, а в случае противоречия между законами республики и такими международными актами применяются нормы международных актов»[9].

Таким образом, государственные органы обязаны квалифицировать международные правонарушения с учётом как международных, так и внутренних норм. Практическое значение такого разграничения особенно очевидно при привлечении к ответственности: международные преступления (посягательства на общие блага) реализуются через институт международной уголовной ответственности (должны быть преследуемы по УК РТ и, при необходимости, передаваться для международного трибунала), тогда как международные деликты чаще влекут возмещение ущерба или другие формы реституции и санкций. Наличие в Уголовном кодексе РТ специальных статей (398–405 УК РТ) по международным преступлениям обеспечивает республике механизм для выполнения взятых на себя обязательств (например, по резолюциям Генеральной Ассамблеи ООН или по Женевским конвенциям) и способствует укреплению правопорядка. В свою очередь, правильная квалификация определяется объектом посягательства: чем более «высокий» (императивный) характер пренебрегаемой нормы, тем жестче должны быть санкции.

Таким образом, различие объектов и видов международных правонарушений имеет критическое значение для национального законодательства и судебной практики Таджикистана – оно направляет выбор способов ответственности (уголовной, гражданско-правовой или

дипломатической) и обеспечивает соответствие национального правопорядка международным обязательствам Республики Таджикистан.

На основе всего вышесказанного, мы приходим к выводу, что международное правонарушение – это противоправное, приписываемое субъекту международного права деяние (действие либо бездействие), нарушающее международно-правовое обязательство императивного или договорного характера, посягающее на охраняемый международным правопорядком комплекс общих или специальных благ и порождающее необходимость применения механизмов международной ответственности, направленных на восстановление нарушенного состояния международных отношений, предотвращение дальнейшего ущерба и обеспечение стабильности международной системы.

Однако следует отметить, что в современных условиях эффективность реализации международно-правовой ответственности не всегда является одинаково высокой, поскольку применение соответствующих механизмов во многом зависит от политической воли государств, деятельности международных организаций и эффективности международно-правовых средств принуждения.

ГЛАВА 3. ПРАВОНАРУШЕНИЕ И СМЕЖНЫЕ ПРАВОВЫЕ КАТЕГОРИИ

3.1. Правонарушение и злоупотребление правом

В юридической науке понятие «злоупотребление правом» является одним из самых дискуссионных вопросов на протяжении многих веков. Его изучением занимались цивилисты с древних времён, и по сей день данный вопрос является таким же актуальным для отечественных и зарубежных учёных и практиков.

Если взглянуть на корни, которые выступают исходным началом возникновения данного понятия, то впервые упоминание о «злоупотреблении правом» появилось в римском праве. К примеру, Законы XII таблиц обязывали собственника земельного участка «допускать на свой участок через день соседа для собирания плодов, падающих с деревьев, растущих на участке соседа, а также запрещали притворно (в ущерб кредиторам) жертвовать храмам ту вещь, которая является предметом судебного разбирательства»[86, с. 10-15].

Европа, являясь основной «преемницей» римского права, в XVIII веке укоренила концепцию существования злоупотребления правом и ввела на данные действия законодательный запрет. Например, статья 4 французской Декларации прав человека и гражданина 1789 года установила: «Свобода состоит в возможности делать все, что не наносит вреда другому: таким образом, осуществление естественных прав каждого человека ограничено лишь теми пределами, которые обеспечивают другим членам общества пользование теми же правами. Пределы эти могут быть определены только законом»[7].

В начале XX века запрет на злоупотребление правом окончательно закрепился в большинстве европейских стран. Статья 2 Швейцарского Гражданского уложения 1907 года закрепила: «Всякий при осуществлении своих прав и исполнении своих обязанностей должен

поступать по доброй совести. Злоупотребление правом не допускается»[131, с. 58].

В Гражданском кодексе Таджикской Советской Социалистической Республики прямого указания на запрет злоупотребления правом не содержалось, однако отдельные положения статьи 5 затрагивали вопросы недобросовестного осуществления гражданских прав: «Закон защищает права граждан при условии, что они не будут реализованы вопреки назначению этих прав в социалистическом обществе в ходе (периоде) строительства коммунизма»[11]. Тем самым законодатель связывал пределы осуществления гражданских прав через призму публичных интересов и задач социалистического общества. В данный период институт запрета злоупотребления правом имел преимущественно публично-правовую направленность.

Гражданский кодекс Республики Таджикистан от 30 июня 1999 года, №802 (далее ГК РТ), в статье 10 впервые упомянул понятие «злоупотребление правом». Суть данной статьи заключается в том, что основным механизмом, обеспечивающим соблюдение пределов при осуществлении гражданских прав, выступает институт злоупотребления правом (шикана). Кроме шиканы, Гражданский кодекс предусматривает возможность признания судом определённых действий как нарушения границ осуществления права – «злоупотребление правом в иных формах».

Слово «шикана» (происходит от нем. “изошрённость, ухищрение”) означает злоупотребление правом с прямым умыслом нанести ущерб интересам других лиц [75, с.41-43].

В науке юриспруденции предметом дискуссии является понятие «злоупотребление правом», которое предложено также и в части 1 обновлённой статьи 9 ГК РТ[10]. Однако содержание данного термина по-прежнему остаётся предметом научной дискуссии, равно как и вопрос о его соотношении с категорией «шикана».

Сам термин «злоупотребление правом» (*abuse de droit*) впервые был применён в XIX веке бельгийским юристом Ф. Лораном (F. Laurent) для обозначения ситуаций, связанных с недобросовестным осуществлением прав управомоченным лицом [154, с. 235].

Х.А. Текаев даёт следующее определение: «злоупотребление правом - это неправомерное поведение, которое выражается при осуществлении управомоченным лицом своего субъективного права», при помощи таких способов реализации, которые выходят за пределы этого объёма права» [152, с. 97]. В.В. Лазарев приводит своё мнение очень интересным образом: он считает, что каждое правонарушение представляет собой нарушение норм права. Но так как нормы права содержат в себе либо обязанности, либо запреты, либо права, «то нарушение нормы права или совершение правонарушения происходит в форме нарушения запрета, неисполнения обязанности и ... злоупотребления правом, которое на ряду с этим должно восприниматься как правонарушение» [82, с. 253]. Н. А. Дурново излагает краткое, но ясное разъяснение по данному вопросу: «Многие злоупотребления являются противоправными, а следовательно, их следует рассматривать как правонарушение» [132, с. 108]. А.А. Гогин, исследуя термин «злоупотребление правом», даёт собственное весьма логичное разъяснение: «злоупотребление правом – это самостоятельный вид правового поведения, но социально вредного. Оно может быть осуждаемым с позиции нравственности и других установлений, но при этом самое главное – данный негативный факт не влечет за собой юридической ответственности по той причине, что отсутствует сам факт противоправности – ведущего признака правонарушения» [129, с. 25].

С.Н. Кожевников говорит: «...в реальной действительности существуют две разновидности правомерного поведения, формально соответствующие нормам права, но которые не отличаются социальной полезностью. Таковы, например, частые смены работы, необоснованные правовые притязания, сутяжничество (кверулянтство) в области судебной деятельности, забастовки, неучастие в выборах

представительных органов государственной власти, частые браки и разводы и т.д. Данные действия не запрещаются законом, а возможность их совершения допускается государством, но они не обладают общественной полезностью»[63, с. 20]. Профессор Я. Янев выступает с такой позицией: он не считает злоупотребление правом правонарушением. Я. Янев предлагает определение, которое заключается в том, что «злоупотребление правом есть правомерное, но аморальное осуществление субъективного права в противоречии с его назначением»[119, с. 195]. Аналогичной позиции придерживается А. Е. Наумов, который считает, что «злоупотребление субъективным правом является правомерным актом человеческого поведения». Такой вывод он обосновывает тем, что лицо, совершающее данное деяние, не выходит в своем поведении за пределы субъективных прав. Он определяет злоупотребление правом как «правомерный акт человеческого поведения (деяния), которое состоит в реализации норм объективного права в противоречии с их назначением и в целях удовлетворения личных интересов субъектов права, в результате чего причиняется вред другим лицам, обществу или государству»[172, с. 7-8].

Переходя к третьей категории сторонников, которые дают собственное определение вышеуказанному понятию, рассмотрим мнение Е.Ю. Маликова, который утверждает, что «злоупотребление правом – это действие субъекта в пределах предоставленного ему законом субъективного права, при реализации которого причиняется вред другим участникам правовых отношений»[201, с. 30]. Более развёрнутое определение злоупотребления правом приводит Е.А. Одегнал: “Под злоупотреблением правом понимается деяние управомоченного лица, совершаемое в процессе осуществления своего субъективного права в пределах предоставленных ему законом возможностей, результаты коего выходят за рамки установленных законодателем пределов правомерного осуществления права по причине умысла на причинение вреда, вне зависимости от его реализации, или объективного причинения вреда

правам и законным интересам других лиц - участников правовых отношений»[173, с. 53].

На основе вышесказанного можно сделать вывод, что авторы юридической литературы по-разному подходят к проблеме понятия «злоупотребление правом». Одни считают, что злоупотребление правом является злоупотреблением субъективными правами в качестве правонарушения, другая группа рассматривает злоупотребление правом как правомерное поведение. Третья категория учёных не относит злоупотребление правом ни к правомерному поведению, ни к категории правонарушения, а рассматривает его как отдельную юридическую категорию.

По нашему мнению, злоупотребление правом является самостоятельной и многогранной юридической категорией, объединяющей признаки как правомерного поведения, так и правонарушения. Термин «злоупотребление правом» используется в юридической науке и законодательстве не потому, что соответствующее поведение сочетает в себе признаки правомерности и правонарушения, а потому, что субъект формально действует в пределах принадлежащего ему права, однако использует его вопреки социальному назначению, принципам добросовестности, разумности и справедливости. Иными словами, «зло» относится не к самому субъективному праву как юридической возможности, а к способу его осуществления.

Позиция, согласно которой злоупотребление правом рассматривается исключительно как форма правомерного поведения, представляется спорной. Хотя представители данной теории утверждают, что действие (бездействие) субъекта при этом может не выходить за рамки закона (преподаватель, имея личную неприязнь к семье студента, делает всё возможное, чтобы завалить его на экзамене), но всё же правомерное поведение характеризуется общественной полезностью и государство при этом его поощряет, а таковое здесь отсутствует. Здесь мы считаем важной необходимость наличия умысла, а

он заключается в том, что субъект целенаправленно злоупотребляет своим субъективным правом для получения выгоды или причинения вреда другому лицу. При этом злоупотребление правом трудно доказуемо, так как маскируется под правомерное поведение.

Далее рассмотрим позицию, согласно которой злоупотребление правом следует относить к категории правонарушений. Когда злоупотребление правом переходит границы субъективного права и при этом наносится ущерб другим лицам и, следовательно, нарушается закон (недобросовестная конкуренция), то здесь будет иметь место уже правонарушение. Придерживаясь этой концепции, многие авторы считают, что злоупотребление правом (или его определенные формы) является видом правонарушения. Но в таком случае термин «злоупотребление правом» теряет свою значимость и степень актуальности.

Таким образом, необходимо продолжить разработку понятия «злоупотребление правом» как самостоятельной юридической категории.

Далее мы приводим своё определение данного понятия. Злоупотребление правом – это особая юридическая категория, занимающая промежуточное положение между правомерным поведением и правонарушением, выражающаяся в формально правомерном осуществлении субъектом принадлежащего ему субъективного права вопреки его социальному назначению, принципам добросовестности, разумности и справедливости, что причиняет вред другим лицам либо приводит к явно несправедливым последствиям.

Существует также множество концепций относительно определения форм злоупотребления правом. Самой классической формой выступает шикана, о которой упоминалось выше. То, что отличает шикану от других форм злоупотребления правом, это наличие цели – причинить вред другому лицу. Но, как упоминалось выше, если мы обратим

внимание на текст ст. 9 ГК РТ, то законодатель также предусматривает наличие и недопустимость иных форм злоупотребления правом.

А.А. Малиновский различает всего «две формы злоупотребления правом: правомерное злоупотребление правом, когда вред причиняется неохранным законом отношениям и в зависимости от конкретных обстоятельств их можно рассматривать как аморальные или нецелесообразные» [75, с. 42]. Как другую форму злоупотребления правом он выделяет противоправные и наказуемые деяния.

Вторую классификацию предлагает Ю. А. Тарасенко, которая основывается на двух параметрах: отраслевой признак и сфера использования правовых знаний. «По отраслевому признаку имеется в виду злоупотребление материальными правами и злоупотребление процессуальными правами. По сфере использования правовых знаний - злоупотребление советника по правовым вопросам и злоупотребление при осуществлении правосудия судебским усмотрением» [214, с. 57].

Проанализировав все предложенные классификации, мы предлагаем раскрыть формы злоупотребления правом по отраслевому признаку (используя законодательную базу Республики Таджикистан).

Итак, рассмотрим определённые из них:

– злоупотребление правом в конституционно-правовой сфере может проявляться через недобросовестное использование конституционных свобод, таких как свобода слова и свобода средств массовой информации. К примеру, можно говорить о статье 39 Конституционного закона Республики Таджикистан «О выборах Маджлиси Оли Республики Таджикистан». Упомянутая статья регулирует порядок проведения предвыборной агитации и устанавливает, что при проведении агитации не допускается применение методов психологического, физического и религиозного принуждения, злоупотребление свободой средств массовой информации, агитация и иные формы злоупотребления свободой средств массовой информации, запрещённые законами Таджикистана [20];

– злоупотребление гражданскими правами и свободами в сфере имущественных и личных неимущественных отношений. Данный вид нарушений является самым распространённым и разнообразным, при этом некоторые из них могут повлечь административную или уголовную ответственность. К примеру, сюда можно отнести статьи 542 (Злоупотребление хозяйствующими субъектами, а также группой лиц своими доминирующими или монопольными положениями на рынке), 552 (Злоупотребление продавцом неспособностью потребителя защитить свои интересы), 661 (Злоупотребление служебным положением) Кодекса Республики Таджикистан об административных правонарушениях, а также статью 176 (Злоупотребление правами опекуна или попечителя) Уголовного кодекса Республики Таджикистан. Злоупотребления правом, ограничивающие конкуренцию или имеющие подобную цель, подробно раскрыты в Законе Республики Таджикистан «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках», в частности в статье 4 (Злоупотребления хозяйствующим субъектом на рынке) данного закона. Ф.А. Очилова в этом контексте относит к формам «злоупотребления правом применение гражданских прав в целях ограничения конкуренции и злоупотребления преобладающим положением на рынке»[174, с. 54], т.е. создание лицами, которые занимают монопольное положение, наиболее благоприятных обстоятельств для себя в ущерб контрагентам;

– злоупотребление правом, которое совершается в сфере семейных отношений. Данный вид злоупотреблений также является немаловажным в этой классификации, и требует особого внимания, т.к. семья является основой и ячейкой общества. Здесь усматривается злоупотребление правами родителя или супруга, а также значительную роль играют материальные, психологические, социальные стороны вопроса. Семейный кодекс Республики Таджикистан использует единое обобщающее понятие «злоупотребление родительскими правами», раскрываемое через запрет на осуществление родительских прав в ущерб

интересам ребёнка. Под злоупотреблением родительскими правами следует понимать использование этих прав в ущерб интересам детей (создание препятствий в обучении, склонение к попрошайничеству, воровству, проституции и т.п.).[27] Ярким примером злоупотребления правами родителей в Республике Таджикистан является выдача замуж девушки без её на то согласия (насильно), что противоречит условиям заключения брака, одним из которых выступает взаимное согласие мужчины и женщины, которое закреплено в статье 12 Семейного кодекса Республики Таджикистан. Уголовно – правовая ответственность родителей или опекуна вытекает из статьи 168 УК РТ, которая предусматривает ответственность при выдаче замуж девочки, не достигшей брачного возраста, здесь имеет также место злоупотребление родительскими правами или правами опекуна. Определенного рода злоупотребления со стороны родителей (насильственное склонение к замужеству (женитьбе), публичное оскорбление детей в присутствии друзей или родственников, насильственное склонение подростков к выбору определенного рода занятия) иногда приводят к очень серьёзным последствиям. Следует отметить, что между законным и допустимым осуществлением родительских прав и злоупотреблением ими существует тонкая грань, переступая которую, люди могут навредить друг другу;

– злоупотребление правом в сфере трудовых отношений. Трудовым кодексом Республики Таджикистан не предусмотрено злоупотребление правом, но во многих учебных материалах оно всё-таки рассматривается. К примеру, работая в большой организации и имея родственную или иную связь с подчинённым, работник, занимающий руководящую должность, может делать поблажки подчинённому и при этом неравно относиться к другим подчинённым. Другой вид злоупотребления правом в трудовых отношениях носит название «моббинг»⁵. В современном понимании термин «моббинг» стал использоваться уже в начале 1980-хх

⁵ Моббинг (от англ. mobbing – «травля») – это систематическое психологическое давление на работника в трудовом коллективе, выражающееся в унижении, изоляции или дискредитации, направленное на ухудшение его положения на работе.

гг. благодаря шведскому учёному-психологу доктору Х. Лейману. Именно он стал рассматривать моббинг как психологический террор в трудовом коллективе, травлю одного или нескольких сотрудников [206, с. 105]. Хотя данный термин не нашёл законодательного закрепления, всё же в литературе он существует. Моббинг в сфере трудовых отношений – это форма психологического насилия в виде травли сотрудника в коллективе, которая преследует целью увольнение работника, оно может протекать в различных формах: роспуск порочащих слухов и сплетен, ябедничество начальству, отказ в деловом сотрудничестве, воровство служебных материалов и многое другое. Отсутствие термина «моббинг» в ТК РТ объясняется тем, что законодатель не выделяет данное явление в самостоятельную категорию, регулируя соответствующие отношения посредством общих норм о защите трудовых прав работников, запрете дискриминации и обеспечении безопасных условий труда. Таким образом, моббинг как научная категория подразумевается действующим правовым регулированием, однако не имеет прямого нормативного закрепления;

– следующей формой злоупотребления правом выступает злоупотребление процессуальными правами. Этот вопрос остаётся актуальным для исследователей, несмотря на то, что гражданский процессуальный кодекс Республики Таджикистан прямо не закрепляет данного положения. Вместе с тем злоупотребление процессуальными правами получило нормативное закрепление в Экономическом процессуальном кодексе РТ: «Злоупотребление процессуальными правами лицами, участвующими в деле, влечёт за собой для этих лиц ответственность, предусмотренную настоящим Кодексом»[31]. Экономический суд вправе возложить все судебные расходы по делу на лицо, злоупотребляющее процессуальными правами или не исполняющее своих процессуальных обязанностей. Вопросы распределения судебных расходов и отнесения их к лицу, злоупотребляющему процессуальными правами, решаются экономическим судом. Наиболее

распространенными являются случаи злоупотребления процессуальными правами с целью затягивания судебного процесса либо оказания давления на процессуального оппонента для достижения внесудебного урегулирования спора. Также в науке является спорным вопрос о злоупотреблении правом на судебную защиту, но здесь следует учитывать конституционное право каждого на судебную защиту.

Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. устанавливает неприемлемость любой необоснованной жалобы или жалобы, поданной со злоупотреблением правом на её подачу.[4]

Таким образом, независимо от формы и стадии процесса, злоупотребление процессуальными правами наносит ущерб интересам суда, государства и граждан. Действия, такие как затягивание процесса, уклонение от уплаты госпошлины или подача заведомо необоснованных исков, приводят к расходованию судебных средств не в интересах правосудия.

В свою очередь, Е.В. Ивнева выделяет «самостоятельный вид злоупотребления правом — действия субъекта в обход закона» [134, с. 9].

Обход закона применяется только тогда, когда закон должным образом истолкован. Когда применяется обход закона, то закон в данном случае не должен нарушаться, иначе это будет истолковано как правонарушение.

Понятие «обход закона» было известно еще в Древнем Риме: «Поступает против закона тот, кто совершает запрещенное законом; поступает в обход закона тот, кто, сохраняя слова закона, обходит его смысл» [86, с. 33].

Согласно концепции Ульпиана: «Обход закона имеет место, когда делается то, чего закон не желает, но при этом и не запрещает, и как уже сказанное слово отличается от мысли человека, то и обход закона отличается от противозаконности».[43, с. 396]

Юридическое понятие «обход закона» вобрало в себя несколько различных взглядов и теорий. Защитники данного понятия утверждают,

что оно является самостоятельной концепцией и по сути не обладает признаком противоправности, так как формально не противоречит закону, хотя его целью является нарушение предписания закона. Вторая группа авторов считает, что оно является видом злоупотребления правом, при этом сторонники данной концепции также считают злоупотребление правом правомерным поведением.

Такого же мнения придерживается М. Н. Вронская: «обход закона и злоупотребление правом – самостоятельные категории» [128, с. 51].

Приведём пример из практики: 14 июля 2012 года был принят Закон Республики Таджикистан «О моратории на проверки деятельности субъектов предпринимательства в сферах производства», данный закон налагал временное приостановление полномочий проверяющих государственных органов по проведению проверок деятельности субъектов предпринимательства в сферах производства, которые создают новые предприятия по производству товаров и продукции, привлекая тем самым новую технику и технологии. Данный мораторий был наложен на 3 года. При этом молодые предприниматели, избегая появления проверяющих государственных органов, «обходили закон» - прекращали деятельность своих предприятий, но спустя короткое время регистрировали новое предприятие с новым именем.

Конечно, действия этих лиц нельзя считать противоправными, так как они не нарушают закон, а пользуются им в своих целях.

Таким образом, термин «обход закона» следует рассматривать как разновидность злоупотребления правом, поскольку сам по себе он не содержит прямых признаков противоправности, однако цель его применения носит противоправный характер. Обход закона – самостоятельный вид злоупотребления правом, при котором закон формально не нарушается, но путём его тщательного толкования субъект действует с противоправной целью. Обход закона наиболее часто встречается в гражданско-правовой и предпринимательской сфере, а также в налоговых и трудовых отношениях, где используется

формальное правомерное поведение для достижения правовых последствий, которые не допускаются законом в избранной субъектом правовой форме, либо для уклонения от императивных требований законодательства.

Следовательно, можно сделать вывод, что формы злоупотребления правом очень разнообразны и встречаются во всех сферах правовых отношений. Требуя всестороннего изучения, они нуждаются в законодательном закреплении, что позволит обнаружить злоупотребление, не нарушая при этом права одних лиц и не возвышая прав других.

3.2. Правонарушение и нарушение субъективных прав

Актуальность исследования продиктована устойчивой проблемой в научно-правовой доктрине: терминологическим и категориальным перекрытием понятий «правонарушение» и «нарушение субъективных прав». На практике и в теории встречаются две линии: первая видит в нарушении субъективного права основание для гражданско-правовой защиты и приравнивает его к правонарушению как юридическому факту, влекущему ответственность; вторая удерживает разграничение, признавая, что не каждое нарушение субъективного права образует правонарушение в узком (наказуемом) смысле, особенно когда речь идёт о публично-правовых санкциях или общественной опасности. Это порождает методологическую неопределённость при квалификации деяний и выборе способов защиты. Необходим системный анализ понятий, их элементов и соотношения, опирающийся как на классические работы по теории права, так и на современные исследования института субъективного права и ответственности. Общая методология — системно-структурный и сравнительно-правовой анализ, опирающийся на доктринальные источники и действующие правовые положения.

В современной юридической науке категория «правонарушение» традиционно рассматривается как центральное звено системы правового регулирования, служащее отправной точкой для анализа вопросов ответственности, правопорядка и законности. Правонарушение выступает в качестве противоправного поведения, нарушающего требования правовых норм, причиняющего вред общественным отношениям и влекущего юридическую ответственность. Вместе с тем, наряду с понятием «правонарушение», в доктрине и практике всё более широко используется категория «нарушение субъективных прав», которая отражает уже не столько характеристику поведения правонарушителя, сколько состояние лица, чьё субъективное право оказалось ущемлённым или не востребованным в силу антисоциального поведения других участников общественных отношений.

При этом в науке и правоприменительной практике наблюдается тесная взаимосвязь и одновременно различие между указанными понятиями. С одной стороны, нарушение субъективного права в большинстве случаев является следствием правонарушения, т.е. деяния, противоречащего закону. С другой стороны, далеко не каждое нарушение права отдельного лица может быть квалифицировано как правонарушение в строгом юридическом смысле. Данный тезис требует детального рассмотрения.

Методологические исходные позиции: понятия и элементы.

Классическое определение правонарушения содержится в трудах С.С. Алексеева, который указывал, что «правонарушение – это виновное противоправное деяние деликтоспособного субъекта, причиняющее вред охраняемым законом общественным отношениям».[37, с. 114] Эта позиция получила дальнейшее развитие в работах В.Н. Кудрявцева, М.И. Байтина, Ю.А. Тихомирова и других авторов.

Основными признаками правонарушения признаются:

1. противоправность – несоответствие поведения требованиям закона;

2. общественная вредность – способность причинять ущерб общественным отношениям;

3. виновность – наличие психического отношения субъекта к совершенному деянию (умысел или неосторожность);

4. деликтоспособность субъекта – способность лица осознавать значение своих действий и руководить ими;

5. юридическая ответственность – наступление неблагоприятных последствий, закреплённых в законе.

Таким образом, правонарушение – это категория, связанная прежде всего с характеристикой поведения лица, нарушающего нормы права.

Субъективное право понимается в современной юридической доктрине как мера возможного поведения, закреплённая и охраняемая правом, позволяющая субъекту требовать от других лиц определённого поведения или воздержания от него; оно характеризуется содержанием (преференции, полномочия, запреты), субъектным составом и юридическим обеспечением. Важная доктринальная линия подчёркивает, что осуществление субъективного права может предполагать как позитивное действие, так и воздержание, и что границы осуществления права определяются юридическими и моральными рамками.

Определение понятия «субъективное право» в юридической литературе является спорным. Первая группа, например С.И. Вильнянский, рассматривает субъективное право как средство обеспечения управомоченному определённого поведения обязанного лица.[49, с. 359] С.Н. Братусь усматривает сущность субъективного права в поведении, дозволенном правопорядком самому управомоченному [185, с. 34]. Н. Г. Александров подчёркивает, что для субъективного права одинаково важны как поведение, дозволенное управомоченному, так и поведение, предписанное обязанному [183, с. 176].

Н.И. Матузов определяет субъективное право как «гарантируемые законом вид и мера возможного или дозволенного поведения лица, а

юридическая обязанность – как вид и мера должного или требуемого поведения»[72, с. 528].

Таким образом, субъективное право представляет собой установленную законом возможность определенного поведения, направленного на удовлетворение интересов управомоченного лица. Данная возможность носит многоплановый характер и включает в себя несколько взаимосвязанных элементов.

Очень интересно замечание Г. Ф. Шершеневича, который отмечал, что «субъективное право есть власть осуществлять свой интерес» [113, с. 633].

Во-первых, субъективное право предусматривает возможность положительного поведения самого управомоченного лица, то есть реализацию права посредством собственных действий.

Во-вторых, оно выражается в возможности требовать от обязанного лица совершения определенных действий или воздержания от них, что отражает аспект права-требования.

В третьих, субъект наделяется возможностью прибегнуть к защите своих прав посредством обращения в компетентные государственные органы в случае их нарушения или невыполнения обязанной стороной своих обязательств.

В-четвёртых, субъективное право включает возможность использования определенного социального блага в соответствии с законом и назначением данного права.

Таким образом, субъективное право может проявляться в виде права на собственное поведение, права-требования, права-притязания и права-пользования.

Чтобы глубже понять сущность субъективного права, необходимо определить его признаки.

Субъективное право не возникает само по себе, для его появления требуется определенное основание – юридический факт, с возникновением которого устанавливается соответствующее

правоотношение. Содержание любого правоотношения выражается в совокупности прав и обязанностей участников, при этом субъективное право отражает именно ту часть, которая предоставляет субъекту возможность действовать определенным образом.

На основе анализа всего вышеизложенного, мы выделяем следующие признаки субъективного права:

1. Отражение в норме права.

Субъективное право закрепляется в диспозиции конкретной нормы закона, то есть оно не существует вне системы объективного права. Норма выступает юридическим основанием, из которого субъективное право черпает своё содержание и легитимность.

2. Возможность поведения лица.

Субъективное право представляет собой предоставленную законом возможность определённого поведения управомоченного субъекта. Лицо может воспользоваться своим правом по собственному усмотрению либо отказаться от его реализации, если это не противоречит закону.

3. Мера возможного поведения.

Субъективное право выражает установленную законом меру свободы, в рамках которой субъект может действовать в собственных интересах. Тем самым определяется граница между дозволенным и запрещённым поведением.

4. Ограниченность интересами других лиц и законом.

Реализация субъективного права не может нарушать прав и законных интересов других субъектов. Закон устанавливает пределы осуществления прав, обеспечивая баланс между индивидуальной свободой и общественными интересами.

5. Связь с обязанностями других лиц.

Каждому субъективному праву корреспондирует юридическая обязанность другого участника правоотношения — действовать определённым образом, не препятствовать или, напротив, способствовать осуществлению данного права.

6. Осуществление в интересах управомоченного лица.

Субъективное право принадлежит конкретному субъекту и реализуется исключительно в его интересах, что придаёт ему персонализированный характер.

7. Тесная связь с объективным правом.

Субъективное право является формой проявления норм объективного права на индивидуальном уровне. Оно неразрывно связано с правопорядком и отражает конкретизацию общих правовых предписаний в отношении конкретного лица.

Таким образом, субъективное право — это индивидуализированная, юридически закреплённая мера возможного поведения, направленная на удовлетворение интересов управомоченного лица. Его признаки демонстрируют единство свободы и обязанности, а также связь частных интересов субъекта с требованиями объективного права.

Аналитическое сопоставление: общие черты и различия.

Исторически проблема нарушения субъективных прав получила развитие ещё в римском праве, где понятие *'iniuria'* охватывало всякое противоправное действие, затрагивающее личность или имущество другого лица.

И правонарушение, и нарушение субъективных прав связаны с фактом нарушения юридической нормы и ущемлением интересов. Для гражданского права именно факт нарушения субъективного права служит основанием для предъявления требований о защите (восстановлении положения, возмещении убытков, признании права, исполнении и т. п.), т.е. нарушение субъективного права функционирует как юридический факт для защиты [191, с. 24].

При этом нарушение субъективного права, по мнению О.С. Иоффе, всегда выступает «объективированным фактом несоответствия фактических общественных отношений юридическим предписаниям» [57, с. 561]. Г.Ф. Шершеневич писал, что «правонарушения нет там, где действие человека остается в пределах дозволенного объективным

правом, хотя бы при этом были нарушены законные интересы другого человека, обеспеченные предоставленным ему субъективным правом. С точки зрения того, чьи интересы страдают при этом, происходит как бы нарушение его права, потому что вторгаются в сферу его интересов, которые он привык считать охраняемыми его субъективным правом, но с точки зрения объективного права, допускающего такое нарушение и отнимающего на этот случай свою защиту, правонарушения нет, а имеется только нарушение интересов» [113, с. 633].

Проблема соотношения категорий «правонарушение» и «нарушение субъективных прав» является одной из наименее разработанных в современной юридической науке. Несмотря на то, что каждая из них имеет самостоятельное значение в теории права, в правоприменительной практике они нередко смешиваются, что ведёт к ошибкам в квалификации деяний, установлении вины и определении юридических последствий.

Нарушение субъективного права – противоправное действие или бездействие, при котором реализуемое субъективное право управомоченного лица нарушается: либо не удовлетворяется требование законного содержания права, либо нарушается возможность пользования правом, либо прерывается защита со стороны государства.

Каждое правонарушение по своей природе предполагает нарушение какого-либо субъективного права (например, права собственности, личных нематериальных благ, правовой защиты). Это связано с тем, что право, признаваемое субъективным, устанавливает допустимые рамки для поведения; когда эти рамки преступаются, возникает нарушение. Г.Ф. Шершеневич указывает, что «всякое правонарушение есть нарушение субъективного права» [113, с. 635].

Спорные вопросы и научные позиции

Одна из доктринальных линий утверждает, что именно нарушение субъективного права является универсальным основанием для гражданско-правовой ответственности и в публично-правовой плоскости

оно трансформируется в правонарушение лишь при наличии дополнительных признаков (общественная опасность и т. п.). Такая позиция помогает унифицировать понятие «юридический факт», но рискует нивелировать специфику публичного контроля.[52, с. 398]

Доктрина подчёркивает принцип «пределов осуществления субъективных прав»: реализация права не должна превращаться в злоупотребление, нарушающее права других; такие пределы служат критерием разграничения допустимого осуществления права и противоправности. В.П. Грибанов и другие исследователи подробно проанализировали «границы осуществления прав и их связь с ответственностью за злоупотребление правом».[52, с. 338-346] Это позволяет выделить границу, где осуществление субъективного права утрачивает легитимность и переходит в правонарушение.

Другая линия защищает автономию понятий: правонарушение — самостоятельная категория, в основе которой лежат требования публично-правовой защиты, и не всякое нарушение субъективного права автоматически попадает в её поле. Эта позиция более аккуратно соотносит санкции и функции ответственности.

С позиции автора, нарушение субъективного права не всегда влечёт юридическую ответственность или квалифицируется как правонарушение: если отсутствует вина, если действует освобождение от ответственности по закону, либо деяние не переполняет нормативного состава правонарушения (например, если нет общественно значимого вреда и др.).

И.В. Маштаков и Е.В. Бестужева относят «к видам нарушения субъективных прав деяния лица, совершённые в состоянии необходимой обороны, в состоянии крайней необходимости, при исполнении служебных обязанностей, а также нарушения, совершённые с согласия самого заинтересованного лица»[170, с. 202].

Таким образом, правонарушение не имеет места, если охраняемые правом интересы лица нарушаются другим субъектом, действующим в

состоянии необходимой обороны. Под необходимой обороной понимается причинение вреда посягающему в целях защиты своих или чужих прав и законных интересов. Конституция Республики Таджикистан закрепляет неприкосновенность личности (ст. 5, 18, 22), которая охватывает не только физическую безопасность человека, но и защиту его жилища и имущества. Тем самым правомерность действий лица, защищающего указанные блага от неправомерного нападения, подтверждаются самим законом. Право на необходимую оборону определяется уголовным законом, в частности ст. 40 УК РТ.

К числу обстоятельств, исключающих противоправность деяния, относятся также случаи, когда вред причиняется при исполнении служебных обязанностей (например: действия пожарных, спасателей, медицинских работников, сотрудников правоохранительных органов). Особое значение имеет также причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление

Аналогично не признаются правонарушением действия лица, находящегося в состоянии крайней необходимости. Данное состояние возникает в исключительных обстоятельствах, когда для устранения непосредственной угрозы, угрожающей самому субъекту или другим лицам, невозможно применить иные средства (ст. 42 УК РТ).

Ещё одним обстоятельством, исключающим противоправность, является согласие лица, интересы которого затрагиваются. Согласие может устранять противоправность действий, если лицо добровольно, осознанно и в пределах своей дееспособности выражает волю на причинение вреда своим интересам.

Так, Н.С. Таганцев отмечал, что «согласие потерпевшего устраняет преступность посягательства на имущество, честь и целомудрие» [215, с. 400]. А.И. Санталов считал, что «оно исключает противоправность, если касается интересов, находящихся в свободном распоряжении лица» [149, с. 56]. Аналогичной позиции придерживался А.Н. Красиков,

полагавший, что «согласие на риск может быть общественно полезным, например при проведении научных экспериментов» [136, с. 118].

В.И. Михайлов выделяет «признаки действительного согласия: 1) добровольность и осознанность; 2) наличие у лица права распоряжаться интересом, которому причиняется вред; 3) адресованность согласия конкретному лицу; 4) выражение в момент, предшествующий действию» [76, с. 118-124]. Отсутствие хотя бы одного признака исключает правомерность деяния. Согласие, полученное под давлением, обманом либо от недееспособного лица, не имеет юридической силы.

Таким образом, действия в состоянии необходимой обороны, крайней необходимости, при исполнении служебного долга и с согласия заинтересованного лица нарушают субъективные права, но не квалифицируются как правонарушение. Их общей характеристикой является осознанное волевое действие, причиняющее вред, которое, в отличие от правонарушения, не противоречит нормам права и признаётся правомерным. В отдельных случаях законом предусмотрено возмещение причинённого вреда, в других — субъект освобождается от такой обязанности.

Нарушение субъективного права является не только юридическим последствием деяния, но и самостоятельным правовым феноменом, требующим особых мер защиты и восстановления нарушенного положения.

В ходе исследования выявлены следующие проблемы определения нарушения субъективных прав:

1. Проблемы определения объёма субъективного права. Нечёткие границы субъективного права (что именно включается в объём права) могут создавать трудности в квалификации нарушения. Например, в сфере права собственности часто возникает вопрос: где проходит граница между правомерным использованием имущества и злоупотреблением правом, нарушающим интересы других лиц? Так, собственник жилого помещения имеет субъективное право пользоваться

им по своему усмотрению, однако использование квартиры для деятельности, создающей шум, загрязнение или препятствие соседям, формально находится в пределах права собственности, но фактически нарушает права других субъектов. В таких случаях наблюдается конфликт субъективных прав, который не всегда можно квалифицировать как правонарушение в строгом смысле. Подобные ситуации показывают, что объём субъективного права должен определяться не только через закон, но и «через пределы его осуществления, установленные нормами разумности, справедливости и добросовестности» [10].

2. Вопросы доказательности вины. Субъективная сторона – вина – ключевой элемент, однако часто возникают споры, каким образом должна быть доказана вина, особенно когда мотивы и цель сложно установить документально или процессуально.

3. Различие между нарушением субъективных прав и юридически квалифицированным правонарушением. Не каждое нарушение прав на практике признаётся правонарушением в юридическом смысле: отсутствует состав, нет вреда, нет ответственности. Например, неисполнение моральных обязательств может нарушать субъективное право, но не привлекать к ответственности.

4. Защита субъективных прав. Механизмы защиты – судебные, административные, через государственные органы – могут быть «узкими» или неэффективными. Иногда законодательство не предусматривает надлежащей ответственности, либо процессуальные барьеры мешают защите.

В современных условиях важно разграничивать понятия «правонарушение» и «нарушение субъективного права», поскольку последнее может существовать и при отсутствии субъективной вины, а следовательно, вне состава правонарушения. Аналогичную позицию занимает Е.В. Бестужева, которая предлагает «классифицировать

нарушения субъективных прав по их правовой природе, последствиям и степени вины нарушителя» [162. 279].

Таким образом, современная юридическая наука постепенно переходит от классической поведенческой модели правонарушения к более широкой концепции, включающей анализ статуса управомоченного лица и характера нарушения его субъективных прав. Это требует уточнения базовых понятий, пересмотра критериев правомерности и противоправности, а также разработки новых механизмов правовой защиты.

Нарушение субъективных прав — это юридически значимое объективно неправомерное состояние, возникающее вследствие действия, бездействия или правовой коллизии, которое приводит к ограничению, приостановлению либо утрате управомоченным лицом возможности реализовать своё субъективное право в полном объёме и требует применения механизмов правовой защиты и восстановления нарушенного положения.

В заключение следует отметить, что категории «правонарушение» и «нарушение субъективных прав» тесно взаимосвязаны, но не тождественны. Нарушение субъективного права всегда индивидуализировано и выражается в лишении лица возможности реализовать принадлежащие ему правомочия. Однако для признания такого деяния правонарушением необходимо наличие признаков виновности и причинной связи между действием и наступившими последствиями.

Тем самым, не каждое нарушение субъективного права является правонарушением, поскольку в ряде случаев (действия в состоянии необходимой обороны, в состоянии крайней необходимости, при исполнении служебных обязанностей или при согласии самого заинтересованного лица) причинённый вред считается правомерным и не влечёт юридической ответственности.

Таким образом, нарушение субъективных прав следует рассматривать как фактическое состояние нарушения правомочия, не всегда сопряжённое с юридическим составом правонарушения.

Содержание данного феномена шире, чем понятия «правонарушение», поскольку включает те формы причинения вреда, которые обусловлены действием принципов необходимой обороны, крайней необходимости, допустимого риска, согласия лица и иных обстоятельств, исключающих противоправность.

Следовательно, институт нарушения субъективных прав требует самостоятельного научно-правового анализа. Действия, совершённые в состоянии необходимой обороны, в состоянии крайней необходимости, при исполнении служебных обязанностей или с согласия заинтересованного лица, не содержат признаков противоправности и, следовательно, не образуют состава правонарушения. Однако указанные деяния неизбежно приводят к фактическому ограничению или лишению субъективного права, что позволяет квалифицировать их как особый вид нарушений субъективных прав, находящихся за пределами классического состава правонарушения.

3.3. Правонарушение и объективно-противоправное деяние

В современной юриспруденции категория «объективно противоправное» деяния занимает особое место в структуре учения о правонарушении. В настоящем исследовании используется термин «внешне противоправное деяние» (объективно противоправное деяние), под которым понимается внешнее несоответствие поведения требованиям правовой нормы при отсутствии субъективной стороны состава правонарушения. Использование термина «внешне противоправное деяние» вместо традиционно применяемого в теории права понятия «объективно противоправное деяние» обусловлено необходимостью уточнения его содержательного объёма и устранения

концептуальной неоднозначности, возникающей при интерпретации последнего. Категория «объективно противоправное деяние» в ряде научных подходов воспринимается как указание на наличие противоправности вне зависимости от её юридической оценки, что способно создавать иллюзию самостоятельного существования противоправности как фактического свойства поведения. Между тем в правовой доктрине противоправность не является исключительно фактической характеристикой действия, а устанавливается в результате юридической оценки, основанной на сопоставлении поведения с предписаниями правовых норм.

Предлагаемое понятие «внешне противоправное деяние» позволяет более точно отразить стадию первоначального восприятия и юридической квалификации поведения, при которой анализируется его внешняя форма — действие или бездействие, выраженное вовне и потенциально противоречащее требованиям правовых норм. Такой подход позволяет отделить внешнюю характеристику деяния от последующих элементов юридического состава, включая вину, субъективную сторону и окончательную правовую квалификацию.

Таким образом, использование термина «внешне противоправное деяние» обеспечивает более строгую логико-правовую конструкцию, поскольку фиксирует именно внешний, наблюдаемый аспект поведения как первичный объект правовой оценки, исключая при этом преждевременное отождествление фактического поведения с окончательно установленной противоправностью. Это способствует повышению терминологической определённости и методологической корректности в анализе структуры правонарушения.

В отличие от правонарушения как сложного социально-правового феномена, включающего субъективные характеристики (вину, вменяемость, возраст юридической ответственности), внешне противоправное деяние характеризует исключительно факт нарушения

правовой нормы, не затрагивая психическое отношение субъекта к содеянному.

Большинство классиков правовой теории (В.С. Нерсисянц, О.Э. Лейст, В.Я. Лубашиц, В.В. Лазарев и др.) считают, что для признания деяния правонарушением необходимо наличие виновности, способности лица осознавать характер своих действий и достижение возраста юридической ответственности. Отсутствие хотя бы одного из этих признаков исключает квалификацию поведения как правонарушения, хотя факт объективного нарушения нормы остаётся. Уже в советский период учёные подчёркивали, что противоправность сама по себе ещё не порождает юридической ответственности. Так, например О.С. Иоффе писал, что «ответственность в праве основывается на наличии общественно опасного, противоправного и виновного деяния; отсутствие хотя бы одного из указанных признаков лишает правовую систему основания для привлечения субъекта к ответственности. Ответственность возможна исключительно за деяние, наделенное признаком вины, причём виновность предполагает наличие противоправности, которая может быть присуща только конкретному поведению»[56, с. 339].

Другого мнения придерживается Л.И. Спиридонов, который считает, что «в отдельных случаях юридическая ответственность может наступать не только за полноценное правонарушение, но и за действия, обладающие признаком объективной противоправности, даже при отсутствии полного состава правонарушения» [104, с. 288].

Объективная противоправность – это внешнее несоответствие поведения установленным государством нормам, выражающееся в действии либо бездействии, нарушающем предписания права, но совершаемом лицом, которое: не достигло возраста юридической ответственности, не обладает вменяемостью, не имеет сознательного или волевого отношения к содеянному либо действует в состоянии объективной невозможности соблюдения нормы. Такое деяние можно назвать «объективное противоправное деяние», так как оно обладает

признаками объективной стороны, но других признаков не имеет [111, с. 855].

Согласно И.А. Кузьмину, «объективно противоправное деяние представляет собой нарушение правовой нормы, лишённое субъективного элемента, что делает его внешне схожим с правонарушением, однако не позволяющим отнести его к категории юридически наказуемых деяний. И.А. Кузьмин справедливо подчеркивает, что подобное деяние может быть результатом как действия, так и бездействия субъекта, но не образует состава правонарушения из-за отсутствия вины и субъективной осознанности» [195, с. 40-42].

Современная теория объективной противоправности основывается на выводе о том, что правонарушение – это объективная противоправность + субъективная виновность. Отсутствие второй части разрушает состав правонарушения, но не отменяет факта нарушения правовой нормы.

В современной юридической науке, наряду с классической субъективной концепцией вины, получила развитие и альтернативная доктрина объективной, или безвиновной ответственности, основанная на признании возможности наступления юридических последствий за деяние вне зависимости от установления вины субъекта. Данная «доктрина исходит из того, что «риск» при совершении объективно противоправного деяния выступает основным элементом субъективной стороны» [80, с. 210-211]. Сторонники данной теории (В.А. Ойгензихт, О.А. Красавчиков и др.) считают, что в отдельных правовых режимах социальная значимость охраняемых отношений настолько высока, что право допускает возложение ответственности при наличии одного лишь факта противоправного поведения или наступления вреда.

Сторонники этой концепции исходят из того, что: в ряде отраслей права (гражданское, предпринимательское, экологическое, транспортное) вред может возникать независимо от субъективного

отношения лица к своим действиям; наличие риска, связанного с деятельностью субъекта, делает возможным возложение ответственности исключительно по факту нарушения; в случаях причинения вреда источником повышенной опасности ответственность наступает по факту объективного нарушения.

Объективная ответственность рассматривается в литературе как специфический юридический механизм, который функционирует вне рамок традиционного субъективного деликта, поскольку не требует исследования внутренних психических характеристик поведения субъекта – умысла, неосторожности, волевого контроля и способности к правосознательному выбору. В основе данной концепции лежит идея перераспределения рисков и обеспечения максимально возможной защиты интересов потерпевших и общества в целом.

Не вступая в полемику со сторонниками данной концепции, мы считаем, что, хотя целью безвиновной ответственности является облегчение положения потерпевшего, но на практике остаются серьёзные сложности с доказательством причинно-следственной связи и размера вреда, что приведет к коренным изменениям постулатов правонарушения в общей теории права. Однако даже сторонники безвиновной ответственности отмечают, что внешне противоправное деяние — это не правонарушение в строгом смысле, а лишь основание для возложения обязанности возместить вред.

Таким образом, в рамках альтернативной доктрины объективная ответственность рассматривается не как исключение из классической теории, а как самостоятельный тип юридической ответственности, используемый в сферах повышенного риска, где устранение вреда важнее, чем установление степени субъективной вины. В научной литературе она нередко представляется как одна из форм «функционально ориентированной ответственности», обеспечивающей превенцию, стабильность оборота и защиту интересов более слабой стороны правоотношения.

Именно поэтому законодательство, опираясь на общепризнанные правовые принципы, проводит различие между внешне противоправным деянием и правонарушением как юридическим фактом. Внешне противоправным называется такое поведение, которое нарушает диспозицию правовой нормы, но не всегда образует состав правонарушения. Наиболее показательный пример — деяния, совершённые лицами, не достигшими возраста наступления юридической ответственности. Несмотря на то, что их действия могут причинять вред или нарушать правовые предписания (имущественные повреждения, мелкие хулиганские проявления, вред здоровью, уничтожение вещей и др.), они не квалифицируются как правонарушения, поскольку отсутствует субъективная способность к осознанию противоправности.

В правовой теории такой подход обосновывается категорией неделиктоспособности, согласно которой малолетний субъект (обычно до 14 лет для уголовной ответственности и до 16 лет — для административной) не способен к правовой вине. Это закреплено как в национальных законодательных актах (например, в ст. 22-23 Уголовного кодекса Республики Таджикистан, ст. 24 КоАП РТ), так и в международных документах, включая Конвенцию ООН о правах ребёнка (1989), требующих учёта уровня интеллектуального и волевого развития несовершеннолетнего при привлечении его к ответственности (ст. 40).[3] Юридическая ответственность в таких случаях возлагается либо на родителей, либо на попечителей (по нормам гражданского законодательства о возмещении вреда), однако само деяние не признаётся правонарушением, ибо отсутствует ключевой элемент состава — вина.

Таким образом, как отмечает Е.В. Бестужева, «не являются правонарушением объективно противоправные деяния, совершенные лицами, не достигшими возраста, с которого наступает юридическая ответственность» [162, с. 132].

Внешне противоправные деяния несовершеннолетних не являются правонарушением и не влекут юридической ответственности самого ребёнка, поскольку в силу возрастных особенностей он не обладает полной деликтоспособностью, то есть способностью осознавать фактический характер и общественную значимость своих действий и руководить ими. В отсутствие данного элемента у субъекта состава правонарушения исключается и возможность для установления вины, которая в юридической доктрине рассматривается как обязательный элемент правонарушения. Следовательно, при отсутствии деликтоспособности отсутствует один из обязательных элементов состава правонарушения, что исключает возможность возложения юридической ответственности.

Эта идея прямо выражена и в современном национальном законодательстве, в котором чётко закреплены возрастные пороги уголовной, административной и гражданско-правовой деликтоспособности.

Основой деликтоспособности является дееспособность, то есть способность лица своими действиями приобретать юридические права и исполнять юридические обязанности. Следовательно, недееспособное лицо является одновременно и неделиктоспособным. По этой причине к юридической ответственности не привлекаются малолетние, лица, признанные судом недееспособными, а также лица, находящиеся в состоянии невменяемости.

Не являются правонарушением деяния невменяемых лиц. Деяние, совершенное невменяемым лицом, не может быть признано правонарушением, поскольку в юридической доктрине правонарушение традиционно рассматривается как виновное, противоправное и общественно вредное поведение субъекта права, обладающего необходимыми психическими и волевыми качествами. Невменяемость исключает один из ключевых элементов состава любого правонарушения

– вину, которая предполагает способность лица осознавать фактический характер своих действий и руководить ими.

Невменяемость традиционно рассматривается в правовой доктрине как состояние психической деятельности, исключающее способность лица осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими. Такое понятие закреплено в ст. 24 УК РТ, где прямо указано, что уголовной ответственности не подлежит лицо, которое во время совершения общественно опасного деяния находилось в состоянии невменяемости, то есть не могло осознавать фактический характер и общественную опасность своего действия или бездействия либо руководить ими вследствие хронического психического заболевания, временного расстройства психики, слабоумия или иного болезненного состояния психики.

Следовательно, деяние невменяемого лица не является правонарушением в юридическом смысле, несмотря на его объективную противоправность или даже общественную опасность. Эта позиция отражена в некоторых научных исследованиях [184].

Таким образом, в юридической литературе высказывается позиция о взаимной исключительности понятий «невменяемость» и «невиновность». В таком подходе просматривается упрощенная схема: «невменяем – значит невиновен». Эта проблема на протяжении длительного времени являлась предметом дискуссий как в отечественной, так и в зарубежной доктрине.

Так, по мнению А.М. Хужина, «соотнесение категорий вины и невменяемости и рассмотрение последней как частного случая невиновности представляется методологически неверным, поскольку данные понятия имеют различную юридическую природу»[221, с. 32]. Г.В. Назаренко указывает, что «сущность невменяемости заключается в невозможности проставления в вину лицу общественно опасного деяния, совершенного в состоянии психического расстройства или слабоумия, достигшего степени, исключающей способность осознавать характер

своего поведения»[78, с. 73]. Категория «невменяемость» служит правовым механизмом исключения таких лиц из числа субъектов ответственности, поскольку невменяемый «не способен действовать виновно в силу психического дефекта» [169, с. 93].

Как справедливо подчёркивает И.А. Минникес, «психическое состояние субъекта – одно из базовых условий включения его в круг деликтоспособных лиц. Лицо, страдающее тяжёлым психическим расстройством, не способно оценивать фактический характер своего поведения, предвидеть последствия либо руководить своими действиями. Следовательно, такое лицо не может являться носителем субъективной стороны правонарушения, поскольку оно лишено способности действовать виновно» [141, с. 20].

Научная дискуссия в юридической литературе длится десятилетиями, однако преобладающая позиция состоит в том, что: невменяемое лицо не может совершить правонарушение, так как юридически отсутствует главный элемент состава – субъект, обладающий способностью к вменению.

Следовательно, даже если деяние является внешне противоправным, оно не образует правонарушения, поскольку отсутствует субъект ответственности и вина как субъективный элемент.

Для выявления того, является ли субъект вменяемым, научная доктрина выделяет три взаимосвязанных критерия.

1.1. Возрастной критерий. Возрастной критерий деликтоспособности представляет собой нормативно установленный юридический порог, выражающий минимальный возраст, с достижением которого законодатель презюмирует наличие у лица необходимого уровня интеллектуального, социального и волевого развития для осознания характера своих действий и руководства ими. При этом индивидуальные особенности психического развития, включая случаи опережающего интеллектуального формирования, не влияют на правовую оценку возраста субъекта, поскольку возрастной критерий

носит формально-юридический характер и применяется единообразно ко всем лицам.

Как отмечает Л.М. Алтынбаева, определение «возрастного порога ответственности фактически является установлением возрастной вменяемости, основанной на интеллектуальном и волевом развитии личности» [184, с. 57].

Т. е. достижение установленного законом возраста является не просто биологическим фактом, а моментом признания способности лица осознавать и контролировать своё поведение, что имеет фундаментальное значение для правовой оценки деяния.

1.2. Юридический критерий. Юридический критерий невменяемости традиционно является центральным в определении способности лица к ответственности. Ряд исследователей подчёркивают, что по своей природе он представляет собой психологический критерий, так как включает такие элементы психической деятельности, как способность осознавать происходящее и руководить своим поведением. Именно поэтому некоторые авторы предлагают рассматривать юридический критерий как состоящий из двух самостоятельных признаков: интеллектуального и волевого. Так, согласно ряду исследований, указанные “моменты” (этапы) фактически функционируют как два отдельных психологических критерия, хотя традиционно они объединены в рамках одного - юридического.

В.С. Орлов, анализируя юридический критерий, отмечает, что “в реальности интеллектуальный и волевой признаки могут проявляться раздельно, что объясняет “сохранение самостоятельного значения” каждого из них даже при глубоком поражении психических функций”[84]. По мнению этого автора, такая относительная автономность даёт основание рассматривать оба признака как отдельные психологические критерии, несмотря на их взаимосвязанность.

Таким образом, особая роль в формуле невменяемости принадлежит именно юридическому критерию, поскольку он определяет, имелись ли у лица необходимые интеллектуальные и волевые качества для понимания фактического и социального содержания своего поведения. Если установлено, что в момент совершения деяния лицо:

- не осознавало фактического характера и общественной опасности своих действий;

- не могло руководить своими действиями,

то юридический критерий считается установленным.

Принципиальное значение имеет использование в законе союза “или” – он означает, что достаточно отсутствия хотя бы одного признака, чтобы лицо считалось невменяемым. Таким образом, невменяемость может быть обусловлена: 1) только интеллектуальным дефектом; 2) только волевым дефектом; 3) либо их сочетанием.

1.3. Медицинский критерий. Медицинский критерий невменяемости представляет собой установленное клиническое состояние психики лица, выражающееся в наличии психического расстройства такой степени, которая объективно нарушает нормальное функционирование сознательно-волевой сферы. В научной литературе психическое расстройство определяется как «обусловленное внутренними или внешними факторами нарушение деятельности головного мозга, приводящее к искажённому отражению реальности и дезорганизации поведения личности»[188]. В уголовно-правовой доктрине традиционно выделяется несколько групп состояний, охватываемых данным критерием: хронические психические заболевания (шизофрения, маниакально-депрессивный психоз и др.), временные психические расстройства (алкогольные и иные психозы, патологические аффекты), слабоумие различной степени (дебильность, имбецильность, идиотия) и иные болезненные состояния психики, функционально подобные указанным.

Медицинский критерий невменяемости фиксирует наличие психического расстройства, однако правовое значение он приобретает лишь во взаимосвязи с юридическим критерием, поскольку сам по себе не позволяет установить способность лица осознавать характер и общественную опасность своих действий и руководить ими. Поэтому медицинский критерий оценивается не изолированно, а только во взаимосвязи с юридическим критерием. Тем не менее, именно он формирует объективную биологическую основу для последующего правового анализа состояния лица и занимает ключевое место в механизме разграничения вменяемости и невменяемости.

Таким образом, деяние невменяемого лица не признаётся правонарушением, поскольку при отсутствии способности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий или руководить ими отсутствует ключевой элемент состава — вина. Лицо не может нести юридическую ответственность за поведение, которое оно не контролировало психически. Поэтому к таким лицам применяются не меры уголовного наказания, а принудительные меры медицинского характера, предусмотренные уголовным законодательством, что отражает гуманистический и научно обоснованный подход права к оценке человеческих поступков.

Рассматривая институт невменяемости в рамках общей теории права, следует отметить, что данный правовой феномен имеет универсальный характер и находит отражение не только в современных национальных правовых системах, но и в религиозно-правовых традициях, включая мусульманское право. В этой связи представляется целесообразным обратиться к анализу мусульманско-правовой доктрины с целью выявления общих и отличительных подходов к пониманию невменяемости как основания исключения юридической ответственности.

Концепция невменяемости (arab. al-junun — безумие, отсутствие разума; 'adam al-tamyiz — отсутствие способности различать) занимает

центральное место в мусульманской уголовно-правовой доктрине, поскольку именно разум и свободная воля признаются исходными условиями существования юридической ответственности. Исламское право исходит из того, что человек становится субъектом ответственности лишь при наличии сознания ('aql) и свободы воли (ikhtiyar). Как отмечал Абдэль-Кадер Ауда, «только сознание и свобода воли делают человека субъектом ответственности», именно эти два качества требуют, чтобы субъект ответственности был вменяемым, совершеннолетним и действующим без принуждения».[39, с. 220-260]

Религиозно-нормативным основанием для исключения ответственности невменяемых лиц является хадис пророка Мухаммада, который устанавливает абсолютный принцип непривлечения к ответственности трёх категорий лиц: «Не записываются поступки трёх: ребёнка — пока не достигнет совершеннолетия; спящего — пока не проснётся; и сумасшедшего — пока не обретёт разум» (Сахих аль Бухари, №1084) [208].

Этот хадис имеет статус иджма — единодушного согласия исламских правоведов. Он формирует фундаментальный принцип: отсутствие разума исключает как греховность (ithm), так и юридическую ответственность (mas'uliyya).

Многие факихи, включая имама аш-Шафия, имама Малика и имама Абу Ханифу, подчёркивали, что деяние невменяемого лица не может считаться ни преступлением (jina'ya), ни правонарушением, так как в нем отсутствует элемент квалификации деяния как виновного — осознание и выбор.

В мусульманском праве категория «субъект преступления» определяется двумя основными критериями:

1. Возрастной критерий (bulugh / rushd).
2. Интеллектуально-волевой критерий ('aql — разумность).

С точки зрения мусульманского права, субъектом ответственности может быть только «живой, находящийся в здравом уме человек,

обладающий необходимой религиозной и гражданской дееспособностью. Лица, не достигшие половой зрелости, могут подвергаться лишь мерам воспитательного характера, но не несут полной ответственности за свои поступки» [115, с. 43-44].

Данное определение близко по содержанию к современному юридическому понятию вменяемости, однако в исламской традиции оно основано на религиозно-этической природе права.

Невменяемым считается лицо, чья психическая функция нарушена настолько, что оно не осознаёт сути совершаемого действия, не понимает его последствий, действует без контроля воли.

К этой категории относятся лица, страдающие постоянной или периодической умственной болезнью; лица, находящиеся в состоянии временного аффекта или психоза; слабоумные (*maḥjur*), не достигшие разумного различения.

Исламское право выделяет особую категорию деяний, совершённых невиновно (без умысла и не по собственной воле):

- действия под принуждением (*ikrah*);
- действия, вызванные крайней необходимостью (*ḍarra*);
- действия по ошибке (*khata'*);
- действия в состоянии вынужденности (*idtīrar*).

По общему мнению правоведов, такие деяния также не образуют преступления.

Пример — хадис о голодном человеке, вынужденном украсть еду: вина ложится на общину, потому что она обязана была поддержать нуждающегося.

Мусульманское уголовное право сформировало одну из наиболее последовательных доктрин исключения вины, опираясь на хадис о трёх категориях и принцип «нет ответственности без разума». Это делает исламскую концепцию невменяемости самостоятельным и завершённым юридическим институтом.

В отличие от современных правовых систем, использующих комплексную систему медицинских и юридических критериев, мусульманская доктрина опирается на более универсальный критерий наличия разума и свободы воли как условий юридической ответственности.

Важным отличием является возложение материального вреда на род или опекуна. Это показывает, что исламское право не оставляет потерпевшего без защиты, даже исключая уголовную ответственность.

Мусульманское право опережает многие современные системы, вводя нормы о невменяемости как принципе, имеющем статус иджма — непререкаемой нормы, исключающей любые вариации толкования.

Таким образом, деяния невменяемого лица не признаются правонарушением, поскольку в них отсутствуют элементы вины и осознанности. Это соответствует общему шариатскому принципу: «Аллах не взыщет с того, кто не способен понять или контролировать свои действия» (Коран, 5:89). В мусульманской правовой доктрине наряду с принципом невменяемости признаётся институт оправдания по причине неведения (аль-удр би-ль-джахль), согласно которому ответственность лица может исключаться при отсутствии фактической осведомлённости о правовом предписании, если данное неведение является объективно оправданным и не связано с его недобросовестностью или пренебрежением обязанностью познания нормы. При этом данный принцип не носит абсолютного характера и не распространяется на общеизвестные нормы, обязательные к знанию в рамках мусульманского правопорядка.

Следующим основанием, при котором деяние не квалифицируется как правонарушение, является невиновное причинение вреда. Согласно ст. 31 УК РТ, деяние признается совершенным невиновно, если лицо, его совершившее, не сознавало и по обстоятельствам дела не должно было или не могло осознавать общественной опасности своего действия (бездействия) либо не предвидело возможности для наступления

общественно опасных последствий и по обстоятельствам дела не должно было или не могло их предвидеть. Деяние признается также совершенным невиновно, если лицо, его совершившее, хотя и предвидело возможность наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия), но не могло предотвратить эти последствия в силу несоответствия своих психофизиологических качеств требованиям экстремальных условий или из-за нервно-психических перегрузок.

Часть 2 ст. 10 КоАП РТ также закрепляет, что привлечение к административной ответственности за невиновное причинение вреда не допускается.

В научной доктрине накоплен значительный массив примеров, свидетельствующих, что при анализе невиновного причинения вреда акцент традиционно делается на охране уголовно-правовых интересов. Например, Н.С. Таганцев подчёркивал, что «признание события случайным возможно лишь в отношении субъектного восприятия индивида, поскольку в объективной реальности каждое явление является неизбежным следствием предшествующих причин. Иными словами, абсолютной случайности в природе не существует. Но и в уголовно-правовой плоскости случай трактуется как вмешательство обстоятельств, которых лицо не предвидело и не могло предвидеть при проявлении должного внимания к своей деятельности, либо наступление которых представляет собой не абсолютное, а относительное явление, оцениваемое через призму возможностей и сознания конкретного субъекта» [107, с. 225].

При этом невиновное причинение вреда и деяния невменяемых лиц представляют собой две взаимосвязанные, но различные формы правовой аномалии, в которых формальная противоправность поведения расходится с отсутствием субъективной основы для ответственности. В первом случае (невиновный вред) лицо соответствует всем внешним признакам субъекта, завершает объективную сторону деяния и причиняет ущерб, однако вследствие случайности,

непреодолимой силы, добросовестного заблуждения или вынужденного выполнения чужого распоряжения лишено возможности предвидеть или предотвратить последствия своих действий; в результате отсутствует вина – ключевой компонент правонарушения. Во втором случае (невменяемость) лицо лишено возможности осознавать и/или руководить поведением, что устраняет саму возможность вменения.

Таким образом, необходимо различать правонарушения и внешне противоправные деяния (объективно противоправные деяния). К последним деяниям относятся действия, совершённые лицами, не достигшими установленного возраста, деяния невменяемых лиц и случаи невиновного причинения вреда. Несмотря на наличие внешнего несоответствия норме и возможного причинения вреда, указанные деяния не образуют правонарушения ввиду отсутствия субъективной стороны состава.

3.4. Правонарушение и правовая ошибка

Категория правовой ошибки является одной из самых сложных и малоисследованных в общей теории государства и права. Она занимает промежуточное положение между правовым сознанием, правоприменением и механизмом юридической ответственности. На практике правовые ошибки проявляются не реже, чем правонарушения, однако, в отличие от последних, они не имеют признаков противоправности и виновности, а возникают вследствие дефектов познания, интерпретации или логического построения юридических конструкций.

Исследование категории правовой ошибки приобретает всё более значимую роль в современной правовой науке, поскольку качество функционирования правовой системы напрямую связано с точностью юридического мышления, корректностью правотворческих решений и обоснованностью правоприменительной деятельности. По мере усложнения законодательства и процедур правоприменения возрастает

вероятность отклонений, которые не носят характера нарушения закона, но способны существенно повлиять на результаты юридической деятельности. Эти отклонения в научной литературе обозначаются как правовые ошибки.

В отличие от правонарушений, правовые ошибки возникают не вследствие противоправного поведения, а как следствие несовершенства познания, неполноты информации, дефектов логического анализа или некорректного использования правовых средств. Они не обладают признаком виновности и не направлены на достижение противоправных целей, однако могут стать причиной неэффективности правового регулирования, искажения правоприменительной практики, ошибок интерпретации, пробелов в законодательстве и иных негативных последствий. Именно поэтому теоретическое исследование правовой ошибки — важная составляющая развития научной доктрины права и оптимизации деятельности государственных органов.

Современная правовая система характеризуется высокой нормативной плотностью, динамичностью законодательства, усложнением административных процедур и ростом объёма юридической деятельности. В такой среде вероятность допущения правовой ошибки закономерно увеличивается. То, что ещё в середине XX века рассматривалось как исключение, сегодня стало регулярным элементом правового процесса [92, с. 89]. Именно поэтому ведущие представители юридической науки — Ю.П. Боруленков, Л.Д. Гаухман, М.Л. Голубева, В.В. Лазарев — уделяют изучению правовых ошибок особое внимание.

Для полноценного понимания природы правовой ошибки необходимо, прежде всего, раскрыть этимологию и значение двух значимых понятий — «заблуждение» и «ошибка». Несмотря на близость этих категорий, они не являются идентичными. Как справедливо отмечает Е.В. Бестужева, «ошибка и заблуждение имеют схожее

смысловое значение, однако ошибка носит значение итогового результата, а заблуждение характеризует процесс, действие» [162, с. 136].

Заблуждение представляет собой психическое состояние субъекта, возникающее при искажённом восприятии фактов, норм права или правовых последствий. Это внутренний когнитивный дефект, связанный с неправильным пониманием действительности. Заблуждение существует на уровне сознания и может как проявиться внешне, так и остаться нереализованным в поведении.

Ошибка, напротив, уже совершившееся действие, решение или вывод, сформированные под влиянием заблуждения. Ошибка имеет юридическое значение только тогда, когда проявляется в юридически значимых действиях: принятии правового акта, вынесении решения, квалификации деяния, толковании нормы и т.д.

Таким образом, если заблуждение - это внутреннее состояние искажения знания, то ошибка — результат проявления заблуждения вовне, его материализация в юридической деятельности.

Это позволяет сделать важный вывод: правовая ошибка всегда опирается на заблуждение, но не всякое заблуждение трансформируется в юридически значимую ошибку.

Отсутствие законодательного определения правовой ошибки обусловило формирование множества научных подходов, различающихся по акцентам, уровню абстракции и сфере применения.

Категория правовой ошибки в современной юридической науке рассматривается как комплексное междисциплинарное явление, которое затрагивает природу правового регулирования, структуру юридического мышления и механизм правоприменения. Учёные не сводят её к одному направлению или подходу – наоборот, в работах различных авторов правовая ошибка трактуется через призму тех процессов, где она проявляется: в законотворчестве, в правоприменении, в толковании, в оценке фактов и сознании правового субъекта.

Ю.П. Боруленков рассматривает «правовую ошибку как объективно неправильный результат юридической деятельности, который возникает при корректном стремлении субъекта действовать в рамках права, но при неверном понимании его содержания. Он подчёркивает отсутствие противоправности и виновности» [125, с. 50]. М.Л. Голубева, исследуя судебные ошибки, подчёркивает, что «ошибка может иметь языковую, системную, логическую или гносеологическую природу. Она определяет правовую ошибку как результат некорректно сформированной нормы или ошибочного правоприменительного решения, возникающего из-за несоответствия между нормой и социальными условиями» [166, с. 10]. В уголовно-правовой литературе правовая ошибка анализируется в контексте субъективной стороны деяния. Л.Д. Гаухман, А.И., Рарог, подчёркивают, что ошибка в преступности или неправомерности поведения субъекта определяет параметры вины. Неверное представление о правовой природе деяния может полностью исключать умысел или исказить форму вины, если лицо добросовестно заблуждалось относительно правомерности своих действий [92, с. 89].

В административно-правовой науке Н.Н. Вопленко отмечает, что «...ошибки в применении права нередко возникают в результате неправильной властной деятельности специальных субъектов» [127, с. 38]. Очень развёрнутое и весьма объемное определение правовой ошибки в административном праве даёт Н.А. Бочарникова, которая пишет, что «административная ошибка – это негативный результат, обусловленный заблуждением так называемых властных субъектов административного права (исполнительных органов государственной власти, административных органов, должностных лиц, государственных служащих) относительно совершаемых ими юридически значимых действий (бездействия), принимаемых нормативных правовых актов и административных актов (решений), препятствующий достижению поставленных перед ними целей, искажающий и нарушающий порядок

исполнения государственных функций и предоставления государственных услуг».[44, с. 30]

В юридической литературе авторами различаются виды правовых ошибок, таких как законотворческая ошибка, ошибка в уголовном праве, ошибка в административном праве, которые в свою очередь подразделяются на подвиды. Следует подчеркнуть, что проблема классификации правовых ошибок в рамках общей теории права до настоящего времени остаётся недостаточно систематизированной. Несмотря на обширность научной литературы, единый общепринятый подход к типологизации ошибок пока не сформирован. Вместе с тем в ряде исследований предпринимаются попытки упорядочить это явление.

Законотворческая (правотворческая) ошибка. Законотворческая ошибка возникает на стадии создания нормы и проявляется в нелогичности нормативной конструкции, использовании неоднозначной или неточной терминологии, несбалансированности прав и обязанностей, игнорировании фактических общественных процессов, создании коллизий, пробелов или внутренних противоречий.

Такая ошибка влияет на всю правовую систему, поскольку дефект заложен уже в первичной модели правового регулирования.

Проблема качества закона появилась очень давно, чему примером служит описанный Платоном диалог между Сократом и Гиппием: «Сократ: Как ты скажешь, Гиппий, вред или польза для государства закон? Гиппий: Устанавливается закон, я думаю, ради пользы: иногда же он приносит и вред, когда его плохо установили» [85, с. 390].

Законотворческая (правотворческая) ошибка – это реализованное в официальном акте добросовестное заблуждение или следствие неверных действий со стороны законотворческого органа, которые приводят к нарушению общих принципов правотворчества или конкретных технологических правил создания норм. В результате такой ошибки нормативный акт оказывается не соответствующим потребностям регулирования, противоречит логике развития регулируемых

общественных отношений и порождает неблагоприятные последствия в правовой, социальной и иных сферах жизни. При анализе такого явления важно не отождествлять его с правонарушением: в последнем ключевой элемент – форма вины (умысел или неосторожность) и наличие противоправного поведения, тогда как правотворческая ошибка в своей основе связана с дефектом юридического знания, проектной работы или методики нормотворчества, а не с намеренным нарушением. В практической плоскости это означает, что при исследовании дефектов нормативного акта правоприменителю и эксперту, прежде всего, необходимо установить, как именно происходила подготовительная работа: была ли проведена должная экспертиза, насколько полно учтены общественные реалии, соблюдены ли стандарты правовой техники, - и на этой основе определить способы оперативного исправления выявленных недостатков.

Под коллизией понимается несоответствие или противоречие между различными нормативными предписаниями, которые регулируют одни и те же либо смежные общественные отношения, а также противоречия, проявляющиеся в практике: когда компетентные органы при реализации своих полномочий приходят к несовместимым выводам. Коллизии сами по себе не равнозначны правонарушениям: они чаще выступают как симптом незавершённости или несовершенства правовой модели. При этом коллизии могут иметь «двойкий эффект» — помимо негативных последствий (неопределённость правового положения, увеличивающееся число споров), они иногда стимулируют развитие права, выступая индикатором необходимости реформ и уточнения норм (процесс адаптации правовой системы к новым общественным отношениям).

Нужно также разграничивать правовую коллизию и юридический конфликт. По мнению Ю. А. Тихомирова, «Юридический конфликт — это, по сути, противоречие между действующими правовыми нормами, актами и институтами и стремлениями по их изменению; с этой точки зрения понятия «коллизия» и «конфликт» близки» [153, с. 4]. В то же

время точка зрения В. Н. Кудрявцева более строгая: «Конфликт — прежде всего противоборство между людьми, а противоречия между нормами служат лишь причиной или поводом для такого противоборства; юридическим конфликтом в этом контексте признаётся лишь тот спор, в котором предмет спора имеет выраженную правовую природу» [138, с. 10]. На наш взгляд, позиция В.Н. Кудрявцева справедливее отражает соотношение норм и социальных факторов: нормы могут создавать условия для конфликта, но реальное конфликтное взаимодействие разворачивается между субъектами, чьи интересы затрагиваются этими нормами.

Таким образом: законотворческая ошибка — это результат добросовестного, но ошибочного правотворческого решения; правовая коллизия — объективный признак несовершенства нормативной системы, не тождественный правонарушению; юридический конфликт — социальное противоборство субъектов, основой которого иногда становятся коллизии; правотворческая ошибка сама по себе не свидетельствует о наличии вины у законодателя, но может стать источником правонарушений в практической реализации норм.

В ряде постсоветских государств, включая Республику Таджикистан, нередко возникают ситуации, когда при внесении поправок в отраслевое законодательство (например, в налоговую, трудовую или предпринимательскую сферы) не проводится комплексная согласующая экспертиза. Это приводит к тому, что новые положения формально вводятся в действие, но механизмы их реализации противоречат действующим требованиям в других законах или подзаконных актах. Типичным примером может служить следующее: вводится льгота или исключение в одном законе, однако в кодексе процедур (или в правилах налогового администрирования) отсутствуют инструкции по её применению либо сохраняются терминологические расхождения — в итоге налоговые органы и суды по-разному трактуют право на льготу,

что вызывает массовые административные споры и перераспределение правоприменительных практик.

Такой пример важен потому, что показывает переход от законотворческой ошибки (несогласованная норма) к правоприменительной проблеме (различные органы по-разному применяют акт), а затем уже к возникающим правонарушениям (нарушения со стороны администраторов или налогоплательщиков в условиях правовой неопределённости). Для устранения подобных случаев необходима процедурная доработка — в первую очередь обязательная межведомственная экспертиза проектов, регуляторная оценка последствий RIA⁶ и публикация методических разъяснений для органов, на которые возложена реализация новой нормы.

Законотворческая ошибка — это не следствие злого умысла, а проявление несовершенства процесса создания права. Однако её последствия могут быть столь же разрушительны для правопорядка, как и обычное правонарушение, если ошибка остаётся без своевременной коррекции. Поэтому важна системная политика предотвращения ошибок на стадии правотворчества и эффективные инструменты их оперативного исправления на практике.

Ошибка в уголовном праве. Особое внимание в научной литературе уделено месту правовой (юридической) ошибки в уголовном праве. Классифицируя ошибки в уголовном праве, А.К. Гацайниева выделяет «две разновидности юридических ошибок в уголовно-правовой науке: 1) юридическая ошибка относительно собственности деяния; 2) юридическая ошибка относительно неправомерности деяния» [189, с. 368]. Л.М. Голубева, предлагая авторское определение классификации ошибок в уголовном праве, разделяет их на «однородные группы: правотворческие, правоприменительные, правоинтерпретационные ошибки» [166, с. 16].

⁶ RIA (Regulatory Impact Assessment) – оценка регулирующего воздействия; метод анализа последствий разрабатываемых нормативных актов.

Правовая ошибка в уголовном праве представляет собой неверное представление субъекта о юридической природе совершаемого деяния, его уголовно-правовых последствиях или статусе запрета. В отличие от фактической ошибки, которая связана с неправильным восприятием обстоятельств действительности, правовая ошибка затрагивает область знания закона, т.е. понимание содержания уголовно-правовых норм и их применения. Это представляет собой особый тип юридической ошибки, так как от корректной квалификации и структуры субъективной стороны зависят как определение виновности, так и установление юридической ответственности.

Правовая ошибка в уголовном праве — это доверительное, но неверное убеждение лица относительно того, является его поведение преступным или непроступным, наказуемым или ненаказуемым, либо каким образом закон оценивает последствия его действий. В уголовно-правовой доктрине такое заблуждение рассматривается как отклонение между внутренним юридическим представлением субъекта и требованиями действующего закона.

Известные представители науки уголовного права Л.Д. Гаухман, А.И. Рарог, подчёркивают, что правовая ошибка затрагивает интеллектуальный компонент вины, поскольку лицо действует исходя из неправильного понимания правовых норм. Это отличает правовую ошибку от фактической: последняя касается обстоятельств, первая — содержания запрета.

Уголовно-правовая наука традиционно выделяет два основных вида правовых ошибок.

1. Ошибка в противоправности деяния (ошибка в уголовно-правовой запрещённости). Лицо заблуждается относительно того, запрещено или разрешено его поведение:

– субъект считает свои действия правомерными, тогда как закон их запрещает;

– субъект считает своё действие преступлением, хотя оно фактически не является таковым (мнимое преступление).

Первый вариант может исключать вину, если заблуждение является непреодолимым: лицо не могло знать и не обязано было знать о противоправности.

Второй вариант чаще встречается в международной практике (например, при оценке самообороны или повреждении имущества), где субъект из страха перед наказанием добровольно заявляет о «преступлении», которого не существует по закону.

2. Ошибка в уголовно-правовых последствиях или квалификации.

Лицо заблуждается относительно тяжести преступления, специального статуса потерпевшего, квалифицирующих признаков. Пример: субъект считает, что его действие влечёт лишь административную ответственность, хотя оно образует состав преступления. Такие ошибки могут смягчать ответственность, если они влияют на форму вины (например, исключают прямой умысел).

Институт правовой ошибки получил наиболее последовательное законодательное оформление в уголовном праве Германии. § 17 Уголовного Уложения ФРГ прямо регламентирует ситуацию запретительной ошибки (*Verbotsirrtum*), то есть заблуждения лица относительно противоправности совершаемого деяния. Согласно данному положению, если субъект не осознавал незаконность своего действия и при этом его заблуждение являлось непреодолимым (то есть лицо не могло избежать его при приложении разумных усилий), то поведение считается невиновным, что исключает уголовную ответственность. Так, примером непреодолимого заблуждения может служить ситуация, когда лицо действует на основании официального акта государственного органа, впоследствии признанного незаконным либо недействительным. Полагаясь на обязательность и законность такого акта, субъект объективно воспринимает своё поведение как правомерное и не имеет реальной возможности осознать

противоправность совершаемого деяния. В случае, когда заблуждение было преодолимым, законодатель устанавливает иной эффект: ответственность сохраняется, но наказание подлежит смягчению [190]. Например, субъект осуществляет деятельность, связанную с установленными законом ограничениями, не ознакомившись с обязательными требованиями законодательства, несмотря на доступность соответствующей правовой информации. В подобной ситуации лицо могло и должно было осознавать противоправность своего деяния. Таким образом, немецкое законодательство не только признаёт правовую ошибку, но и чётко дифференцирует её виды и правовые последствия.

Значимым является и то, что немецкая теория выработала критерии «непреодолимости», ориентируясь не на субъективное ощущение лица, а на объективный стандарт разумного участника правового оборота. При этом на практике суды учитывают качество публичного информирования государства, сложность нормативного материала, а также отсутствие противоречащих друг другу предписаний. То есть правовая ошибка здесь рассматривается как результат объективной недостаточности правовой информации, а не как проявление незнания закона в бытовом смысле.[32]

В англосаксонской правовой традиции имеется подход иного рода. Исторически он исходит из принципа «*ignorance of the law is no excuse*» («незнание закона не освобождает от ответственности»), однако и здесь существуют категории правовой ошибки, фактически ограничивающие действие принципа. Наиболее показателен американский прецедент по делу «*Lambert v. California*» (1957), когда Верховный суд США признал, что лицо не может нести уголовную ответственность за нарушение нормы, о существовании которой оно не могло знать, поскольку она не была должным образом доведена до населения. Этот прецедент стал основой доктрины «*lack of fair notice*» — «отсутствие надлежащего уведомления о правовом запрете». Суд фактически признал, что

государство несёт обязанность обеспечивать доступность правовых предписаний, а их сокрытие или непрозрачность создаёт юридическую ситуацию, аналогичную непреодолимой правовой ошибке.[33]

Кроме того, в американской уголовно-правовой доктрине существует конструкция «mistake of law concerning an element of the offense», что означает «ошибки в отношении правового элемента состава». В отличие от традиционного незнания закона, такая ошибка касается не общего запрета, а конкретного нормативного признака, который формирует состав преступления. Если субъект ошибочно считал, что определённый статус, разрешение или юридический факт действительно существуют (например, полагал себя уполномоченным на действия), то подобная ошибка может исключить умысел.

Таким образом, несмотря на различие правовых систем, как континентальное, так и англосаксонское право признают ситуации, когда правовая ошибка устраняет либо трансформирует уголовную ответственность, поскольку исключает возможность осознанного нарушения запрета.

Следует отметить, что закрепление института правовой ошибки в законодательстве Германии и прецедентной практике США носит сравнительный характер и не может быть перенесено как прямой аналог в национальное уголовное законодательство Таджикистана, где институт «непреодолимой правовой ошибки» формально не предусмотрен, а принцип «незнание закона не освобождает от ответственности» сохраняет преобладающее значение.

Как мы уже упоминали ранее, на законодательном уровне отсутствует закрепление правовой ошибки. Ряд российских учёных предлагало внести данное понятие в Уголовный кодекс РФ. Например, В.А. Якушин предлагают дополнить статьи 281-282 УК РФ: «если лицо, совершая предусмотренное уголовным законом деяние, добросовестно заблуждалось в отношении его противоправности, оно не подлежит уголовной ответственности. Заблуждение признается добросовестным,

когда с учетом всех обстоятельств содеянного лицо не могло знать о его противоправности», и «если лицо, совершая не предусмотренное уголовным законом деяние, ошибочно считает его противоправным, то оно не подлежит уголовной ответственности» [118, с. 27]. Л.М. Голубева предлагает «выделить отдельную статью в УК РФ - «Формы проявления правовых ошибок», где исключается уголовная ответственность лица, если лицо, совершившее деяние, не осознавало и не могло осознавать его противоправность, если оно добросовестно заблуждалось относительно фактических обстоятельств» [166, с. 8].

В правовой науке Республики Таджикистан самостоятельная разработка категории правовой ошибки практически отсутствует; отдельные её элементы рассматриваются лишь в контексте учения о вине и субъективной стороне преступления. По нашему мнению, правовая ошибка не образует самостоятельного правового явления, требующего отдельного законодательного закрепления, поскольку её юридическое значение уже охватывается действующими институтами вины и индивидуализации уголовной ответственности.

В ходе данного исследования у нас возник вопрос о разграничении принципа «незнание закона не освобождает от ответственности» и института юридической ошибки, которая в отдельных случаях способна исключать виновность лица. На первый взгляд может показаться, что указанное правило делает невозможным любое ссылочное объяснение лица о незнании уголовно-правового запрета. Однако данное впечатление ошибочно. Эти два положения имеют различную правовую природу, различный механизм действия и применяются к неравным ситуациям. Этому же мнению придерживается Е. В. Бестужева [162, с. 138].

Принцип «незнание закона не освобождает от ответственности» действует лишь в тех случаях, когда лицо объективно имело возможность ознакомиться с уголовным законом: проживало в обществе, имело доступ к информации, могло усвоить содержание нормы и предвидеть противоправность поведения. В таких ситуациях незнание является

результатом небрежности или безразличия самого субъекта и не влияет на установление его виновности.

Юридическая ошибка, напротив, характеризуется отсутствием у субъекта реальной возможности знать закон или правильно понять его содержание. Она может возникать вследствие дефектов правотворчества, официального толкования или условий, которые объективно препятствуют восприятию нормы. Здесь речь идёт не о нежелании знать закон, а о невозможности знать его при должной осмотрительности. Поэтому такие случаи не противоречат принципу «незнание закона...», поскольку речь идёт о качественно иной ситуации, где отсутствует сама предпосылка применения принципа — возможность ознакомиться с нормой.

Для более детального понимания различий приведём конкретные примеры.

1. Ситуации, где действует принцип «незнание закона...» (ответственность наступает).

Пример 1. Гражданин А. утверждает, что не знал о наказуемости кражи. Он проживает в обществе, имеет доступ к информации и возможностям изучения закона. Его незнание носит субъективный характер. В данном случае ответственность сохраняется.

Пример 2. Лицо, совершившее мошенничество, заявляет, что не было осведомлено о том, что обман в корыстных целях уголовно наказуем. Принцип применяется, уголовная ответственность наступает. В этих ситуациях лицо могло и должно было знать закон, однако не использовало предоставленные возможности.

2. Ситуации юридической ошибки, где принцип не применяется (ответственность исключается)

Пример 3. Лицо выросло в условиях полной социальной изоляции, не имеет доступа к образованию, средствам информации, никогда не сталкивалось с правовой системой. Оно не знает о существовании уголовно-правового запрета, например, на нарушение специальных

правил оборота редких животных или экономических операций. Такая ошибка не является обычным незнанием закона — это объективная невозможность знать, исключаяющая виновность.

Пример 4. Пленум Верховного Суда или иной компетентный орган даёт официальное, но впоследствии признанное некорректным толкование, из которого следует, что определённое деяние не является преступлением. Субъект действует, опираясь на это толкование. Его заблуждение вызвано дефектом правотолкования, а не собственной небрежностью, поэтому ответственность исключается.

Пример 5. Пробел или неопределённость уголовного закона (неясная, расплывчатая формулировка уголовного запрета) приводит к тому, что лицо не может точно осознать противоправность своего поведения. Ошибка обусловлена дефектом законодательства.

В этих ситуациях субъект не мог знать закон, и потому применение принципа «незнание закона...» было бы неправомерным и несправедливым.

Важнейшим ограничением сферы юридической ошибки является признание того, что она не распространяется на деяния, преступный характер которых очевиден для любого человека, независимо от уровня его юридической информированности. Это убийство, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, изнасилование, разбой и иные посягательства на базовые ценности.

Следует учитывать, что даже в условиях полной социальной изоляции у человека, как правило, сохраняется базовое представление о недопустимости посягательства на такие фундаментальные ценности, как жизнь человека. Это связано не только с универсальными моральными представлениями, но и с устойчивыми культурно-историческими и религиозно-нравственными установками. Поэтому отсутствие знания конкретной уголовно-правовой нормы само по себе не исключает осознания общественной опасности подобных деяний. В связи с этим

юридическая ошибка в отношении посягательств на базовые ценности, как правило, не может исключать ответственности.

Таким образом, принцип «незнание закона не освобождает от ответственности» и юридическая ошибка не являются равнозначными категориями: первый действует при наличии реальной возможности знать закон, вторая — при объективной невозможности восприятия нормы. Однако даже при объективной невозможности знать уголовно-правовые запреты юридическая ошибка не может включать деяния с очевидной общественной опасностью, поскольку их противоправность вытекает не из текста закона, а из исторически сложившихся религиозных, моральных традиций, свойственных каждому человеку.

Таким образом, по нашему мнению, введение специальной статьи о юридической ошибке в Уголовный кодекс РТ является избыточным и теоретически необоснованным. Действующая система вины полностью охватывает случаи добросовестного заблуждения, а законодательное закрепление юридической ошибки приведёт к дублированию норм, ослаблению принципа «незнание закона не освобождает от ответственности», расширению злоупотреблений со стороны обвиняемых и к снижению уровня правовой определённости.

Правовая ошибка и правонарушение относятся к различным правовым явлениям и не могут быть отождествлены ни по своему содержанию, ни по юридическим последствиям. Правовая ошибка представляет собой дефект восприятия или отражения действующего права – будь то заблуждение субъекта относительно содержания нормы, отсутствие реальной возможности знать о запрете или же недочёты самого правотворческого процесса, обусловленные неправильной формулировкой или неопределённостью закона. Правонарушение же, напротив, представляет собой виновное противоправное деяние, обладающее объективной и субъективной стороной, а также несущее общественную вредность (в административном праве) или общественную опасность (в уголовном праве).

Их различие определяется тем, что правовая ошибка больше всего относится к когнитивной сфере и правоприменительному восприятию, тогда как правонарушение – к сфере поведения, предполагающего внешне выраженное противоправное действие или бездействие. Правовая ошибка сама по себе не образует состава правонарушения и не подменяет собой вину и противоправность. Вместе с тем в отдельных случаях она может учитываться при индивидуализации юридической ответственности, в том числе при оценке формы вины и назначении наказания, однако не влияет на квалификацию деяния как правонарушения.

В то же время точки соприкосновения между этими категориями существуют. Правовая ошибка может сопровождать правонарушение, влияя на форму вины, степень общественной опасности или характер противоправности. Она может как ограничивать вину (например, при добросовестном заблуждении о запрете вследствие дефекта правотворчества), так и усиливать её, когда лицо игнорирует очевидный риск нарушения закона. Однако даже в таких случаях ошибка остаётся фактором, влияющим на оценку деяния, но не превращается в самостоятельное противоправное поведение.

Таким образом, правонарушение не является разновидностью правовой ошибки, а правовая ошибка не может квалифицироваться как правонарушение. Указанные категории имеют различную правовую природу и самостоятельное значение: правонарушение представляет собой виновное противоправное деяние, тогда как правовая ошибка выражается в неправильном понимании или применении правовой нормы и может быть обусловлена объективными факторами правоприменительной деятельности, не всегда предполагая наличие виновного противоправного намерения. В то же время правовая ошибка может выступать фактором, влияющим на оценку субъективной стороны деяния, однако не подменяет собой правонарушение и не исключает самостоятельности его юридической квалификации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённое диссертационное исследование представляет собой комплексную теоретико-правовую работу, посвящённую всестороннему анализу правонарушения как фундаментальной категории юриспруденции. В ходе исследования была достигнута поставленная цель и последовательно решены все задачи, сформулированные во введении, что позволило выработать целостную и внутренне согласованную теоретико-правовую концепцию правонарушения, ориентированную на современные условия развития правовой системы Республики Таджикистан.

Проведенное теоретико-правовое исследование общей концепции правонарушения позволило выявить ключевые закономерности, определить сущностные характеристики и разграничить смежные юридические категории. Полученные результаты формируют целостное представление о природе правонарушения и обосновывают подходы к классификации, квалификации и применению норм юридической ответственности. На основе анализа теории и практики сформулированы следующие выводы:

1. В результате проведённого исследования обосновано, что правонарушение представляет собой сложную юридическую категорию, не сводимую исключительно к формальному сочетанию противоправности и вины. Правонарушение следует рассматривать как социально обусловленное деяние, посягающее на охраняемые правом общественные отношения и нарушающее установленный правопорядок. Его сущность раскрывается не только через формальные признаки состава, но и через функциональное назначение в механизме правового регулирования, направленного на поддержание стабильности правовых и социальных связей. Такой подход позволяет преодолеть узкоформальное понимание правонарушения и учитывать его реальное значение для правовой системы. [1-А].

2. Установлено, что классификация правонарушений должна строиться не только по традиционному отраслевому признаку, но и с учётом характера охраняемых интересов и сферы правового регулирования. Обосновано разграничение правонарушений на публично-правовые и частноправовые, что имеет принципиальное значение для определения правовых последствий, выбора вида юридической ответственности и разграничения компетенции органов государственной власти. Подобная классификация способствует устранению коллизий между нормами различных отраслей права и повышает эффективность правоприменительной практики. [3-А].

3. В результате проведенного исследования установлено, что злоупотребление правом не подлежит полному отождествлению с правонарушением, поскольку в ряде случаев оно проявляется в форме внешне правомерного поведения. Одновременно обосновано, что данное явление следует рассматривать как самостоятельную юридическую категорию, сущность которой заключается в недобросовестной реализации субъективного права в противоречии с его социальным назначением. Ключевым разграничительным критерием между правонарушением и злоупотреблением правом выступает направленность поведения на причинение вреда либо необоснованных преимуществ – при формальном соблюдении требований закона. [2-А].

4. Обосновано, что нарушение субъективных прав не всегда образует правонарушение. Для квалификации деяния в качестве правонарушения необходима совокупность обязательных признаков, включая противоправность, вину и юридически значимые последствия. Нарушение субъективного права может иметь место и при отсутствии виновного поведения, а также в ситуациях, обусловленных правомерными основаниями. Данный вывод имеет существенное значение для недопущения необоснованного расширения сферы юридической ответственности и обеспечения принципа справедливости в праве. [4-А].

5. Установлено, что внешне противоправное деяние (объективно противоправное деяние) не тождественно правонарушению. Внешняя противоправность как несоответствие поведения требованиям правовой нормы не всегда сопровождается наличием субъективной стороны в виде вины. В связи с этим обоснована необходимость чёткого разграничения данных категорий с целью соблюдения принципа виновной ответственности. Признание различий между правонарушением и внешне противоправным деянием способствует более точной юридической квалификации и предотвращению неправомерного привлечения лица к ответственности. Данная позиция имеет существенное значение для правовой науки и правоприменительной практики Республики Таджикистан, поскольку позволяет обеспечить единообразие судебной и административной практики, укрепить гарантии защиты прав и свобод личности и исключить случаи формального вменения ответственности при отсутствии вины.[6-А].

6. Сделан вывод, что правовая ошибка представляет собой самостоятельную юридическую категорию, отличную от правонарушения. Правовая ошибка выражается в добросовестном заблуждении лица относительно содержания правовой нормы или правовой оценки собственного поведения и при отсутствии вины не может влечь юридическую ответственность. Разграничение правовой ошибки и правонарушения имеет существенное значение для реализации принципов справедливости и гуманизма в праве, а также для обеспечения единообразия правоприменительной практики. [7-А].

Практическая значимость результатов исследования заключается в возможности их использования в деятельности органов, осуществляющих правотворчество и правоприменение, при подготовке разъяснений, методических рекомендаций и аналитических материалов. Материалы диссертации могут быть использованы в образовательном процессе при преподавании дисциплин теоретико-правового цикла, а

также в научно-исследовательской работе при дальнейшем изучении проблем правонарушения и юридической ответственности.

РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ПРАКТИЧЕСКОМУ ИСПОЛЬЗОВАНИЮ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

Результаты диссертационного исследования обладают выраженной прикладной направленностью и могут быть использованы в нормотворческой, правоприменительной, научно-исследовательской и учебно-методической деятельности. Сформулированные в работе теоретические выводы, авторские дефиниции, классификации и предложения по совершенствованию законодательства Республики Таджикистан позволяют рекомендовать их внедрение по следующим основным направлениям.

1. Использование результатов исследования в законотворческой деятельности.

Результаты диссертации могут быть использованы при подготовке и корректировке нормативных правовых актов Республики Таджикистан, прежде всего в сфере административного, уголовного, гражданского и семейного законодательства.

1.1. В сфере административного законодательства:

Положения диссертационного исследования представляют интерес для дальнейшего совершенствования Кодекса Республики Таджикистан «Об административных правонарушениях» от 31 декабря 2008 года №455. В частности, обоснована необходимость уточнения законодательной конструкции административного правонарушения с учётом расширенного круга субъектов, включая юридические и должностные лица.

1.2. В сфере гражданского и семейного законодательства:

Результаты исследования могут быть использованы при совершенствовании Гражданского кодекса Республики Таджикистан от 24 декабря 2022 г., №1918 и Семейного кодекса Республики Таджикистан от 13 ноября 1998 г., №682, в частности:

- при нормативном закреплении понятия «гражданское правонарушение»;
- при формировании самостоятельной категории «семейное правонарушение» с учётом его специфического объекта и субъектного состава;
- при уточнении правовых последствий злоупотребления субъективными правами.

Внедрение данных рекомендаций позволит обеспечить большую определённости правового регулирования и единообразие судебной практики.

2. Использование результатов исследования в правоприменительной деятельности.

Разработанные в диссертации положения могут найти применение в деятельности судебных и правоохранительных органов при разрешении правовых ситуаций, требующих сложной юридической оценки.

Сформулированные автором классификационные подходы и критерии разграничения правонарушений целесообразно использовать при квалификации деяний, определении вида юридической ответственности и установлении степени их общественной опасности.

Особую практическую значимость имеет предложенная концептуальная модель злоупотребления правом, позволяющая углубить оценку поведения субъектов гражданских и семейных правоотношений с позиции добросовестности и целевого назначения права.

3. Использование результатов исследования в сфере профилактики правонарушений.

Выводы и предложения диссертационного исследования могут быть использованы при разработке и реализации государственных и ведомственных программ по предупреждению правонарушений. Это обусловлено тем, что в работе разработан комплексный теоретико-правовой подход к пониманию правонарушения, уточнены его признаки,

предложена концептуальная классификация и определены критерии разграничения правонарушения со смежными правовыми категориями.

Полученные результаты могут быть использованы при формировании концепции предотвращения правонарушений в Республике Таджикистан, поскольку предложенная модель правонарушения позволяет учитывать специфику различных форм противоправного поведения и совершенствовать единый понятийный аппарат в сфере профилактики правонарушений.

Результаты исследования также могут применяться при разработке профилактических мер, направленных на повышение эффективности предупреждения правонарушений, совершенствование правового просвещения населения, а также повышение качества правоприменительной деятельности и правовой политики государства.

Предложенный в диссертации системный подход к правонарушению как социально-правовому явлению позволяет рассматривать профилактику не только как карательную, но и как комплексную социально-правовую деятельность.

4. Использование результатов исследования в международно-правовой сфере.

Материалы исследования могут быть использованы при:

- участии государства в международных программах по борьбе с трансграничной преступностью;
- гармонизации национального законодательства с международными правовыми стандартами.

Предложенная классификация международных и трансграничных правонарушений способствует более точной квалификации деяний и повышению эффективности международного сотрудничества.

5. Использование результатов исследования в научной и образовательной деятельности.

Результаты диссертационного исследования формируют теоретико-методологическую основу для дальнейшего развития научных

исследований в области теории государства и права, а также отраслевых юридических наук. Сформулированные автором положения, дефиниции и классификационные модели могут быть использованы при подготовке научных трудов, включая монографии, статьи и диссертационные исследования.

В образовательной сфере предложенные в работе подходы представляют интерес для совершенствования содержания юридического образования. Они могут быть интегрированы в учебные курсы по дисциплинам «Теория государства и права», «Проблемы теории государства и права», «Философия права», «Административное право», «Уголовное право», «Международное право», а также использованы при разработке учебно-методических материалов.

Разработанный понятийный аппарат и системные классификации правонарушений создают основу для углублённого изучения соответствующих правовых явлений и формирования у обучающихся целостного представления о механизме юридической ответственности.

Таким образом, результаты диссертационного исследования обладают значительным практическим потенциалом и могут быть использованы в различных сферах правовой деятельности. Их внедрение будет способствовать совершенствованию законодательства Республики Таджикистан, повышению эффективности правоприменительной практики и развитию отечественной юридической науки.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Международные акты, соглашения и договора:

1. Будапештская конвенция о киберпреступности (Convention on Cybercrime). Будапешт, 23 ноября 2001 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.coe.int (дата обращения: 05.08.2025).

2. Венская конвенция ООН о договорах международной купли-продажи товаров. Вена, 11 апреля 1980 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.legal.un.org (дата обращения: 05.08.2025).

3. Конвенция о правах ребёнка. 20 ноября 1989 г. ООН. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.ohchr.org (дата обращения: 03.08.2025).

4. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 ноября 1950 г.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.ohnh.org (дата обращения: 20.10.2025).

5. Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него. 9 декабря 1948 г. ООН. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.un.org (дата обращения: 20.10.2025).

6. Нью-Йоркская конвенция о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений. Нью-Йорк, 10 июня 1958 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: www.uncitral.un.org (дата обращения: 05.08.2025).

7. Французская декларация прав человека и гражданина (принята депутатами Генеральных штатов 24 августа 1789 года). [Электронный ресурс] – Режим доступа: www.agitclub.ru (дата обращения: 03.11. 2023).

8. Draft Articles on Responsibility of States for Internationally Wrongful Acts. United Nations International Law Commission, 2001. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.legal.un.org (дата обращения: 22.10.2025).

Нормативно-правовые акты и официальные документы:

9. Конституция Республики Таджикистан от 6 ноября 1994 года с изменениями и дополнениями от 26 сентября 1999 года, 22 июня 2003

года и 22 мая 2016 года (на таджикском и русском языках). [Текст]. – Душанбе: Гандж, 2016. – 135 с.

10. Гражданский кодекс Республики Таджикистан от 24 декабря 2022 года

№1918 (вступил в силу с 01 июля 2023 года) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.sud.tj (дата обращения: 01.10.2023).

11. Гражданский кодекс Таджикской Советской Социалистической Республики от 7 августа 1964 года. Душанбе: Комбинат полиграфии. – 198 с.

12. Декларация о суверенитете Республики Таджикистан от 24 августа 1990 г. // Ведомости Верховного Совета ТаджССР. - 1990. - № 15.

13. Закон Республики Таджикистан «О государственных финансах Республики Таджикистан» от 28 июня 2011 года, №723. (в ред. от 17.05.2018, №1535). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.mmk.tj (дата обращения: 14.10.2025).

14. Закон Республики Таджикистан «Об охране окружающей среды» от 21

июля 2011 г., №208. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.mmk.tj (дата обращения: 17.09.2025).

15. Закон Республики Таджикистан «Об экологическом аудите» от 25 декабря 2011 года, №785. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.mmk.tj (дата обращения: 23.10.2025).

16. Закон Республики Таджикистан «О Национальном банке Таджикистана» от 9 июня 2011 года, №174. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.nzc.tj (дата обращения: 24.11.2023).

17. Итоги деятельности Мажилиса - Парламента Республики Казахстан пятого созыва третьей сессии за период со 2 сентября 2013 г. по 25 июня 2014 г. - Астана, 2014. – 164 с.

18. Концепция правовой политики Республики Таджикистан на 2018-2028 годы от «6» февраля 2018 года, №1005 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.mmk.tj (дата обращения: 06.02.2024).

19. Кодекс Республики Таджикистан об административных правонарушениях

от 31 декабря 2008 года, №455. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.mmk.tj (дата обращения: 05.08.2025).

20. Конституционный Закон Республики Таджикистан от 10 декабря 1999 года, №856. «О выборах Маджлиси Оли Республики Таджикистан». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.mmk.tj. (дата обращения: 04.11.2023).

21. Кодекс Кыргызской Республики о правонарушениях: принят 28 октября 2021 г., №128 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.prg.kz (дата обращения: 04.09.2025).

22. Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях от 5 июля 2014 г., №235-V ЗРК (в ред., действующей на момент обращения). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.adilet.zan.kz (дата обращения: 08.09.2025).

23. Кодекс Республики Узбекистан об административной ответственности от 22 сентября 1994 г. (в ред., действующей на момент обращения) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.lex.uz (дата обращения: 15.09.2025).

24. О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка»: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.2017, №42 [Электронный Ресурс]. – Режим доступа: www.garant.ru (дата обращения: 15.10.2025).

25. О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции // Постановление ЦК КПСС от 31 января 1977 г. – М., 1977. – 32 с.

26. Послание Президента Республики Таджикистан – Лидера нации уважаемого Эмомали Рахмона «Об основных направлениях внутренней и

внешней политики Республики Таджикистан» (16 декабря 2025 г.) // Официальный сайт Президента Республики Таджикистан. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.president.tj (дата обращения: 29.01.2026).

27. Семейный кодекс Республики Таджикистан от 13 ноября 1998 года (послед. ред. 26.12.2011, №791). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.mmk.tj (дата обращения: 12. 11. 2024).

28. Трудовой кодекс Республики Таджикистан от 23 июля 2016 года №1329 (послед. ред. от 20.06.2024) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.mmk.tj (дата обращения: 06.07.2024).

29. Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21 мая 1998 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.mmk.tj (дата обращения: 06.10.2024).

30. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996, №63-ФЗ (ред. от 07.04.2020). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.consultant.com (дата обращения: 04.10.2025).

31. Экономический процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 05 января 2008 года, №340. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.nzc.tj (дата обращения: 04.11.2023).

32. Strafgesetzbuch (StGB). Публичная версия закона как «Gesetze im Internet» (официальный ресурс Минюста Германии), раздел 17. В PDF-издании: “Criminal Code of Germany (original text as amended)” [Электронный Ресурс]. – Режим доступа: www.dejure.org (обращения: 07.02.2025).

33. U.S. Supreme Court, Lambert v. California, 355 U.S. 225 (1957). Решение от 16 декабря 1957 года. [Электронный Ресурс]. – Режим доступа: www.supreme.justia.com (обращения: 16.10.2025).

Монографии, учебники, учебные пособия:

34. Азизкулова, Г.С. Цикл лекций по истории государства и права Республики Таджикистан [Текст] / Г.С. Азизкулова. – Душанбе: Изд-во Тадж. гос. ун-та, 1995. – 212 с.

35. Алексеев С.С. Структура советского права [Текст] / Алексеев С.С. - М.: Юрид. лит., 1975. – 264 с.
36. Алексеев С.С. Теория права [Текст]. – М.: БЕК, 1995. – 320 с.
37. Алексеев С.С. Общая теория права [Текст]. В 2 т. – М.: Юридическая литература, 1981-1982. Т. 1. – 359 с. Т. 2 – 360 с.
38. Абдулхамид Махмуд Тахмози. Ал-фикхул ханафи фи савбихил чаид [Текст]. В 4-х томах. – Димашк: Дорулкалам, 1420 х./2000. – Т. 3. – 400 с.
39. Abd al-Qadir Awda. Criminal Law of Islam. Vol. 1. – Karachi: International Islamic Publishers, 1987-1990. – 373 p.
40. Al-Mawardi. The Ordinances of Government (Al-Aḥkam al-Sultaniyya wa-l-Wilayat al-Diniyya). Translated by Wafaa H. Wahba. — Reading: Garnet Publishing, 1996. — 301 p.
41. Богуславский М.М. Международное частное право [Текст]: Практикум/Богуславский М.М., - 3-е изд. – М: Юр. Норма, 2024. – 400 с.
42. Бойс Мэри. Зороастрийцы. Верования и обычаи [Текст]. - СПб., 1994. – 288 с.
43. Бартошек М. Римское право. Понятия, термины, определения [Текст]. – М.: Юрид. литература, 1989. – 448 с.
44. Бочарникова Н.А. Административная ошибка: правовое содержание, значение и основные направления преодоления: монография [Текст] / Н. А. Бочарникова. – Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2013. – 191 с.
45. Бирюков П.Н. Международное сотрудничество в борьбе с преступностью и правовая система РФ [Текст]. - Воронеж: Истоки, 1997. – 174 с.
46. Вопленко Н.Н. Очерки общей теории права: монография [Текст] / Вопленко Н.Н. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2009. – 898 с.
47. Василевич Г. А. Конституционное право Республики Беларусь: учебник для студентов учреждений высшего образования [Текст] / Г.А.

Василевич. 2-е изд., переработанное. – Минск: Вышэйшая школа, 2021. – 406 с.

48. Василенко В. А. Ответственность государства за международные правонарушения [Текст]. – Киев: Вища шк., 1976. – 267 с.

49. Вильнянский С.И. Лекции по советскому гражданскому праву [Текст] / отв. ред. А.И. Рогожин. – Харьков: Изд-во Харьковского ун-та, 1958. Ч. 1. – 339 с.

50. Гафуров Б.Г. Таджики: древнейшая, древняя и средневековая история [Текст]: в 2-х кн. Кн. 1. 2-е изд. – Душанбе: Ирфон, 1989. – 384 с.

51. Галаган И.А. Административная ответственность в СССР (государственное и материально-правовое исследование): монография [Текст]. – Воронеж: Изд-во Воронежского государственного университета, 1970. – 252 с.

52. Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав [Текст]. – М.: Статут, 2000. – 410 с.

53. Гришаев С.П. Семейное право в вопросах и ответах [Текст]. – М.: Юристъ, 2003. – 110 с.

54. Денисов Ю.А. Общая теория правонарушения и ответственность [Текст]. – Л., 1983. – 144 с.

55. Имам Алоуддин Абибакр ибн Масъуд Косони ханафи. Бадоеъ ус-саноеъ фи тартиби шароеъ [Текст] / Под ред. и исслед. Мухаммада Аднона ибн Ёсина дарवेशа. В 6-ти томах. – Бейрут-Лубнон: Дорулэхёи туросил араби, 1421х./2000. Т. 5. – 540 с.

56. Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Вопросы теории права [Текст]. – М., 1961. – 381 с.

57. Иоффе О.С. Правоотношение по советскому гражданскому праву [Текст]. В 4-х томах. Т.1 / Иоффе О.С. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. – 576 с.

58. Карасева М.В. Финансовое правоотношение: монография [Текст]. – М.: НОРМА-ИНФРА-М, 2001. – 283 с.

59. Курс российского уголовного права. Общая часть [Текст] / Под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. - М.: Спарк, 2011. – 767 с.
60. Кузнецова Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений: лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» [Текст] / Науч. ред. и предисл. академика В.Н. Кудрявцева. - М., 2007. – 328 с.
61. Курис, П. М. Международные правонарушения и ответственность государства [Текст]. - Вильнюс, 1973. – 280 с.
62. Қодирзода М.А. Ҳуқуқи экологӣ (дастури таълимӣ) [Матн]: нашри аввал. – Хучанд: Парки технологии ДДХБСТ, 2024. – 300 с.
63. Кожевников С.Н. Правомерное поведение и правонарушение: сущность и содержание: учебно-методическое пособие [Текст]. - Н. Новгород: «Общество «Интелсервис», 2011. – 72 с.
64. Колосов Ю.М. Ответственность в международном праве: монография [Текст] – М.: Юрид. лит., 1975. – 256 с.
65. Липинский Д.А. Юридическая ответственность: монография [Текст] / Липинский Д.А. – Тольятти: ВУиТ, 2002. – 400 с.
66. Любашиц В. Я. Теория государства и права. [Текст] – М.: РИОР, 2015. – 528 с.
67. Лунц Л.А. Курс международного частного права. [Том 1]: Международное частное право. Общая часть [Текст] / Всесоюзный институт юридических наук / Л.А. Лунц. – М.: Госюриздат, 1959. – 280 с.
68. Лазарев В.В., Липень С.В., Саидов А.Х. Теория государства и права [Текст]. – Ташкент: АKADEMIYA, 2007. – 736 с.
69. Менглиев Ш.М. Международное частное право: учебник [Текст] / Ш.М. Менглиев. – Душанбе: Типография Таджикского национального университета, 2013. – 736 с.
70. Малеин Н.С. Правонарушение: понятие, причины, ответственность: монография [Текст]. – М.: Юридическая литература, 1985. – 192 с.
71. Морозова Л.А. Теория государства и права [Текст]. // Российское юридическое образование. - Москва: Эксмо, 2010. – 384 с.

72. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: учебник [Текст] / Н.И. Матузов, А.В. Малько. 4-е изд., испр. и доп. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016. – 528 с.
73. Малько А.В., Матузов Н.И. Теория государства и права [Текст]. – М.: Юристъ, 2004. – 245 с.
74. Международное право [Текст] / под ред. Н. Т. Блатовой. – М., 1987. – 544 с.
75. Малиновский А. А. Злоупотребление правом [Текст]. – М.: МЗ-Пресс, 2002. – 128 с.
76. Михайлов В.И. Обстоятельства, исключающие противоправность: теория и практика [Текст].– М.: Юрлитинформ, 2020.- 239 с.
77. Мухаммадиев И.С. Теоретические и исторические аспекты борьбы с преступностью в условиях военного положения (на примере деятельности органов прокуратуры Таджикистана в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.): учебное пособие для вузов [Текст]. – Худжанд, 2024. – 210 с.
78. Назаренко Г.В. Вина в уголовном праве [Текст]. - Орёл, 1996. – 96 с.
79. Нерсисянц В.С. Теория права и государства [Текст]. – М.: НОРМА-ИНФРА, 2013. – 258 с.
80. Ойгензихт В.А. Проблема риска в гражданском праве [Текст]. – Душанбе, 1972. – 224 с.
81. Обидов Д.С. Ханафитская школа права и её значение в исламском праве суннитского направления (мавераннахрское течение) [Текст]. – Худжанд: Государственное издательство имени Рахима Джалила, 2011. – 316 с.
82. Общая теория права и государства: учебник [Текст]. / Под ред. В. В. Лазарева. – М.: Юрист, 1994. – 360 с.
83. Основы марксизма-ленинизма: учебное пособие [Текст]. / Редакторы Ф.Вейнберг и Г. Курбатова. - М.: Политиздат, 1960 г. – 773 с.

84. Орлов В.С. Субъект преступления по советскому уголовному праву [Текст]. – М.: Госюриздат, 1958. – 260 с.
85. Платон. Собр. соч. В 4-х т. [Текст]. - М., 1990. Т. 1. – 860 с.
86. Памятники римского права: Законы 12 таблиц; Институции Гая; Дигесты Юстиниана [Текст]. – М.: Зерцало, 1997. – 608 с.
87. Полицейское право: лекционный курс / Бельский К.С. / Под ред.: Куракин А.В.-М.: Дело и Сервис, 2004. – 816 с.
88. Пчелинцева Л.М. Семейное право. - М.: Норма, 2008. – 152 с.
89. Рогова, Е. В., Юлдошев, Р. Р. Уголовный проступок в контексте современных тенденций уголовной политики [Текст]: монография / Е. В. Рогова, Р. Р. Юлдошев. – Душанбе: «ЭР-граф», 2017. – 160 с.
90. Давид Рене. Основные правовые системы современности. / Пер. с фр. В.А. Туманова. - М.: Международные отношения, 1999. – 404 с.
91. Рахманов А.Р., Рузиев Р.Ж., Рахманов А.Р.. Исламское право: учебник [Текст]. - Уфа, 2010. – 370 с.
92. Рарог А.И. Субъективная сторона и квалификация преступлений [Текст]. - М., 2017. – 134 с.
93. Радько Т.Н. Трудовое право РФ: учебное пособие [Текст]. / Т.Н. Радько. – М.: Проспект, 2013. – 20 с.
94. Романенкова Е.Н. Теория государства и права [Текст]. / Конспект лекций. М.: Проспект, 2014. – 133 с.
95. Сафаров, Б.А. Формирование раннего исламского государства [Текст]. / Б.А. Сафаров. – Душанбе: Эр-граф, 2011. – 199 с.
96. Сативалдыев, Р.Ш. История политических и правовых учений [Текст] / Р.Ш. Сативалдыев. – Душанбе: Эр-граф, 2011. – 460 с. (На тадж. яз.); Сативалдыев, Р.Ш. Политические и правовые идеи «Синдбаднаме» [Текст]. / Р.Ш. Сативалдыев. – Душанбе: Дониш, 1998. – 213 с.
97. Сюкияйнен Л.Р. Мусульманское право [Текст]. – М., 1986. – 256 с.

98. Сырых В.М. Логистические основания общей теории права [Текст]. Т. 1. - М.: Юстицинформ, 2004. – 560 с.
99. Самощенко И.С. Понятие правонарушения по советскому законодательству. - М.: Юридическая литература, 1963.- 286 с.
100. Студеникин С.С. Советское административное право. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1949. – 271 с.
101. Серегин А.В. Советский общественный порядок и административно правовые средства его укрепления. – М., 1975. – 303 с.
102. Строгович М.С. Основные вопросы советской социалистической законности. – М.: Наука, 1966. – 252 с.
103. Савиньи Ф.К., фон. Система современного римского права: в 8 т. Т. 1 [Текст] / Пер. с нем. Г. Жигулина; Под ред. О. Кутателадзе, В. Зубаря. - М.: Статут, 2011. – 510 с.
104. Спиридонов Л.И. Теория государства и права: учебник. – М.: Проспект, 1996. – 304 с.
105. Тахиров Ф.Т. Становление советского права в Таджикистане [Текст]. – Душанбе: Дониш, 1987. – 192 с.
106. Тункин Г.И. Право и сила в международной системе [Текст]. - М.: Междунар. отношения, 1983. – 200 с.
107. Таганцев Н.С. Русское уголовное право: лекции. Часть общ. В 2 т. / Сост. и отв. ред. Загородников Н.И.; РАН. Ин-т государства и права. – М.: Наука, 1994. – 380 с.
108. Финансовое право: учебное пособие / под ред. И.Ш. Килясханова, Н.Д. Эриашвили. - М.: ЮНИТИ–ДАНА, 2012. - 480 с.
109. Хасанов С. Теория государства и права: схемы и определения. Учебное пособие. 2-е издание, переработанное и дополненное [Текст]. - Худжанд, 2001. — 217 с.
110. Хаутов Г.М. Трудовое право [Текст]. - Душанбе: РТСУ, 2020. – 93 с.

111. Шарофзода Р.Ш. Назарияи давлат ва ҳуқуқ. Китоби дарсӣ барои муассисаҳои таҳсилоти олии касбӣ [Текст]. - Душанбе: Моҳи Мунир, 2025. – 1000 с.

112. Шарипов Т.Ш., Сафарзода А.И., Камолов З.А., Холиқзода Ш.Л., Зокирзода З.Х., Зиёбекова М.Н. Ҳуқуқи ҷиноятӣ (қисми умумӣ): китоби дарсӣ. Нашри 5-ум, такмилдодашуда [Матн] / Т.Ш. Шарипов, А.И. Сафарзода, З.А. Камолов, Ш.Л. Холиқзода, З.Х. Зокирзода, М.Н. Зиёбекова. – Душанбе, 2020. – 223 с.

113. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. – М.: Изд. Бр. Башмаковых, 1911. – 698 с.

114. Шершеневич Г.Ф. Избранное: В 6 т. Т.4, включая Общую теорию права / Вступ. слово, сост.: П.В. Крашенников. – М.: Статут, 2016. – 752 с. (Юристы, изменившие право, государство и общество).

115. Шарль Р. Мусульманское право. - М.: Изд-во иностр. лит., 1959. – 142 с.

116. Якуба О.М. Административная ответственность. – М.: Юрид. лит., 1972. – 152 с.

117. Явич Л.С. Общая теория права. – Л.: Из-во Ленингр. ун-та. 1976. – 287 с.

118. Якушин В.А., Назаров В.В. Ошибка в уголовном праве и ее влияние на пределы субъективного вменения.- Ульяновск, 1997. – 62 с.

119. Янев Я. Правила социалистического общежития (их функции при применении правовых норм. - М.: Прогресс, 1980. – 270 с.

Статьи:

120. Азизкулова Г.С. Понятие и виды преступлений по уголовному законодательству Афганистана [Текст] // Государство и право. - Душанбе, 1997. - № 1. – с. 125-128.

121. Азиззода У.А. Правонарушение, юридическая ответственность и эффективность наказания: теоретико-правовой анализ механизма правового воздействия. [Текст] / У.А. Азиззода // Научный журнал «Вестник парламентаризма». – 2026. - №1 (1). – С.19-30.

122. Бободжонзода И.Х. Введение института "уголовного проступка" в Уголовный кодекс Республики Таджикистан: проблемы теории, законодательства и практики. [Текст] / Академический юридический журнал - 2022. - 1 (41) - С. 134-145.

123. Блинов А.Г., Герасимов А.М. Уголовный проступок и его природа [Текст] // Психопедагогика в правоохранительных органах. - 2018. - №2. – С. 19-24.

124. Белых Е.А. Основные подходы к понятию правонарушения [Текст] // Актуальные проблемы права, экономики и управления. – 2016. - №12. – С. 83-88.

125. Боруленков Ю.П. Правовые ошибки: постановка проблемы [Текст] // Российский следователь. — 2014. — № 7. — С. 46–51.

126. Вопленко Н.Н. Общественная опасность или социальная вредность? [Текст] // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер 3. Экономика. Право. - Волгоград, 1997. - Вып. 2. - С. 6-10.

127. Вопленко Н.Н. Ошибки в правоприменении: понятие и виды [Текст] // Советское государство и право. – М.: Наука, 1981. - №4. – С. 38-46.

128. Вронская М. В. / «Обход закона» в гражданском праве: форма злоупотребления правом или самостоятельная юридическая конструкция? [Текст] / Территория новых возможностей // Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. Владивосток, 2015. – С. 48-52.

129. Гогин А. А. / Злоупотребление правом и правонарушение: проблемы дифференциации [Текст] // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. – 2011. - № 4. – С. 21-26.

130. Дадобоева З.А. Классификация правонарушений по законодательству Республики Таджикистан: теоретико-правовой анализ [Текст] / З.А. Дадобоева // Законодательство. – 2025. – №4 (60). – С. 90-94.

131. Дебошева А. А. История развития и возникновения злоупотребления правом [Текст] / А. А. Дебошева // Закон и право – 2014. - №7. - С.57-59.
132. Дурново Н. А. К вопросу о понятии злоупотреблении правом [Текст] // Журнал российского права. – 2006. - №10 – С. 118-123.
133. Ермакова Л. Экологические правонарушения: понятие и разграничения [Текст] // Экологическое право. – 2004. – № 4. – С. 8-9.
134. Ивнева Е.В. Формы злоупотребления правом: общеправовые и отраслевые аспекты. [Текст] // Журнал Юридический исследований. Сочинский государственный университет. – 2022. - №4 – С. 7-17.
135. Кибальник А.Г. Уголовный проступок и его правовые последствия [Текст] // Уголовное право. - 2017. - №4. - С. 65-68.
136. Красиков А.Н. Правомерный риск и согласие потерпевшего как обстоятельства, исключающие противоправность деяния [Текст] // Журнал российского права. – 2019. - №12. – С. 111-118.
137. Куканов, А.З. Мафхум ва таснифи функсияҳои ҷавобгарии ҳуқуқӣ [Матн] / А.З. Куканов // Ҳаёти ҳуқуқӣ. – 2019. – №3(27). – С. 44-48.
138. Кудрявцев В.Н. Юридический конфликт [Текст] // Государство и право. - 1995. - № 9. - С. 5-12.
139. Кузнецова Н.Ф. Вопросы истории советского уголовного законодательства. (Общая часть) [Текст] // Вестн. Моск. унта. Сер 11. Право. - 1991. - № 5. – С. 30-39.
140. Лучин В.О. Конституционные деликты [Текст] // Государство и право. – 2000. – № 1. – С. 12-19.
141. Минникес И.А. Объективно противоправное деяние [Текст] // Российский юридический журнал. - 2008. - №2. - С. 19-23.
142. Маркунцов С.А. Состав правонарушения как юридическая конструкция [Текст] // Российская юстиция. – 2012. – №7. – С. 20-25.
143. Мышко Ю.А., Петрюк М.Ю. О конституционных правонарушениях и конституционно-правовой ответственности [Текст] //

Вестник Московского университета МВД России. Юридические науки. – 2008. - № 7. – С. 70-72.

144. Панова И.В. Еще раз о двух тенденциях, разрушающих целостность института административной ответственности [Текст] // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. - 2007. - № 8. - С. 4-29.

145. Рахимзода Р.Х. Государственная политика в сфере обеспечения правопорядка и безопасности в трудах персидско-таджикских мыслителей. [Текст] // Труды Академии МВД Республики Таджикистан. - 2018. - №2 (38). - С. 8-15.

146. Рахимзода Р.Х. Зороастрийская правовая система и розыскная деятельность на территории исторического Таджикистана [Текст] // Правовое поле современной экономики. - 2016. - № 3. - С. 71 – 76.

147. Раҷабзода С.А. Товони зарар аз ҷиноят расонидашуда ҳамчун воситаи барқарор кардани адолати иҷтимоӣ [Текст] // Идоракунии давлатӣ. – 2020. - №4/2 (49). – С. 197-204.

148. Равина С. Н., Сидорова А. В. Понятие правонарушения в правовой науке [Текст] // Евразийский юридический журнал. – 2015. - №5. – С. 121-125.

149. Санталов А.И. О согласии потерпевшего в уголовном праве [Текст] // Правоведение. – 2015. - №4. – С. 56-62.

150. Сырых В.М. Проблемы правовой ответственности государства, его органов и служащих [Текст] // Государство и право. - 2000. - № 3. - С. 20-36.

151. Трофимова Г.А. Понятие конституционного правонарушения [Текст] // Конституционное и муниципальное право. – 2019. – № 10. – С. 3-9.

152. Текаев Х. А. Злоупотребление правом [Текст] // Проблемы реализации права: межвузовский сборник научных работ. – Свердловск, 1990. – С. 113-115.

153. Тихомиров Ю.А. Юридическая коллизия: власть и правопорядок [Текст] // Государство и право. - 1994. - № 1. - С. 3-12.

154. Усольцев Е.Ю. Проблема термина «злоупотребление правом» [Текст] // Российское право на современном этапе: сборник научных трудов XIV Международной научно-практической конференции, Ростов н/Д., 21 апреля. – М.: Знание - 2020. – С. 235-237.

155. Шокиров Г.А., Тохирова Ш.О. К вопросу об административной ответственности: теоретические и практические проблемы [Текст] / Осори Академия (Труды Академии).– 2015. - № 1 (25). – С. 55-58.

156. Юлдошев Р.Р., Гафуров М.С. Является ли уголовная ответственность должностных лиц основанием для осуществления конституционно правовой ответственности? [Текст] // Осори Академия (Труды Академии). - 2011. - № 2 (16). – С. 150 – 158.

Диссертации и авторефераты:

157. Азизов У.А. Эволюция институтов преступления и наказания на территории исторического и современного Таджикистана: историко-правовое исследование [Текст]: дис. ... д-ра. юр. наук: 12.00.01 / Азизов У.А. - Душанбе 2015. – 413 с.

158. Азимзода Ф.А. Ҳуқуқвайронкунӣ ва ҷавобгарии ҳуқуқӣ мувофиқи вандидод [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук. – Душанбе, 2025. – 190 с.

159. Алиев И.И. Функсияҳои ҷавобгарии ҳуқуқӣ ва шаклҳои амалисозии онҳо тибқи қонунгузориҳои Ҷумҳурии Тоҷикистон [Текст]: дис. ... канд. юр. наук: 12. 00. 01 / Алиев И.И. – Душанбе, 2024. – 193 с.

160. Бобохонов, Ф.А. Ҳифзи ҳуқуқи инсон аз зарари маънавӣ: таҳқиқоти таърихӣ-ҳуқуқӣ ва назариявӣ-ҳуқуқӣ [Текст]: дис. ... ном. илм. ҳуқуқ: 12.00.01 / Бобохонов Фаридун Аламшоевич. – Душанбе, 2022. – 202 с.

161. Буриев И.Б. Действие мусульманского права в дореволюционном Таджикистане [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Буриев И.М. – Душанбе, 1998. – 203 с.

162. Бестужева Е.В. Современное состояние и развитие правовой законности в Российском государстве [Текст]: дис. ... канд. юр. наук: 12.00.01 / Бестужева Е.В. – Кострома, 2008. – 208 с.

163. Гаюров Ш.К. Личное информационное право граждан: проблемы гражданско - правового регулирования в Республике Таджикистан [Текст]: автореф. ... дис. ... д-ра. юр. наук. – Москва, 2010. – 45 с.

164. Галузин А.Ф. Правонарушения в публичном и частном праве: общая характеристика [Текст]: дис. ... канд. юр. наук: 12.00.01. – Саратов, 1996. – 200 с.

165. Гогин А.А. Общая концепция правонарушений: проблемы методологии, теории и практики [Текст]: дис. ... д-ра. юр. наук: 12.00.01 / Гогин А.А. – Тольятти, 2011. – 532 с.

166. Голубева М.Л. Судебная ошибка: теоретико-прикладной анализ [Текст]: автореф. дис. ... канд. юр. наук. — Н. Новгород, 2009. – 24 с.

167. Диноршоев А.М. Конституционные основы регламентации и реализации прав и свобод человека и гражданина в Республике Таджикистан [Текст]: автореф. дис. ... д-ра. юр. наук: 12. 00. 02. / Диноршоев А.М. – Москва, 2015. – 46 с.

168. Кенджаев Ш.Ю. Государственно-правовые взгляды Джами [Текст]: дис. ... канд. юр. наук: 12. 00. 01 / Кенджаев Ш.Ю. – Душанбе, 2003. – 211 с.

169. Кузьмин Д.А. Уголовно-правовые проблемы совершения общественно опасных деяний в состоянии невменяемости и аффекта [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук. - Н. Новгород, 2005. – 203 с.

170. Маштаков И.В. Сравнительно-правовая характеристика правонарушений [Текст]: дис. ... канд. юр. наук: 12.00.01 / Маштаков И.В. – Тольятти, 2005. – 211 с.

171. Мингазов Л.Х. Эффективность норм международного права [Текст]: теоретические проблемы: дис. ...д-ра. юрид. наук: 12.00.10 - Казань, 2000. – 465 с.

172. Наумов А. Е. Злоупотребление правом: теоретико-правовой аспект [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2010. – 25 с.

173. Одегнал Е.А. Злоупотребление правом как явление правовой действительности [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук. – Ставрополь, 2009. – 189 с.

174. Очилова Ф.А. Гражданско-правовая ответственность в акционерных обществах по законодательству Республики Таджикистан [Текст]: дис. ... канд. юр. наук: 12. 00. 03 / Очилова Ф.А. – Душанбе, 2024. – 184 с.

175. Полушкин А.В. Информационное правонарушение: понятие и виды [Текст]: автореф... дисс. канд. юр. наук. – Екатеринбург, 2009. – 25 с.

176. Сафаров, И.Д. Правовая система государства Саманидов (IX-Хвв.) [Текст]: автореф. дис. ... канд. юр. наук: 12. 00. 01. / Сафаров И.Д. – Душанбе, 1998. – 22 с.

177. Скифский Ф.С. Конституционные правонарушения [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Ф.С. Скифский. ТюмГУ. - Тюмень, 1998. – 22 с.

178. Халиков А.Г. Правовая система зороастризма [Текст]: дис. ...д-ра. юр. наук: 12.00.01 / Халиков А.Г. – Душанбе, 2004. – 421 с.

Электронные ресурсы:

179. Авеста. Избранные гимны из «Видевдата» / Пер. И.М. Стеблина-Каменского. - М., 1993. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.klex.ru (дата обращения: 01.11.2025).

180. Абрамов В.Г. Понятие объекта экологического правонарушения // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. - 2009. - №6. - С. 118-121. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

<https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-obekta-ekologicheskogo-pravonarusheniya> (дата обращения: 09.09.2025).

181. Азизов У.А. Формирование советского уголовного права и особенности развития институтов преступления и наказания в Таджикистане (1917-1924 гг.) // Вестник ТГУПБП. - 2015. - №3. - С. 140-145. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-sovetskogo-ugolovnogo-prava-i-osobennosti-razvitiya-institutov-prestupleniya-i-nakazaniya-v-tadzhikistane-1917-1924-gg> (дата обращения: 21.11.2025).

182. Алексеев С.С. О составе гражданского правонарушения // Цивилистическая практика. – Екатеринбург, 2001. Вып. 3. (по материалам журнала «Правоведение». - 1958. - №1). – С.71-78. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://i.uran.ru/nasledie/content/o-sostave-grazhdanskogo-pravonarusheniya> (дата обращения: 01.10.2025).

183. Александров Н.Г. Законность и правоотношения в советском обществе. – М.: Госюриздат, 1955. – 176 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://lawlibrary.ru/izdanie15891.html> (дата обращения: 06.10.2025).

184. Алтынбаева Л.М. Возрастная вменяемость субъекта преступления // Сибирское юридическое обозрение. - 2014. - №3 (24). - С. 56-59. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://elibrary.ru/sjitjv> (дата обращения: 19.09.2025).

185. Братусь С.Н. О соотношении гражданской правоспособности и субъективных гражданских прав // Советское государство и право. – М.: Наука, 1949. – № 8. – С. 30-37. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://naukaprava.ru/catalog/297/560954/41056/> (дата обращения: 06.10.2025).

186. Вопленко Н.Н. Понятие, основные признаки и виды правонарушения // Legal Concept. - 2005. - №7. - С. 6 -17. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-osnovnye-priznaki-i-vidy-pravonarusheniya> (дата обращения: 09.10.2025).

187. Гафуров М.С. Конституция Республики Таджикистан как нормативная основа конституционной ответственности государства // Труды Академии управления МВД России. - 2011. - №1 (17). - С. 86-90. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsiya-respubliki-tadzhikistan-kak-normativnaya-osnova-konstitutsionnoy-otvetstvennosti-gosudarstva> (дата обращения: 15.03.2025).

188. Гомонов Н.Д. , Безруков А.В. Проблемы уголовной ответственности несовершеннолетних с признаками отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством // Вестник МГТУ. - 2017. - №3. - С. 479-482. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-ugolovnoy-otvetstvennosti-nesovershennoletnih-spriznakami-otstavaniya-v-psihicheskom-razvitii-ne-svyazannogo-s-psihicheskim> (дата обращения: 28.11.2025).

189. Гацайниева А.К. Юридическая ошибка: виды и влияние на уголовную ответственность // Образование и право. - 2020. - №8. - С. 368-372. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/yuridicheskaya-oshibka-vidy-i-vliyanie-na-ugolovnuyu-otvetstvennost> (дата обращения: 01.12.2025).

190. Головненков П.В. Уголовное Уложение Федеративной Республики Германия – Strafgesetzbuch (StGB) – Научно-практический комментарий и перевод текста закона. // [Электронный ресурс] – Режим доступа <https://doi.org/10.25932/publishup-47371> (дата обращения: 05.02.2025).

191. Дерюгина Т.В. Догматика содержания субъективного права и проблемы его судебной защиты // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. - 2021. - №2. - С. 22-40. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/dogmatika-soderzhaniya-subektivnogo-prava-i-problemy-ego-sudebnoy-zaschity> (дата обращения: 15.10.2025).

192. Изюмова Е.С. Влияние Советского периода (1917-1991) на развитие современного административно-деликтного права // Административное и муниципальное право. – 2022. - №2. - С.13-18. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-sovetskogo-perioda-1917-1991-na-razvitie-sovremennogo-administrativno-delictnogo-prava> (дата обращения: 22.09.2025).

193. Корсун Д.Ю. Понятие уголовного проступка как новой категории уголовного права России // Юридическая наука. - 2017. - №1. - С. 72-78. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-ugolovnogo-prostupka-kak-novoy-kategorii-ugolovnogo-prava-rossii> (дата обращения: 09.10.2025).

194. Комлык В.В. Состав публичного правонарушения // Вестник науки и образования. - 2017. - Том 2. №5. (29). - С.81-83. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sostav-publichnogo-pravonarusheniya> (дата обращения: 30.10.2025).

195. Кузьмин И.А. Объективно-противоправное деяние как основание объективной (безвиновной) ответственности // Вестник ОмГУ. Серия: Право. - 2011. - №1. - С. 39-43. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/abektivno-protivopravnoe-deyanie-kak-osnovanie-obektivnoy-bezvinovnoy-otvetstvennosti> (дата обращения: 28.11.2025).

196. Липинский Д.А., Мусаткина А.А. Налоговое правонарушение: понятие и классификация // Налоги и налогообложение. - 2017. - №3. - С. 39-53. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/nalogovoe-pravonarushenie-ponyatie-i-klassifikatsiya> (дата обращения: 10.10.2025).

197. Липинский Д.А. О некоторых проблемах системы юридической ответственности // Право и политика. - 2004. - №12. - С. 22-30. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/2004-01-006-lipinskiy-d-a-problemy->

yuridicheskoy-otvetstvennosti-assots-yurid-tsentr-sbb (дата обращения: 01.10.2025).

198. Мусаткина А.А. Дискуссионные вопросы понятия финансового правонарушения. /Тольяттинский государственный университет. - 2014. - №4. - С. 71-74. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vktornaukipravo.ru/jour/article/view/465> (дата обращения: 12.06.2025).

199. Мусали Н. Классификация уголовных правонарушений в аспекте дальнейшей гуманизации уголовного закона Республики Казахстан // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. - 2016. - №3. - С. 91-99. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/klassifikatsiya-ugolovnyh-pravonarusheniy-v-aspekte-dalneyshey-gumanizatsii-ugolovnogo-zakona-respubliki-kazahstan> (дата обращения: 14.10.2025).

200. Мочалова К.А., Салеева Е. Е., Кукина О. Ю. Классификация правонарушений: содержание и характеристика // Межрегиональный открытый социальный институт АНО ВО. - Петрозаводск, 2022. - С. 68-73. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=48013312> (дата обращения: 17. 10. 2025).

201. Маликов Е. Ю. Злоупотребление правом: понятие и правовая сущность. / Юрист - Правоведъ. – 2008. - №1. - С. 30-34. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/zloupotreblenie-pravom-ponyatie-i-pravovaya-suschnost> (дата обращения: 11.10.2025).

202. Ожегова Г.А. Объекты правонарушений в международном праве // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. - 2007. - №1. - С. 36-42. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/obekty-pravonarusheniy-v-mezhdunarodnom-prave> (дата обращения: 19.11.2025).

203. Пакалов Д.С. Экологические правонарушения: структура и причины // Пробелы в российском законодательстве. - 2012. - №1. - С. 226-228. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

<https://cyberleninka.ru/article/n/ekologicheskie-pravonarushenie-structura-i-prichiny> (дата обращения: 10.10.2025).

204. Полякова С.А. О классификации финансовых правонарушений // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. - 2014. - №3-2. - С. 120-121 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-klassifikatsii-finansovyh-pravonarusheniy> (дата обращения: 16.11.2025).

205. Пресс-конференция Комитета по охране окружающей среды при Правительстве РТ // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://avesta.tj> (дата обращения: 16.11.2025).

206. Печинская Е.В. Юридические механизмы защиты от проявлений моббинга: отечественные и правовые реалии и опыт зарубежных стран // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D: Экономические и юридические науки. - 2024. - №4. - С. 104-109. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/yuridicheskie-mehanizmy-zachity-ot-proyavleniy-mobbinga-otechestvennye-pravovye-realii-i-opyt-zarubezhnyh-stran> (дата обращения: 05.01.2025).

207. Попондопуло В.Ф. Банковское право: понятие, природа, источники // Правоведение. - 2014. - №1 (312). - С. 215-230. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/bankovskoe-pravo-ponyatie-priroda-istochniki> (дата обращения: 18.11.2025).

208. Сборник хадисов Сахиha аль-Бухари / Перев. с араб. Владимир (Абдулла) Михайлович Нирша. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www/muslim-library.com> (дата обращения: 19.10.2025).

209. Самыгин С.И., Самыгин П.С., Загутин Д.С. Понятие уголовного проступка и перспективы его введения в российское уголовное законодательство // ЮП. - 2018. - №4 (87). - С. 142-146. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-ugolovnogogo-prostupka-i>

perspektivy-ego-vvedeniya-v-rossiyskoe-ugolovnoe-zakonodatelstvo (дата обращения: 09.10.2025).

210. Сукиасян Н. Г., Сукиасян Г. А. Понятие, особенности и состав финансово-правового нарушения // БГЖ. - 2016. - №3 (16). – С. 274-281. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-osobennosti-i-sostav-finansovo-pravovogo-narusheniya> (дата обращения: 10.10.2025).

211. Соловьёв С.Г. Понятие предмета правового регулирования и его взаимосвязь с другими юридическими категориями // Вестник Пермского университета. Юридические науки. - 2012. - №1. - С. 47-51. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-predmeta-pravovogo-regulirovaniya-i-ego-vzaimosvyaz-s-drugimi-yuridicgeskimi-kategoriyami> (дата обращения: 10.10.2025).

212. Скакун Н.С. Частное и публичное право // Вестник магистратуры. - 2018. - №9-2 (84). - С.81-84. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/chastnoe-i-publichnoe-pravo> (дата обращения: 17.10.2025).

213. Суханов Е.А. Вторая часть Гражданского кодекса и современный имущественный оборот // Вестник МГУ. Серия: Право. - 1996. - № 3. - С. 3-10. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://istina.ips.ac.ru/publications/article/18699974/> (дата обращения: 30.09.2025).

214. Тарасенко Ю. А. Злоупотребление правом: теория проблемы с точки зрения применения статьи 10 ГК РФ в арбитражном процессе. // [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.yurclub.ru

215. Таганцев Н.С. Русское уголовное право в 2 ч. Часть 1 / Н.С. Таганцев. – Москва: Юрайт, 2025. – 414 с. – Текст: электронный // Образовательная платформа, «Юрайт» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://urait.ru/bcode/565188> (дата обращения: 07.10.2025).

216. Уздимаева Н.И., Игонин А.Е. Классификация правонарушений по российскому законодательству: современные подходы // Контентус. - 2019. - №9 (86). - С. 1-11. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/klassifikatsiya-pravonarusheniy-po-rossiyskomu-zakonodatelstvu-sovremennye-podhody> (дата обращения: 09.10.2025).

217. Хилюта В.В. Уголовный проступок: быть или не быть? // ЮП. - 2019. - №2 (89) - С. 147-152. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovnyy-prostupok-byt-ili-ne-byt> (дата обращения: 14.10.2025).

218. Халафов Э.А. Ещё раз к вопросу о делении права на частное и публичное // Пробелы в российском законодательстве. - 2015. - №4. - С. 39-42. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/esche-raz-k-voprosu-o-delenii-prava-na-chastnoe-i-publichnoe> (дата обращения: 17.10.2025).

219. Хачатуров Р.Л. Публично-правовые и частноправовые правонарушения // Балтийский гуманитарный журнал. - 2013 - №2. - С. 36-37[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/publichnopravovye-i-chastnopravovye-pravonarusheniya> (дата обращения: 29.09.2025).

220. Хачатуров Р.Л. К вопросу о невиновной ответственности // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. Сер.: Юриспруденция. Вып. 2. – Тольятти: ТолПИ, 1998. – С. 17-20. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://online.zakon.kz/m/amp/download/30070848> (дата обращения: 01.10.25).

221. Хужин А.М. Объективно противоправное и невиновное поведение в праве: соотношение понятий // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. - 2013. - №21. - С. 30-33. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

<https://cyberleninka.ru/article/n/obektivno-protivopravnoe-i-nevinovnoe-povedenie-v-prave-sootnoshenie-ponyatiy> (дата обращения: 30.11.2025).

222. Яковлев А.А. Виды финансовых правонарушений // Тенденции развития науки и образования. – 2015. - №9(9). - С.75-78. [Электронный ресурс] DOI:10.18411/lj2016-1-24 (дата обращения: 16.11.2025).

223. Avesta information agency. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://avesta.tj/2025/02/10/v-tadzhikistane-v-2024-godu-snizilos-kolichestvo-brakov-i-razvodov-novyroslo-chislo-zhalob-na-nasilie/> (дата обращения: 02.10.25).

224. Cornell Law School. Quasi-criminal (proceeding) // Legal Information Institute (Wex). – URL: [https://www.law.cornell.edu/wex/Quasi-criminal_\(proceeding\)](https://www.law.cornell.edu/wex/Quasi-criminal_(proceeding)) (дата обращения: 16.10.2025).

225. Justia Legal Dictionary. Quasi-criminal. – URL: <https://dictionary.justia.com/quasi-criminal> (дата обращения: 16.10.2025).

226. Chin, G. J. Illegal Entry as Crime, Deportation as Punishment // UCLA Law Review. – 2012. – Vol. 61. – P. 1349–1414. – URL: <https://ssrn.com/abstract=2142491> (дата обращения: 16.10.2025).

227. Cambridge Law Journal. Criminal Law — Quasi-Crime — Mens Rea // The Cambridge Law Journal. – 1963. – Vol. 21(2). – P. 221–224. – URL: <https://scispase.com> (дата обращения: 16.10.2025).

228. Juridica International. Quasi-Criminal Law in the EU Context // Juridica International. – 2024. – No 33. – P. 89–101. – URL: https://www.juridicainternational.eu/public/pdf/ji_2024_33_89.pdf. (дата обращения: 16.10.2025).

ПЕРЕЧЕНЬ НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ СОИСКАТЕЛЯ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ

I. Научные статьи, опубликованные в журналах, рецензируемых и рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Президенте Республики Таджикистан:

[1-А]. Дадобоева З.А. Теоретико-методологические основы понятия правонарушения [Текст] / З.А. Дадобоева // Правовая жизнь – 2023. – №2 (42). – С. 30-38; ISSN 2307-5198.

[2-А]. Азиззода У.А., Дадобоева З.А. Правонарушения в частном праве [Текст] / У.А. Азиззода, З.А. Дадобоева // Государствоведение и права человека. – 2025. – № 3 (39). – С. 27-41; ISSN 2414-9217.

[3-А]. Дадобоева З.А. Теоретико-правовые вопросы соотношения правонарушения с нарушением субъективных прав [Текст] / З.А. Дадобоева // Вестник ТГУПБП – 2025. – №4 (105). – С. 5-14; ISSN 2411-1945.

[4-А]. Дадобоева З.А. Классификация правонарушений по законодательству Республики Таджикистан: теоретико-правовой анализ [Текст] / З.А. Дадобоева // Законодательство. – 2025. – №4 (60) – С. 90-94; ISSN 2410-2903.

[5-А]. Азиззода У.А., Дадобоева З.А. К вопросу о соотношении категорий «правонарушение» и «правовая ошибка» в теории права [Текст] / У.А. Азиззода, З.А. Дадобоева // Государствоведение и права человека. – 2026. – №1 (41). – С. 45-52; ISSN 2414-9217.

II. Научные статьи, опубликованные в сборниках и других научно-практических изданиях:

[6-А]. Дадобоева З.А. Понятие правонарушения [Текст] / З.А. Дадобоева // Материалы международной научно-практической конференции на тему «Таджики в зеркале истории», посвященной 115-летию Академика АН СССР Б. Гафурова (27 октября 2023 г.). – Душанбе, 2023. – С. 74-83.

[7-A]. Дадобоева З.А. Терроризм – как международное преступление [Текст] / З.А. Дадобоева // Материалы международной научно-теоретической конференции на тему «Терроризм и экстремизм - угроза безопасности человечества!» посвященной 35 – й годовщине государственной независимости Республики Таджикистан (27 октября 2023 г.). – Худжанд, 2023. – С. 463-471.

[8-A]. Дадобоева З.А. Правонарушения в области водопользования. [Текст] / З.А. Дадобоева // Материалы международной научно-теоретической конференции на тему «Водные ресурсы в современном мире: проблемы и эффективное использование», посвященное Международному десятилетию «Вода для устойчивого развития 2018-2028» и объявлению 2025 года «Международным годом защиты ледников» (25 мая 2023 г.). – Худжанд, 2023. – С.363-369.

[9-A]. Дадобоева З.А. Правонарушение и злоупотребление правом. [Текст] / З.А. Дадобоева // Материалы международной научно-теоретической конференции на тему «Теоретические вопросы формирования культуры прав человека в Таджикистане», посвященной празднованию дня прав человека (5 декабря 2023 г.). – Душанбе, 2023. – С. 710-719.

[10-A]. Дадобоева З.А. Правовое регулирование проблемы защиты ледников в Республике Таджикистан. [Текст] / З.А. Дадобоева // Материалы международной научно-теоретической конференции на тему «Изменение климата и его влияние на экономическое и социальное развитие стран», посвященное Международному десятилетию «Вода для устойчивого развития 2018-2028» (12 марта 2024 г.). – Худжанд, 2024. – С. 365-370.

[11-A]. Дадобоева З.А. Правовое просвещение и профилактика правонарушений несовершеннолетних [Текст] / З.А. Дадобоева // Материалы республиканской научно-теоретической конференции на тему «Роль лидера нации в развитии правового просвещения общества» посвященной «Году правового просвещения» на базе кафедры теории и

истории государства и права юридического факультета Таджикского национального университета, (14 июня 2024 г.). – Душанбе, 2024. – С. 110-120.

[12-A]. Дадобоева З.А. The role of legal education in the prevention of juvenile delinquency [Текст] / З.А. Дадобоева // Материалы республиканской научно-практической конференции на тему “Конституция Республики Таджикистан” – основа устойчивого формирования правового просвещения и строительства правового государства” посвященной 30-летию Конституции Республики Таджикистан и “Году правового просвещения” (23 октября 2024 г.). – Худжанд, 2024. – С. 434-440.

[13-A]. Дадобоева З.А. Хукукбайронкунӣ ва кирдори зиддихукукии объективӣ [Текст] / З.А. Дадобоева // Материалы VIII международной научно-теоретической конференции на тему «Права человека и глобализация», посвящённой дню прав человека (10 декабря, 2025 г.). – Душанбе, 2026. С. – 241-245.